

Тасбуна у Јосефи

№1 (5), 2010

№1 (5), 2010

Тасбула и Россия

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛ,
ИЗДАВАЕМЫЙ
СЕРГЕЕМ ЯКОВЛЕВЫМ

при участии
*Льва Аннинского,
Андрея Битова,
Елены Зайцевой,
Михаила Кураева,
Валентина Курбатова,
Владимира Леоновича.*

Корреспонденты:
*Роман Всеволодов (Санкт-Петербург),
Елена Романенко (Челябинск),
Виталий Тепикин (Кинешма),
Светлана Тремасова (Саранск),
Сергей Филатов (Бийск).*

ВЫХОДИТ
ЧЕТЫРЕ РАЗА В ГОД

МОСКВА
«Знак»

Журнал «Письма из России»
выпускается на благотворительные
пожертвования.
Авторы и постоянные сотрудники
денежного вознаграждения не получают.

Макет: Александр Архутик

Художественные автографы: Владимир Леонович

Верстка: Марина Кузнецова

Корректор: Светлана Терещенкова

В оформлении номера использованы
живописные этюды Веры Евдокимовой
(г. Пересвет).

При перепечатке ссылка на журнал
«Письма из России» обязательна.

© С.А. Яковлев, 2010

Редактор-издатель не всегда разделяет
убеждения и вкусы авторов.
Слова «Бог» и «бог» сохраняются
в авторском написании.

Рукописи и предложения принимаются
в электронном виде по адресу:
sayakovlev@yandex.ru

Издательство «Знак»
101000, Москва, а/я 648
тел.: (095) 361-93-77
e-mail: znack1993@rambler.ru

Отпечатано в ПЦ МЭИ,
Москва, Красноказарменная ул., 13
тираж 500 экз.
заказ №

Содержание

ПРЯМАЯ РЕЧЬ

- 5** **Сергей Яковлев**
(Москва)
СОВЕСТЬ И СМЫСЛ

ПЕРЕПИСКА РЕДАКТОРА

- 8** **Владимир Леонович**
(д. Илешево Кологривского района Костромской обл.)
БУДЕМ ЖИВЫ!

ПОВЕСТЬ

- 40** **Михаил Войтенко**
(Бангкок)
НЕТ МЕСТА СКУКЕ, ИЛИ «ARCTIC SEA» ONLINE
Криминальная хроника с открытым финалом

ПРИМЕТЫ

- 99** **Елена Соколова**
(Кострома)
ВНЕШТАТНАЯ СИТУАЦИЯ. КОГДА РАК СВИСТНЕТ
Рассказы

ПОЭЗИЯ

- 109** **Ольга Андреева**
(Ростов-на-Дону)
РОСТОВ – МОСКВА

ПРИКОСНОВЕНИЕ

- 121** **Елена Зайцева**
(Владивосток)
СИЯНИЕ

ПРЕМЬЕРА

- 129** **Ольга Никонова**
(Ярославль – Люблина)
ПРИВЕТ ИЗ ЛЮБИМА
Рассказ

ПЕЧАЛЬНОЕ

- 141 **Валентин Курбатов**
(Псков)
ИЗДАТЕЛЬ ЖИЗНИ
Памяти Геннадия Сапронова

ПОВТОРЕНИЕ ПРОЙДЕННОГО

- 146 **Александр Ороев**
(Льгов)
ПРОГУЛКИ С ВАЛЕНТИНОМ ОВЕЧКИНЫМ

ПРОКАЗЫ

- 155 **Петр Матюков**
(Новосибирск)
СУМАСБРОДСКОЕ
Стихи

ПРИТЧА

- 166 **Аглая Морозова**
(Архангельск)
ГОРОДОМОР

ПОСТСКРИПТУМ

- 178 **СВЯТЫЕ НАСТАВЛЕНЬЯ**
К 100-летию со дня рождения
Анания Фёдоровича Яковлева

Сергей Яковлев

СОВЕСТЬ И СМЫСЛ

Это по Пушкину:

Читал, читал, а всё без толку:
Там скука, там обман иль бред;
В том совести, в том смысла нет;
На всех различные вериги;
И устарела старина,
И старым бредит новизна.

Выделять здесь можно всё подряд, потому что и *различные вериги*, которыми обвешаны мысли и слова, и *устаревшая старина*, и напыщенное повторение задов под видом новейших открытий – броские приметы времени. Уже не пушкинского, а нашего.

Валентин Курбатов давно призывал меня объяснить перед читателями: что у меня за журнал, с какой программой, и почему я предпочитаю вести его один. Нет ли в этом какого подвоха или, например, многозначщей тенденции? Вроде как всё вокруг рухнет, традиционная литература оскудевает и чуть ли не на краю могилы стоит, вот и журналы на последнем своём издыхании – персонализируются... Валентин Яковлевич острее многих чувствует этот душок всеобщего разложения, но тут, наверное, сказывается ещё его щепетильность: хочется раз и навсегда понять, в чём же лично он согласился участвовать, и определиться.

Щепетильность понятная, мне также не чуждая. Поэтому на пятом выпуске – после того как тон журналу задавали Андрей Битов и Лев Аннинский (№ 1), сам Валентин Курбатов (№ 2), Михаил Кураев (№ 3) и Владимир Леонович (№ 4) – я решаюсь взять слово.

Начну с того, что журнал всё-таки, как правило, – не единоличное предприятие, он поневоле состоит из многих разных голосов. (Великим исключением был «Дневник писателя» Достоевского.) Кто я? Всего лишь собиратель и составитель. Но, с другой стороны, журнал требует единства и цельности. Хорошо, когда это ещё и растущая, саморазвивающаяся цельность живого организма. Итог (в идеале) должен быть сопоставим с результатами труда режиссёра, подбирающего артистов на роли и мучительно добивающегося от них согласия – не только между собой, не только с пьесой (а пьесу для журналиста пишет жизнь), но и со своим художественным замыслом. То есть журнал – самостоятельное произведение. У редактора на него порой уходят силы, вполне сравнимые с затратами при написании оригинального текста, повести или романа. Подобные усилия должны, вероятно, иметь определённую внутреннюю цель.

Сформулировать эту цель не проще, чем ответить на вопрос «как надо жить?». На такие вопросы и отвечать приходится всей жизнью. Но когда перед вами юнец с горящим от нетерпения взором и вы понимаете, что от вашего ответа будет зависеть, как он поступит уже сейчас и что из него получится завтра, приходится делать выбор и останавливаться на самом главном.

Можно бы заявить, как говаривали в старой редакции «Нового мира»: «Мы печатаем всё талантливое». Однако это лицемерие – хотя бы потому, что представление о талантливом очень растяжимо и нередко зависит от личных вкусов.

Скажу так: я не терплю в литературе двух вещей. Во-первых, глумления над чем бы то ни было: слабостью, отсталостью, невежеством, глупостью, уродством, любыми врождёнными недостатками и пороками, принадлежат ли они отдельному человеку, целому народу, стране или всей жизни вообще. Во мне слишком сильно чувство родовой принадлежности к этому миру, чтобы над ним глумиться. Каждый из нас бывает в каких-то ситуациях некрасивым, тупым, убогим, вредным и уж точно – виноватым. По моему глубокому убеждению, потребность писать исходит именно из чувства вины, из необходимости объясниться. «Чему смеетесь?..» Страдать, проклинать, ненавидеть – да, но не измываться с чувством превосходства (разумеется, мнимого). Всегда быть «внутри», а не «снаружи»...

И, во-вторых, – напускания словесного тумана, невнятности и зауми, за которыми чаще всего скрывается внутренняя пустота и абсолютная неспособность мыслить.

Как раз об этом и у Пушкина.

Не случайно совесть и смысл в последнее 20-летие (и даже раньше) стали идеологическими «флажками», вызывая нешуточное раздражение в равной мере и у радикалов, и у замшелых консерваторов. Догадываюсь, что кто-нибудь из кинувших мимолётный взгляд на заголовок поначалу даже соблазнился: наконец-то эту пару разведут! Но ведь совесть и смысл – не антиподы, они всегда заодно. Даже с точки зрения когнитивной они удачно дополняют друг друга, представляя иррациональную и рациональную стороны бытия.

Кто-то сочтёт наложенные мной ограничения слишком строгими. А я отвечаю: человек (человек!) таких ограничений и не заметит вовсе, они для него естественны как воздух. Вне совести и смысла не бывает ни жизни, ни тем более творчества. Мешают они лишь тем, кто уже привык, приоровился к нечеловеческому существованию.

Кому-то, наоборот, моя позиция покажется нечёткой и всеядной. Нагруженные различными веригами доброжелатели не преминут заметить, что она в конечном счёте способствует размыванию эстетических и нравственных норм, поскольку даже революционерами-бомбистами, как известно, двигала совесть, а сатана весьма искусен в риторике и софизмах... Всё бы так (хотя, конечно, и веет *устаревшей новизной*), да только печальный и давно очевидный факт в том, что от всех нынешних литературных партий, групп и кружков, собравшихся под теми или иными знамёнами, – будь они «справа» или «слева», в авангарде или арьергарде, – как-то незаметно сбежали и совесть и смысл. Убедившись, наверное, что в обстановке столь серьёзных баталий они не очень-то и нужны, – тут ставки куда выше.

Поэтому я делаю «свой» журнал. В противном случае, в наше-то воинственное и амбициозное время, пришлось бы непременно взвалить на себя ношу чужих интересов и мнений, отказаться от многого своего и принять только общее для многих, более бедное по определению. Поэтому в участниках журнала – литераторы, которые давно стали для меня (и не только, надеюсь, для меня) примером одинокой совести и ответственного смысла. Каждый из них упрямо гнёт свою линию. Поэтому в эпиграфе на журнальном обороте – слова покойного И.А. Дедкова. У меня есть основания гор-

даться такими союзниками. Их могло быть, должно было быть больше, поскольку есть ещё писатели, которых я люблю, у кого учусь умному и честному отношению к жизни и кто, знаю, симпатизирует мне и моему делу. Надеюсь, наше сотрудничество впереди.

Однако за разговорами о позиции и направлении как-то забылось главное. А главное в каждой новой книжке – её авторы. Без их произведений, реального наполнения, журнальной «плоти» никакие намерения ни к чему не ведут.

Сам не знаю, почему мне вздумалось назвать все разделы журнала словами на букву «П», но теперь это кажется важным. «Приметы», «Прикосновение», «Печальное», «Проказы», «Притча», «Постскриптум»... Как знаки препинания. Как сигнал остановиться, взглянуться и воздать должное.

Не буду о Владимире Леоновиче – это друг и давний соратник, замечательный русский поэт, подвижник на литературном и общественном поприще. Масштаб его личности и моё отношение к нему видны из переписки.

Не буду больше о Валентине Курбатове, которого совсем недавно имел радость поздравить с присуждением ему Новой Пушкинской премии за 2010 год (председатель совета премии – Андрей Битов, что тоже говорит о многом). Хотя повод для выступления Курбатова на страницах этого номера очень печален.

Но вот пишут нам из Бангкока – поселился, оказывается, и там русский дух. Человек хочет остановить других людей, слепо бредущих к пропасти; он взывает, кричит, исходит сарказмами – окружающие ноль внимания. Глухота – свидетельство общественной беды. На протяжении журнальной книжки мне ещё придётся произнести эти слова.

Критик Елена Зайцева, витая как будто в заоблачных высях, на самом деле напряжённо ищет путей выхода из этой беды, спасения для всех и каждого. Говоря её словами – «горизонтальных» связей человека с теми, кто идёт совсем по другим лестницам, с целым миром. Какой-то единой площадки, где соединяются все правды. У нас с ней одна вера.

Поистине роскошна «премьера» Ольги Никоновой: давно не приходилось мне читать в прозе ничего более правдивого и горького о простых человеческих отношениях. Персонажи у неё крупные, яркие, как будто хорошо знакомые и даже родные, и оттого делается ещё горше. Тут уж впору заводить разговор о восстановлении связей внутри каждой искалеченной души, вносящей свою лепту в мировую дисгармонию.

О такой дисгармонии в пределах одного российского городка, о бесстыдной исторической забывчивости и опасной глупости – очерк Александра Ороева из Льгова. А дальше – стихотворные «проказы» Петра Матюкова с глубоким трагическим подтекстом (такое «сумасбродство» дельнее многих здравых рассуждений), надрывное отчаяние юной Аглаи Морозовой в её лирических «притчах»...

Не всех успел назвать, да это и не важно. Кого напечатал, все «мои».

Я пишу эти строки перед самой отправкой номера в типографию, перечитав журнал уже не по одному разу, и чувствую в себе одновременно подъём и какую-то тяжесть, словно камень на сердце. К счастью, не осталось чувства пустоты, но тяжесть по прочтении велика. Это непредумышленный слепок с самой жизни, от чего не легче. Становится страшно за людей, которые встают за этими страницами. Нелюбовь к своей стране, неверие в свой народ, в человеческую природу, в саму жизнь достигли гибельных пределов, и это худшее из всего худого, что за последние два десятилетия сделалось с Россией.

А подъём – оттого, что есть возможность перекинуться словом, понять боль другого и самому быть понятым. Что нас, не готовых расставаться с совестью и смыслом, всё-таки немало.

Давайте и дальше гнуть каждый свою линию. Как положено староверам.

Владимир Леонович

Будем живы!

8 февраля 1997 г.

Парфеньево Костромской обл.

Дорогой Сергей Ананьевич!

Я не ошибся, надписывая Вам книгу¹. Теперь считайте меня своим *другом*. Пока мы говорили с Вами в Вашем кабинетике, я это уже понял нутром. Потом – «Письмо из Солигалича»². А теперь – крохотная статейка в «Сев. правде»³ (вырезала и прислала Вера Арямнова), великолепная по счастливой точности чувства – к ней же слова слетаются сами. Безусловно, всё так. Игоря можно было потрогать рукой, зная, кто и что он такое. Ты, Моцарт, Бог...

А уж на нашем-то разоре, на нашей-то мерзости запустенья...

Вот и Ваше слово сию минуту таково же – рядом с ефрейторским окриком некоего П. Гришина...

Ведь этим людям Дедкова уже не прочесть! (Я перечитываю его с наслаждением, со слезами.) *Не вместишь* не то что русской нашей бесконечности, а и самых простых вещей, обиходных для нормального и порядочного человека.

Да, Игорю было одиноко – одиноко и сейчас. Оглядываюсь кругом: Фазиль... Кто ещё? Да и Фазиль, в силу отзывчивости, оказывается в к.н. ихней тусовке.

¹ Книга В. Леоновича «Явь». Была подарена автором в ноябре 1996 г. в стенах редакции «Нового мира» с надписью: «С огромной симпатией, переходящей в более высокое качество – с радостью – Сергею Яковлеву».

² Сергей Яковлев. Письмо из Солигалича в Оксфорд. Роман. – Новый мир, 1995, № 5.

³ Сергей Яковлев. Дар гражданина. – Северная правда от 9.01.1997 г. С. 2.

У меня, кроме лирики, за душой ничего. А лирика такова: примите мою радость. Я *рады́й* Вам, как на моём Севере говорят. И ещё так: «я ему *обрадела*»...

Очень, очень рад!
Храни Вас Бог!
Владимир Леонович

29 июня 1999 г.

Кострома

Дорогой Сергей Ананьевич!

Собирался-собирался Вам написать – а навстречу звонок Н. Муренина⁴: Яковлев ищет Леоновича...

Я и правда пропал для 9/10 приятелей и знакомцев, а друзей на свете почти уж не остаётся.

№ 1 – номер пробный, его приняли, ничего⁵, и всё бы ладно в перспективе, да деньги губ. администрации получают из рук вздорной бабы Галины Ив. Ивановой: хочу – дам, хочу придержу, а принесите материалы: те ли, так ли составлены... Т. е. лезет не в своё дело, и приходится, после попытки воспитать её, «Нач-ка Департамента к-ры», в духе культурного сотрудничества компетенций – ставить ей скромный ультиматум: или работаем каждый своё – или простимся на 1 или 2 №. Эта НЕРОБОТЬ СОТОНЬСКА как была по рукам работающего человека – так и продолжает.

Приходится ей писать:

Поиграла щука с блесною
А Галина Ивана со мною.

Я за жабры тебя держу,
В пасть разинутую гляжу –
Там зубов, зубов...

Ай да пасть!
Ай да пасть – воровская
власть...

и т. д.

Объясняю ей, что *моим* цензором *она* быть не может; что смешно, когда нет узды на порнографию и другие виды растления народного, цензурировать – или как – последних интеллигентов, затеявших издание «СП – К» в память И. Дедкова. Пишу ей, что Дедков – мой цензор и соавтор – не она же!

Но эти дамы у власти неменяемы.

Так что благое начинание рушится. Быть может, глава городской администрации Коробов, слывущий интеллигентным человеком, переимет газету?

Если нет...

Один из вариантов: вернуться в Подмоскovie, продолжить работу с «репрессированными» рукописями – царство небесное авторам! – и грамотно объявить голодовку Вашему однофамильцу, А.Н.⁶, обещавшему *трижды* снизить к судьбе

⁴ Муренин Николай Владимирович – литератор, редактор журнала «Губернский дом» (Кострома).

⁵ Речь о первом выпуске газеты «СП – Культура» – приложении к костромской областной газете «Северная правда», которым занимался в то время В. Леонович.

⁶ Яковлев Александр Николаевич, в то время председатель Комиссии при Президенте Российской Федерации по реабилитации жертв политических репрессий.

Культура памяти

ДАР ГРАЖДАНИНА

БЛИЗИТСЯ скорбная дата: два года со дня смерти Игоря Александровича Дедкова - писателя, общественного деятеля, чуткого и чистого человека.

Когда-то древние греки воплотили свой человеческий идеал в двух словах: "прекрасный и хороший". Это и есть лучший портрет Игоря Александровича.

Мы с ним были знакомы давно. Последний разговор состоялся за две недели до его кончины - что-то, как всегда, разваливалось в моей жизни и вокруг меня, от чего было горько и тошно, и я, как часто бывало, искал в нем поддержки.

И он, совсем уже слабый, говоривший с трудом, задыхаясь, эту поддержку дал.

Среди многого, что было в том разговоре, помнится: Дедков с гневом, как о национальном позоре, говорил о реакции на состоявшееся в те дни выступление в Думе нашего великого соотечественника А.И. Солженицына, о глупом и подлом поведении иных писателей - "демократов".

Дедков был блистательным писателем. Но главный дар, не оставлявший его до последнего вздоха, иной: это дар гражданина.

Костромская библиотека... Я сживал в ее залах, получал из подвальных хранилищ запрещенные книги, которые сегодня на любом прилавке: Бердяев, Розанов, Леонтьев... И слышал от "читателя" за спиной раздраженное: "Бердяев? Это же махровый реакционер! Девушка, зачем вы даете ему эту книгу?"

Кто помнит, тот поймет и оценит, что значил в те годы Дедков для провинциальной Костромы. Что значил для той же девушки-библиотекаря, вопреки страху желавшей "сеять разумное, доброе, вечное", этот библиотечный завсегда-тай, одним ироничным словом, одной лишь улыбкой отгоняв-

ший куда-то мрак невежества, доносов и насилия.

Игорь Дедков считал Костромскую областную библиотеку своим вторым университетом, более важным для его духовного становления, нежели первый, Московский.

Думаю, для костромской интеллигенции, в том числе и для библиотечных работников, лучшим университетом был он сам. Что-то было в натуре Дедкова, в самом светлом облике его, заражавшее окружающих страстью к свободе и просвещению. Это после него мы стали получать и читать запрещенные книги.

И еще один урок свободы, из важнейших, преподанный Игорем Дедковым уже в последние годы жизни: он напомнил всем, что читать-то надо было не потому, что "запрещенное", а с умом и разбором...

Так переименовывать библиотеку или не переименовывать?

Не хочу сравнивать имена Дедкова и Крупской. Злоба дня, политическая потребность выслужиться переименованиями и свержениями прежних кумиров, так нам привычная, - это не вопрос культуры. Сам Игорь Александрович был далек от всяческой политической суеты и совершенно чужд сервизму, тем и стал велик.

Хочу обратиться к гражданскому достоинству костромичей, к их историческому чутью.

Рядом с вами много лет жил великий человек. Не придворный лизоблюд, не богатей-нувориш, не дутый "классик", даже не академик, не маршал и не Герой. Просто гражданин вашего города, которого вы сами, без чужой подсказки, признали великим. Гражданин, доблестями которого гордился бы любой город мира на протяжении всей истории человечества.

Скорбным величием полна история древних Афин и Рима.

Величие это несут в себе не кровавые войны, не сказочные богатства, даже не великая культура античности, оно, это величие, в именах и подвигах людей, память о которых дошла до нас через тысячелетия. Дошла во многом благодаря гражданской ответственности их соотечественников и современников, осознавших, что именно на этих примерах должно и будет воспитываться грядущее человечество.

Не с этого ли начинается подлинная история - города ли, страны? сознательная жизнь в истории? Не с признания ли заслуг великих соотечественников может начаться в доставшейся нам мерзости запустенной новой, достойной жизни, о какой мечтал, какую творил вокруг себя Игорь Дедков?

Подумайте об этом, костромичи.

Рядом с Игорем Александровичем поставит некого. Отлянитесь вокруг: пусто! Книжек в взор назад, в 90-е, 80-е, 70-е: были у нас мудрецы, и герои, подвижники даже, а вот великими гражданами, увы, обделена современная Россия. Оттого и несем день ото дня все более тяжкие потери.

А что до переименований... Мы пережили их по многу раз, массовые, нелепые, постыдно-услужливые. Это не из их числа. Это не "по случаю"... Впрочем, пожалуй, именно это-то как раз по случаю. По случаю всенародной утраты, связанной с уходом жизни великого гражданина Игоря Александровича Дедкова. В память и пример новым поколениям. Ради нашего с вами будущего.

И никакого другого случая и повода рядом с этим стоять не может.

Сергей ЯКОВЛЕВ,
заместитель главного редактора журнала "Новый мир".

НЕ ПОРА ЛИ ЗАКОНЧИТЬ?

ДЕВЯТЬ авторов уже выступили!

Я имею в виду продолжающуюся дискуссию, посвященную явно но важнейшей сегодня проблеме переименования областной научной библиотеки имени Н.К. Крупской.

Само понятие "дискуссия" как "исследование", "спор" явно не соответствует рассуждениям некоторых авторов. Здесь и анализ условий, правил работы библиотеки сегодня, и напрасное стремление доказать, что И.А. Дедков был умнейшим, высоконравственным человеком и квалифицированным литератором (об этом костромичи уже знают много лет и по достоинству ценят) и ценят Игоря Александровича).

А вот о главном: нужно ли сейчас переименовывать библиотеку имени Н.К. Крупской в библиотеку имени И.А. Дедкова - сказали работники самой библиотеки. Абсолютным большинством решили - не переименовывать.

И с ними можно согласиться, так как мнение "специалистов" других профессий менее

весомо. К тому же - за чей счет могла бы происходить смена вывески, печатей, штампов, документации? За счет средств газеты "Северная правда", бюджета самой библиотеки, областной администрации, богатых спонсоров? Все несомненно муча.

Вдумайтесь: ныне уже переименованы сотни и тысячи заводов, фабрик, учебных заведений, городов. А уж если новаторы-инициаторы затеяли "Правильно дело!" (выражение московского публициста, писателя, члена клуба ПЕН-клуба Ю. Буртина), тогда на равном основании не развернуть ли в Костроме массовое переименование городских библиотек имени А.И. Радищева, А.И. Герцена, А.П. Гайдара, А.В. Луначарского, а далее по очереди типография имени А.М. Горького. Вот только будь жив Игорь Александрович, он бы не допустил такой вакханалии. Его разум был выше разума творческой интеллигенции, развернувшей на страницах газеты неактуальную дискуссию.

П. ГРИШИН.

реп. лит-ры, репресслируемой и сегодня, т. к. сокращена должность секретаря Репкома – нашей реп. комиссии – связного и ангела – и вечные бедняги опять «без права переписки» и в отрыве от писателей, занятых собою преимущественно.

Не вам одному дело до «СП – К». Ещё Б. Черных (он на Востоке, издаёт на Амуре «Русский берег»). Ещё Н. Алёшкову (издавал и возобновляет «Звезду полей» в Наб. Челнах). Ещё Анат. Кобенкову – Иркутск, 24-полосная роскошная «Зелёная лампа», кому-нибудь ещё.

Рад Вам писать – рад буду Вашей весточке... Проклятая шука!

Жизнь продолжается – будем живы!

Ваш В. Л.

12 июля 1999 г.

Дорогой Владимир Николаевич!

Сердечное Вам спасибо за весточку и за газету. Название, конечно, неудачное: «СП» навеивает мысль о совместном предприятии или, что не легче, о Союзе писателей (во всяком случае, я долго гадал, что бы это значило), а «Культура» – это что-то привычно слабое, чересчур снисходительное и всегда дотационное, если не сказать казённое. И ведь название – давит! Но Вы обнадеживающе его вышучиваете.

С удовольствием прочёл обе Ваши статьи и репортаж Веры Арямновой о дедковских чтениях. Стихи Федора Волкова – это (для газеты) выдающаяся находка. Швед-музыкант оказался глуповатым, так что на него как будто и бумаги жалко (костромской; лучше бы изводил столичную). Если бы я, к примеру, добровольно уехал из страны (чего не бывает), то постеснялся бы учить оставшихся. Впрочем, это понятно как дань времени. Село Воронье, где прошёл праздник «Играй, гармонь!», я знаю, там живописные руины колокольни с воронами на ней (из года в год наблюдаю эту картину, проезжая в Солигалич). Остального не успел изучить. Пилотный номер, видимо, всегда подлежит в дальнейшем реструктуризации, и первое впечатление (пожелание) моё как читателя несколько парадоксальное: поменьше бы культуры, той самой.

Где нутро русского человека, влачащего свою жизнь на костромской земле? Почему вместо Лесковых и Розановых о человеке этом продолжают судить (говорить за него, как в советские времена) большие и маленькие Г.И. Ивановы?

Одnodумов и нынче хватает, а вот писать о них некому.

Я взялся формировать отдел очерка – всего-навсего – в журнале «Родина», и вот – нет очерков! В такое-то жуткое время, когда жизнь сама прёт на бумагу. Утрачена интонация жизни, и никто не хочет, как говаривал Достоевский, «задумываться». Владеют интонацией только старики (Солженицын с Астафьевым, например), но они устали, да и не слышат их почти.

Посылаю Вам «Общую газету» со своей статьёй о Дедкове и Костроме⁷. Был соблазн процитировать в ней, помимо прочего, следующее наименование: «Департамент культуры, кино (?) и исторического наследия администрации Костромской области» (я его ещё в апреле приметил и выписал для себя), но постеснялся, пощадил их самолюбие. А теперь, после Вашего грустного письма, вижу, что напрасно.

Не отчаивайтесь. Печать наша вся в глубокой яме, и едва ли какая-нибудь администрация заинтересована в том, чтобы помочь ей оттуда выкарабкаться. Надо придумать что-то другое: собирать по копейке, как на храм. Благодарные читатели-то ещё есть.

⁷ Сергей Яковлев. Родина живущих здесь. – Общая газета № 26 (308), 1 – 7 июля 1999 г. С. 16.

Знаю, сколько работы с газетой, и всё же решаюсь напомнить: Вы обещали что-нибудь написать в «Родину». На пол-листа или чуть более. Если нужно, будет у Вас тотчас фото-корреспондент. С Мурениным мы договорились (по телефону), что «Губернский дом» будет коллективным корреспондентом журнала «Родина», хотелось бы и другие провинциальные журналы к этому привлечь, реально собирая таким путем Ассоциацию родственных журналов (старая идея) – не поможете ли с адресами? Напомните, Владимир Николаевич, при случае Муренину, что обещанного материала жду – срочно (пусть шлёт на редакцию). И с Олегом Лариным⁸ срочно нужно связаться, его вещь в работе, а адреса у меня нет. Что делать? Если вдруг объявится, попросите его, пожалуйста, позвонить мне...

Можно ли Вам звонить, хотя бы по казённому? В какие дни и часы?

Я больше работаю дома, на службе – изредка.

Мы с женой (она в стихах смыслит больше моего) часто открываем подаренные Вами книжки и радуемся: тому, что появились у нас новые любимые строки, что есть на свете настоящий живой поэт, что вообще, как любит этот поэт говорить, – «жизнь продолжается!»

Ваш

Сергей Яковлев.

2 августа 1999 г.

Кострома

Дорогой Сергей Ананьевич!

Если я засяду за очерк для Вас, пройдет неделя, а хочется ответить Вам поскорее.

...Комсомольский секретарь Г. Иванова осталась таковым и в кресле начдепа. Я от неё ушёл, написав памфлет «Убиение младенца» (от Грозного и Годунова – и до Г. Ивановой – наш обиход), пересылаю его для «Книжного обозрения», где недавно было моё интервью с Борисом Евсеевым – тот просил *чего-нибудь*. О газете, что сажусь на кол, он знал, но банальной истории убиения не знает. Так на же! Вам-то вряд ли это понадобится (?), но если бы, вдруг... Это слишком на всё похоже, но меня зацепило всерьёз, я послал этой даме три филиппики, а в газете напечатаю для узкого круга (жене не показывайте, Бога ради!).

Поиграла щучка с блесною,
А вот эта штучка со мною –
Тут и сказке конец,
Тут и рыбке пи-
ши пропало,
А мне и горя мало!

Хожу по Костроме и угадываю по лицам моих читателей, их немало. И досада моя велика...

24 декабря 2001 г.

Кострома

Дорогие мои! Серёжа и Люда!

Здоровья вам, мира вам и всяких радостей в Новом году. Надеюсь, в нём побываем мы в Солигаличе. Надеюсь, испечёт Люда праздничный пирог – праздник мы всегда найдём!

⁸ Писатель, общий знакомый, проводивший лето в костромской деревне.

Серёжа, повтори мне, пожалуйста, адрес той *bon vivante*, что летом живёт в Совеге, а зимой в Питере⁹. В Питер я съезжу к другу.

Как сотрудник «Предлога»¹⁰ я завис. Если дадут мне статус собкора, прорубающего окно в Поволжье, вопросов не будет. Если не дадут, они возникнут. Но в обоих случаях и в контексте наших мечтаний о журнале рассчитывай на меня.

Я в снегах, в бессоннице и спячке...

(Строка ненаписанного стихотворенья.) И, в общем, в состоянии затора (залом) скопившихся неразрешённостей.

Мелькнул в Москве дважды (вечер Жигулина и проездом в Минск на Дни культуры – позвал Саша Эбаноидзе¹¹). Мелькнул – а надо посидеть, как то прилично и привычно нам, землякам.

Обнимаю вас!

Будем живы!

Володя.

18 мая 2002 г.

Дорогой Володя,

вернувшись из Солигалича, где был с 1 по 11 мая, получил твою телеграмму с поздравлением¹². Спасибо. Как узнал? Я ведь скрываюсь, никому про свои даты не говорю.

На чтения выехать не смог¹³, но узнал подробности от Тамары Федоровны¹⁴. И одну из важнейших – что ты обосновался в Костроме. Дело в том, что я уже много месяцев пытаюсь установить с тобой связь, с тех самых пор, как ответил на твоё новогоднее письмо (отправив ответ «на деревню дедушке» – по адресу, указанному на конверте), приставал с этим и к Т.Ф., и вот она вернулась из Костромы с доброй вестью – и не спросила у тебя адрес!

Напиши, наконец, где тебя искать. Может быть, и телефон есть? Приложи на всякий случай планчик, как добраться от центра, мы ведь летом довольно часто спуем на машине из Москвы в Солигалич и обратно. Хорошо бы повидаться и в Москве, будем рады тебе (оба) в любое время дня и ночи. Соскучились.

Я заканчиваю свою очередную эпопею листов на 20, которую не знаю пока, куда определить. С журналом «Родина» дела плохи (и сам журнал в нынешних условиях почти обанкротился, три месяца уже не платит сотрудникам и авторам, да и мне там тяжело). Не оставляю замысла о журнале русского провинциального очерка. Сорос щедро финансирует какой-то межеумочный «Вестник Европы», а под нашу (либерально-почвенную) идею денег, конечно, не даст. А я уже вижу этот журнал: на газетной бумаге, вроде старой «роман-газеты», и чтобы истрепанные подшивки пылились на каждом солигаличском чердаке... Дешевое народное издание, которое

⁹ Речь идет об Елене Андреевне Назаренко, тогда известной В. Леоновичу по моим рассказам (позже, побывав в Солигаличе и на Совеге, он познакомится с ней лично). – С.Я.

¹⁰ Литературно-художественный альманах, издаваемый Г. и А. Гордонами (отцом и сыном). Одно время В. Леонович входил в редколлегию этого издания, впоследствии вышел из неё по принципиальным соображениям.

¹¹ Эбаноидзе Александр Луарсабович, главный редактор журнала «Дружба народов».

¹² К юбилею. – С.Я.

¹³ Речь идёт о ежегодных Дедковских чтениях в Костроме.

¹⁴ Дедкова Тамара Фёдоровна, вдова И.А. Дедкова.

начнет (увы, с азов) возвращать русской литературе читателя. Или, наоборот, читателю – русскую литературу.

Стороной (из интервью с Т. Жирмунской) узнал о выходе книжки Яна Гольцмана¹⁵, деньги на которую собирали якобы в Германии (?). Самой книги не видел.

Удалось ли тебе установить контакт с питерской совеганкой Е.А. Назаренко? Если моё зимнее письмо не дошло, могу повторить её координаты, а летом (с июля) она будет, конечно, в Солигаличе. В мае ездили из Солигалича в деревню Одноушево, что на полпути к Совеге, там возле разрушенной деревянной фермы бьёт замечательный родник. Давно не выдавший чужих людей житель этой деревни вышел поглядеть, как мы набираем воду, а после всё не отпускал, рассказывал о своей жизни. Связь между Солигаличем и Совегой – автобус два раза в неделю (а дорога приличная, в любую погоду проезжая).

Надеюсь на частые летние встречи и жду исчерпывающей информации для связи. А то вон ведь куда писать приходится...

Обнимаю!

С. Яковлев.

29 мая 2002 г.

Кострома

Серёжа, я вот-вот появлюсь в Москве: для «Предлога» составил и дополняю теперь свой угол в журнале (-1/3 объёма). Сюда вставляю 2 эковских прозы – о Воркутинском театре (А. Клейн) и колымских бедолагах (забыл имя), 1 рассказ Веры Арямновой (рады были твоей рецензии¹⁶), разные разности – поклон Астафьеву (из «Дня и ночи» красноярского и «Зеленой лампы» иркутской, которая *гаснет...*) и стихи (Рыбинск, Н. Новгород, Курск, Красноярск). Придумал себе статус собора по провинции, а она неохватна. Впрочем, и ты в Москве – провинция, и к тебе буду приставать: дай прозу! Пометим её Солигаличем. Но не 20, понятно, листов, а путевой огонёк к Сергею Яковлеву: пишет! даст ещё!

В Костроме провёл три вечера: Мандельштаму, Пастернаку, Маяковскому. Было немногочисл. Собрание в честь С.В. Максимова. Вечер Ходасевичу сделаем в 1-й половине июня.

На радио согласился вести 2 раза в месяц «Светёлку» – говорить с умным гостем. (Ибо как Тютчев избегаю оставаться 1 на 1 с собой. Проклятое сердце жить не даёт...

Серебряный тяжёлый кубок
 Похож на колокол молчащий.
 Кто я? Что я?
 Я без неё обрубок
 Кровоточащий...)

...поговорить с умным гостем. Уже говорил с А. Гордоном в Москве. Тот увозит фильм (где я пою «Огородника») в Сочи, а в августе надеется представить его в Костроме. Книга Яна для тебя есть. Ладно, не терпится повидаться. Вот-вот...

Будем живы!

Ваш В.

¹⁵ Гольцман Ян Янович (1936 – 1999) – поэт и прозаик, публиковавшийся в 1990-х годах в «Новом мире». Его книга «По воде земной» посмертно издана в Москве в 2002 г.

¹⁶ Сергей Яковлев. «Сбылись усилия и сны» (о стихах костромички Веры Арямновой). – Литературная газета № 29 (5841), 18 – 24 июля 2001 г. С. 7.

18 сентября 2002 г.

Дорогой Володя,

это не письмо, записка. Вернувшись из отпуска в конце августа, много раз пытался до тебя дозвониться, но к телефону в Костроме почему-то никто не подходит (ни утром, ни вечером). Т. Дедкова была в Костроме на праздновании юбилея и сказала, что тебя там не видела.

Продолжается ли сотрудничество с «Предлогом»? Здесь тебя ждёт папка Короленко. Завёл предварительный разговор с Аннинским насчет его переписки с Дедковым (сославшись на твой интерес), он готов это обсудить. Ещё ждут летние фотографии с Совеги и – плавки, забытые под Кинешмой...¹⁷

Вера Евдокимова (моя старшая сестра из Сергиева-Посада, чья книга стихов у тебя должна быть) провела этим летом две недели в деревенском доме близ могил¹⁸, в гостях у брата Володи, и вечерами читала там подаренную ему тобой книгу, не могла оторваться. Результатом бдений стал автограф, каковой переправляю тебе, как есть. (У Веры твоей книги нет, а ей очень хотелось бы иметь.)

Держал в руках, листал книгу Гольцмана. Если есть лишняя – отложи, пожалуйста, для меня, она мне очень дорога.

В «Родине» дела неважные. К сожалению, по своему статусу и генетически этот журнал не может быть свободной трибуной, а сейчас многое бы хотелось сказать – и о делах с Белоруссией, и с Грузией, и о другом, ещё более важном. Атмосфера давящая: словно властная шантрапа отыскала, наконец, в людях какой-то обессиливающий, обезволивающий их нерв (с помощью западных спецов, что ли?) и вот тянет, тянет... И опять – вседозволенность шантрапы (как в худшие годы при Ельцине, то есть внаглую, без фиговых листков), открытое и пошлое глумление над людьми. Тоже генетика.

Откликнись!..

Декабрь 2002 г.

Кострома

Дорогие Серёжа и Люда! С наступающим Годом!

Сегодня вам позвоню, а пишу на тот случай, если вас не будет.

Мой год уходит – он невероятно тяжёл. Не дай вам Бог такого никогда. Чтоб не думалось так:

Море уходит вспять
Море уходит спать¹⁹.

А дай вам Бог лучшего чем был у вас.

Я объездил полгубернии: Вохма (Никола), Пыщуг, Чухлома, Нерехта. Промелькнул в Москве – летали в Ереван и Карабах. Московское чувство:

¹⁷ В июне 2002 г. В. Леонович в четырёхдневной поездке со мной на машине побывал в Солигаличе, на Совеге и в Кинешме. – С.Я.

¹⁸ Наши мамы и отца, покоящихся на деревенском кладбище под Кинешмой. В. Леонович во время поездки посетил это кладбище. – С.Я.

¹⁹ Из В.В. Маяковского:

море уходит вспять
море уходит спать
Как говорят инцидент исперчен
любовная лодка разбилась о быт

С тобой мы в расчете
И не к чему перечень
взаимных болей бед и обид.

Когда же через шумный град
Я пробираюсь торопливо...

и т. д. до конца²⁰.

Но чем тяжелее мне Москва, тем нужнее и легче Кострома. На радио у меня передача «Светёлка» (тебя бы залучить!), намечается студия при театр. мастерской – назову ТТ – творческий трёп – и студия при Технолог. ун-те. Мой трёп кому-то нужен.

Зачем не дал адрес сестры? Я бы ей написал. А не написавши ей, не писал и тебе.

Вместо открытки посылаю тем, кому хочу послать, какой-нибудь стишок. Ты любишь прозу – вот тебе про майора.

Люде сейчас повыбираю...

Вот попалось – про собаку. Был такой пёс – в Японии ему памятник. О трудности моего (7-го, а не 17-го) года – эти стихи.

Обнимаю вас крепко!

Берегите себя!

То есть друг друга!

Ваш В.

От кого: Сергей Яковлев

Кому: Владимир Леонович

Дата: Thu, 25 Jan 2007 17:44:03 +0300

Володя, вчера сгоряча написал тебе о своем «увольнении»²¹. Получил ли? Теперь, почувствовав себя свободным, впервые прочел твой замечательный опус о брянском поэте. Поэт необыкновенный, и это чудо, что ты таких находишь. И ещё одно чудо: откуда ты знаешь М.П. Еремина, которому посвящено одно из стихотворений? Откуда он его знает?.. Это был мой любимый профессор в Литинституте. Он оставлял меня у себя в аспирантуре, думать над Некрасовым и Достоевским (не получилось – ректор тогдашний воспротивился).

Не знаю, что теперь будет с твоей статьёй, да и со всем остальным. А с другой стороны, задумываюсь: как может какой-то Гордон «уволить» меня от собственного (нашего с тобой) детища, вынашиваемого годами? При чём тут вообще Гордоны? Их доля – анемичный и бесполезный «Предлог». В конце концов «Коростель», каким он сложился, – интеллектуальная собственность, а покушающийся на неё – разбойник. Пусть они с этим клеймом и останутся, ревнивцы несчастные.

Всегда твой

С. Я.

От кого: Сергей Яковлев

Кому: leonovich@safe-mail.net

Дата: Wed, 20 Jun 2007 23:47:06 +0400

Дорогой Володя,

вышла наконец долгожданная и многожды обещанная моя книжка, где много про тебя,

²⁰ Из стихотворения М.Ю. Лермонтова «Пророк»:

Когда же через шумный град
Я пробираюсь торопливо,
То старцы детям говорят
С улыбкою самолюбивой:

«Смотрите: вот пример для вас!
Он горд был, не ужился с нами:
Глупец, хотел уверить нас,
Что бог гласит его устами!

Смотрите ж, дети, на него:
Как он угрюм, и худ, и бледен!
Смотрите, как он наг и беден,
Как презирают все его!»

²¹ Из журнала «Коростель», выпускавшегося в 2006 – 2007 гг. редакцией в составе: Гарри Гордон, Владимир Леонович, Сергей Яковлев (учредитель – движение «Образ будущего» во главе с Александром Гордоном).

НАЧАЛЬНИК РАЗВЕДКИ АРТПОЛКА

И. Ф. Набережных

Майора красит первый легкий хмель.
 Майор смешлив, умен и в службе истов.
 - Сержант Арсеньев, где у нас шинель,
 украденная мною у танкистов?

/ Подмигивает мне майоров глаз /
 - Не знаю, ташмайор! - и это правда:
 сержант не знает, где она у нас -
 она давно уж не у нас... Назавтра
 заходит разговор издалека.

Софизмами Арсеньев озадачен.

- Арсеньев, я служил у Ковпака
 и не могу быть вами околшачен.

Но я могу предположить, кто вор
 и предложить пари, что на неделе
 шинель найду... Так говорит майор.
 Но, говорит он, дело не в шинели...

- Так точно!

- Я из питерских сирот.

В тридцатых многие осиротели...

Детдомовцы - особенный народ,
 но дело, повторяю, не в шинели.

- Так точно!

- Мы сиротская страна.

Мы - коммуналка, и не красть бы рады...

И не так, шинель, Арсеньев, мне нужна,
 как нужен маленький кусочек правды.

Вы - семеро - разведка арtpолка -
 интеллигенты в первом поколении.

Сержант, не лгите, служите пока
 в моем отдельно взятом отделенье.

(Шуя, зима 54-55)

ХАЧИКО

Пес ждет хозяинку, а хозяйки нет.
 Хозяйки нет уже 17 лет.
~~Собачий век, по счастью, не длиннее~~
 И пес приходит на аэродром,
 чтобы сидеть на месте, на одном
 и том же, потихоньку камня.

Ваятель выбрал черный диорит,
 который нам о вере говорит,
 напоминая заодно о масти.
 17 лет. Да нет, не может быть!
 Ночами ясными по-волчьи вить,
 по-человечьи поскулить в ненастье...

Потом, потом, в невероятный год,
 но к статуе старуха подойдет,
 как будто на недельку улетала.
 Прошепелявят губы: Хачико...
 И вот когда свободно и легко
 выходим мы из камня и металла!

Весь долг отдав, из долговой тюрьмы
 на волю, чорт возьми, выходим мы
 и - будь он проклят! -
 сходим с пьедестала.

о собаках

про Дедкова и других достойнейших. Называется «Та самая Россия. Пейзажи и портреты». Всё это было опубликовано в разных местах, и ты это, конечно, читал, но в цельном виде производит особенное впечатление. Повидаться бы да отметить, вот только где? Не будешь ли здесь?..

Не знаю, застанет ли тебя ещё это письмо дома, да и в адресе не очень уверен. Напиши, когда получишь. В начале месяца ездили под Кинешму, теперь уже на свежую могилу брата Володи. Он лежит там же, с родителями. Прости, что не заглянули к тебе, – не было и часа свободного.

Твой С. Яковлев.

От кого: Владимир Леонович

Кому: sergeiyak@rambler.ru

Дата: Thu, 21 Jun 2007 12:45:17 +0400

Серёжинька!

Рад выходу твоей – нашей книжки.

«Коростель» – моя горечь. Работаю вслепую.

Журнал – дитя, требующее уйму забот. Белинский: умру на журнале и под голову велю положить книжку «Отеч. записок». Цитировал это Твардовскому – к обоюдной радости, обоюдному вздоху.

Осенью буду говорить с Гордоном – поймет ли он тебя, меня, Белинского, Твардовского?

Твоя книжка хорошо названа: «та самая...»

Что журнал наш – руины, верно. Но ещё не сегодня.

В деревню собираемся, пожалуй, в июле уедем.

Адрес мой – этот же – верному человеку Алексею Попову.

Не у вас ли моя библиотечная книжка «Нижняя дебря»? Библиотека требует.

Будем живы!

Люде – цветы весны и лета!

(По поручению Владимира Николаевича его «электронный почтальон» Алексей.)

От кого: Сергей Яковлев

Кому: Владимир Леонович

Дата: Thu, 21 Jun 2007 22:53:04 +0400

Володя!

Отыскалась «Нижняя Дебря», но – не библиотечная, а с дарственной надписью кому-то. Ты давал Людмиле для перепечатки, с отмеченными стихами. Уточни, как нам ей распорядиться. От Люды сердечный привет. Что ж – на лето, получается, разведемся, и пусть не далеко, но глухо? Ты хотя бы адрес оставь.

Гордоны как упрямые дети. Решили мне доказать, что могут и «сами». Не понимают (не желают знать), что журнал живёт идеологией. У них идей ни на грош (да и откуда, да и бояться...). А власть упорно идеологизируется, и ей нужно срочно противопоставить (сопоставить) что-то своё и здоровое. То, о чём я твержу много лет – русскую классику, либеральную демократическую почвенность, дедковскую традицию. Для них это – чужое и непонятное. Поэтому они меня блокировали, а потом и вовсе...

А что до «руин» – где номер? Ты его видел? На сайте картинка полугодовой давности, ничего нет. Сейчас по времени должен бы сдаваться уже следующий, третий за этот год (такой график я выдерживал). Не говорю уже о том, каким это выйдет, если выйдет, – не стану и заглядывать...

Ладно. Как сказал недавно Битов: все, кто выжил, – конформисты. Мы с тобой, вероятно, тоже.

Сил тебе, а малышке²² – здоровья. Книжка тебя дожидается.

Твой С. Я.

8 марта 2008 г.

Илешево Кологривского р-на Костромской обл.

Здравствуйте, мои милые!

Мало кому хочется послать стихи или как их там – тексты (дрянной эвфемизм). Но написанное давно и поновлённое только что вам посылаю. М.б., порчу черновик? Пастернак, говорят, портил свои юношеские стихи – старческой рукой.

ЕВТУШЕНКО ГОДУ В 65-М

Шиллеру моей юности.

Он выглядел неукротимо.
Помолодел, опал с лица.
мортира телеобъектива
Его следила без конца.

Ища опору и робея,
свои записки тербя,
себя сильнее и слабее,
весь, как стихия, вне себя,

кружился он, хрипел, шатался
на сотнях слабеньких пружин,
пока из горла вырывался
повелевающий им джинн,

он колыхался как костёр,
был яростен словно на прощанье,
уже – пожар, ещё – актер,
уже правдив как завещанье...

Его челнок, легок и утёл,
скользит на гребне под уклон.
Толпу с народом перепутал
не первый, не последний он.

Дитя толпы, толпе он верит,
везде скользит, во всём сквозит,

²² Дочь В. Леоновича Мария.

всё перелюбит, перемерит
весь карнавальный реквизит,

и кажется, любая впору
ему заслуга и вина...
Да нет, не ищет он опору –
ему опора не нужна.

Ему как вечному мальчишке
нужна волна – лететь, скользя,
поймав уклон, меняя книжки...
Но так в России бы нельзя.

Нельзя? Нельзя. Нельзя – а надо! –
ему? толпе? Вот и живи...
О страшная арлекинада,
и тем страшней, что на крови.

Читалось Дедкову, но ещё черновое, где было и про Маяковского.

Это – как и объект – чёрно-белое, двуликое, но такова природа Е. «Я разный...» и т.д.

Дедков повторял: арлекинада. Только это и принял, кажется...

Благодарность вам, что призрели меня, вахлака: Люда в компьютер спустила мои книжки, чего я век бы не сделал. (Странная пассивность, почти отторжение «3 дела поэта», по Блоку. *От-торжение* не требует лишнего предлога: отторжение *от*. В древности это понимали.)

Вот и теперь – буду посылать вам разное, можно? Лесневский с меня просит книгу, а мне одному этого не одолеть. У Вики руки связаны материнством и хозяйством. А я, как Гомер, мог бы описать свой день с 4 утра:

В 4 утра
В чём мать родила...

и перечеть, что да что приходится делать кроме бумажных дел.

Обнимаю вас крепко!

В.

Март 2008 г.

Кологрив – Кострома

Серёжинька,

я всё венгал, а только вот сию минуту в автобусе Кологрив – Кострома прочитал твоё – мне. Эти 2 статьи²³. Уже в 1-м приступе, на 1-м твоём периоде... и до конца почти не высушал.

Сквозь слёз.

Меня пронимает правда. В данном случае – правда твоего сердца. А не читал я столько времени – боясь перебора. Перебор – порча. (А есть – кто питается им.)

Вот тебе блеф:

²³ В книге: Сергей Яковлев. Та самая Россия. Пейзажи и портреты. – М.: Логос, 2007.

Недавно я в рабочую тетрадку
 Переписал старинную загадку –
 О как ты близок и родим,
 Как хорошо, что непереваем,
 Язык могучего средневековья –
 «Что злейше есть хулы и блядословья?»
 Отгадка мелкой буквицею: лѣсть –
 И повторяю: злейше, злейше есть.

(Макарьев, стоим.)

Впрочем, это мелочи. Пафос всего, что я успел прочесть = мысль о России. И ты о ней думаешь в паре со мной, с Васиным (какая мешанина!), с умницей Кураевым (какое лицо!) и т. д. И особенно с Дедковым, не прочитанным, не оценённым. Если не получится твоя презентация, то уж постарайся приехать в апреле на очередные чтения Д. (Тему я позабыл, но не в теме смысл этого огонька, то вспыхнет, то тлеет. Для меня тема – одна: *выход в жизнь* из всех писаний Д. (У Цветаевой: из Пастернака выход в мысль, внутрь; из Маяк. – на площадь.) Во что сегодня вышел и во что вляпался Игорь. Кстати, посмотри «Др. нар.» № 1 (а я вдруг смотрю на себя: ну и зануда, всё про одно да про то ж! *Gúttá savát lapidém*²⁴ – а у меня не в *lapidém*, а всё в дерьмо). Пошлю тебе стишок, а лучше прочитаю, он кончается криком 6-летней девочки: ВЫ! ВСЕ! ГОВНЫ!

Вот я и в Костроме. Завтра презентация книги П. Романца о Чернобыле, Байконуре, Спитаке, где он был действующим лицом. Многого стоит!

Открыл книжку Оскоцкого, мне подаренную, – «Полемика». И – странный отсыл: Яковлев борется до крови с теми, кого считает сволочью, – а писать бросил. Может, и не бросил (?), но слишком уж заборолся, а это влияет на слово, на чистоту воображения, на стиль, на здоровье. Сужу по себе, по тому, какая дрянь наполняет бессонницу. Надо бороться со своей борьбой – а?

Гениально: с мельницами.

Потому что ничего общего у меня с культурным начальством Костромы, ни одного попадания: моего в них, ихнего – в меня.

Ладно. Обращусь к бумаге. Много старого становится новым. Пережить бы себя лет на 50 – 100! Язык позволяет на это надеяться. (Но: пишу, а эмоций никаких. Почему? Да потому, что знаю, что через 50 лет войду в сознание тех, для кого пишу.)

Жизнь прекрасна
 дотла.

Только искра погасла,
 которая лес подожгла.

Лес был старый,
 своё отстоял.

Беглый ярый
 пламень кроны объял,

²⁴ Капля долбит камень (лат.)

накатил как цунами
и схлынул потоп.

Это мы. Это с нами.
Потом... А потом –

Чернолесье
чадающих свечей.

Это – мне. Это – Лесе
чужой и ничьей.

* * *

В этом году Владимир Леонович стал лауреатом Горьковской литературной премии в номинации «Мои университеты». Известие об этом застало его на больничной койке. Сказались хронические недомогания (сердце), небывало студёная зима, тяжёлый быт в старом деревенском доме. А более всего, конечно, непосильная ноша, которую ежедневно, ежечасно взваливает на себя поэт – моральная ответственность за всё, что происходит в непосредственной близости от него и на целой Земле, – по им же провозглашённому принципу: «Нравственная нагрузка на одного может или должна быть в сотни раз больше той, которую мыслят как норму»...

Но уже к лету – снова в Илеше, весь в трудах и новых заботах.

2 июня, поздравляя Владимира Николаевича с 77-летием, я выпросил у него стихотворную подборку для журнала. Стихи пришли по почте. Присоединяю их к нашей переписке. Будем живы!

С. Яковлев.

ДЛЯ ХАРАКТЕРА, ДЛЯ БЫТИЯ

Я шагнул ей навстречу. Она
замерла и на шаг отступила,
потому что смертельная сила
иногда против нас не сильна.

Не сильна - да и мы не сильнее:
шаг за шагом, на самую малость
отступая - она ПРИБЛИЖАЛАСЬ -
вот какая повадка у неё.

А сегодня ни с места. Стоит,
распахнув ледяные объятия.
Вот обнимемся - оледенит,
и тогда... Оцените же, братья,

эту пару. А вам, сыновья,
оставляю на случай, в науку:
ШАГ ВПЕРЕД. А не сыну - так внуку -
для характера, для бытия.

*
ЧСИР

маленькая знакомая повесть

Владимиру Британишскому

У этих - особая складка
заметна без обиняков:
блокадница, ленинградка
из "бывших", но большевиков.

В I4 осиротела -
там каждый четвертый был сир -
сначала и жить не хотела
под кличкой змеиною: ЧСИР

Квартира подобна бараку.
Раздумала умирать,
представив позорную драку
за книжки ее, за кровать...

Представив чернильные слезы
соседки над гробом своим
/ той самой, клепавшей доносы /
Соседи... Спасибочки им!

Не видеть, не слышать их чтобы,
жилые поменяла она,
уехав от горя и злобы.
А лет через пять и война..

*
Член семьи изменников родины

Боец постукался: наавтра
отходит его эшелон.

Смеется: на лавке вокзала
бойцу ночевать не резон.

За чаем он сделался строже.
Она не таилась. Он тоже -
клейменный как сын кулака...
и, может... в том смысле... пока.

уйти подобру-поздорову:
узнают - и недобровать...
Направился твердо к порогу.
- Умоешься и в кровать!

Себе на полу постелила.
И что это? Слезы ручьем...
Кого-то о чем-то молила
не зная, кого и о чем.

И странное слово **РОССИИ**,
забытое перед войной,
в подушку шептала впервые,
"солдатык", шептала, "родной"...

Молитва свободно творится,
слова наплывают - волна
незнаемого материнства -
впервые - откуда она ?

Он с бронта вернется - калека.
Помыкается по тылам.
Свезут их - по полчеловека -
кула-нибудь на Валаам.

Саперы... Слепые танкисты...
Куда их девать, бедолаг?
Чтоб было на улицах чисто,
сметут их, свезут их в ГУЛАГ

И нашего с вами дизайна
не портили чтобы они...
Но это уже несказанно...
Но это уже - извини...

Она же... Не раз повторится,
подступит, задушит не раз
все та же водна материнства,
которого Бог ей не даст.

И мальчик на Валааме -
безногий - мужчиной не стал,
а стал стариком, и с кодами
себя вспоминать перестал.

И больше не надо сюжета,
где жалость о|стелась одна.
Кому и зачем эта жертва?
Ну как же! Отчизна! Война!

РОССИЯ... Россия. Но разве
не страшно, что все алтари
так жирно заляпаны грязью
и так опустели внутри ?

- УБЮ !

Мне похвалялся имярек,
 что предка драли на конюшне
 и на брюхатой незамужней
 женили - скрыли барский грех.
 " Они Ланские - мы людские,
 вся дворня - полугородские.
 К большевикам подался дед
 и завещал мне партбилет."

Дед жил сурово, внук красиво -
 к тому обязывала ксива.
 Убили деда басмачи,
 а внук подался в стукачи.

Держава Бога воскресила,
 идея деда умерла,
 звезду сменили на орла,
 и над Россией крыла
 простерла воровская сила,
 и Новый православный Бог
 благословил Большой Хапок,
 Большие Бабки плутовские,
 и оказались на коне
 с чекистской пикой^{то}, в броне
 крутые выблядки "Ланские".

(исп. фр. на ту. нов)

- 2 -

С одним из них и я знавался.
"Ланской" мне в чувствах признавался
частично, а потом сполна:
- Убью!.. Убьет? Я знаю брюхом,
что попадаю в зубы хрюхам -
но в эти зубки грызуна ?

Ах - ах ! Какое недержанье!
Какие новоприхожане,
новоцерковная страна...
Убьет? Но на дуэли биться
мне с негодяем не годится.
Пощечина - ему цена.

тебе

ХРИСТОСИКИ

Арабу Хоснию Мубараку
за рифму благодарен я.
Когда поймаешь вора за руку,
он отопрется: не моя!

Тогда с постыдной поспешностью
ты сам же прочь бежишь как тать
перед ужасной неизбежностью
ему по совести воздать.

У хосния детишки Хосники
и жен несчетно — ~~благодать!~~ красота!
А мы, стыдливые христосики,
произошли не от Христа...

... И снят оклад, и с мясом вырвано
старинной ризы серебро.
В чулан заброшен образ Тирона
как непотребное добро.

Богатого от небогатого
угодник сей не отличал,
а брал за ворот вороватого
и перед Богом обличал.

Страна разорена и продана.
Торг в алтаре, в чести жульё —
затем что Тирона Феодора
не чтит отечество мое.

СВЯТЫЕ ВОРОТА

Олегу Васильевичу Волкову

Соловецкие острова.
Человеческие слова
не слышны.
Не нужны.

Откололась ржавчина от
монастырских Святых Ворот,
что вмурованы в валуны
крепостной стены.

Плотно-дочерна, как слюда,
на года намерзли года.
Устюжанским узором лед
обметал полотно ворот.
То куржак, то слезный накрап
оставлял, проходя, этап.

Вот они - на душе душа.
Вот и все, что нам надыхал
и коростой оставил тут
соловецкий рабочий люд.

Тяжела ржавь-руда
как тяжелый шаг.
То-то рвет провода
голубой куржак.

- 2 -

Соловецкие острова.
Человеческие слова
не слышны.
Не нужны.

Кто из нас - без вины?
В те ворота - как в ад:
виноват.
Виноват.

В этой ржавчине - дыхания тысяч людей.
Стихи подарены были Олегу Васильевичу,
недавно читаны в Михайловском на "празднике поэзии".
Кавычки как-нибудь объясню.
Ржавчина лежит в Михайловском Музее рядом с
"Посланием в Сибирь".

И вот, любимую измучив,
лежит с проломленным виском
невыносимый этот Тютчев.
Вина ? Какая ? И на ком ?

Но мраморное пресс-папье -
утештесь - пролетело мимо...
Отправиться в небытие,
погибнуть от руки любимой -

когда бы так! Да я б без звука...
Но где же ты? В конце концов
и я задушен как Рубцов,
но не рука твоя - разлука...

напечатано в "ЛН",
но испорчено - передано
к другому буксту.

БЕРЕНДЕЕВКА

Заживу хорошо и богато,
 знаменито - как после конца:
 по руке мне метла и лопата,
 по зубам - пожевать овсеца.

Заживу хорошо и досужно.
 Светит солнышко, речка течет...
Здесь ~~Все~~ мое утешенье - конюшня
 и любовь от коней и почет.

Ты, судьбина, меня не поборешь,
 ты, Мальвина, полюбишь меня,
 проглотившего утренний поридж
 оседлавшего бела-коня.

poridge

Ни вериг не надену, ни рясы,
 не порадую чорта, пока
 " Срочно требуются мешкотрясы
 Берендеевскому УІК "

АНГЕЛ

Обыкновенно проводили

приятеля в последний путь.

Посплетничали на могиле,

озябли, сели помянуть.

Он был непрост — да и не сложен,
~~Покойный был и прост и сложен,~~

порою противоположен

себе же сам, живуч как дуб,
~~себе — вчерашнему — как жизнь...~~

"Мудёр" — на этом и сошлись.

В любые жизнеповороты

он вписывался без греха.

О нем ходили анекдоты

/ он сам их сочинял, ха-ха /

Когда известный острослов

одну представил сценку в лицах,

стол грохнул, и поверх ~~его~~ голов

свобода принялась носиться —

свобода-девка... Оборжав

покойного, о нем забыли

/ а хоронить они любили,

блкли регламент и устав /

Но ржачка, господи-прости,

не заглушала голосочка,

и ~~раньше~~ всех смеялась дочка

хозяев — ангел лет шести.

звонче

И тут и там она мелькает,
однако скатерть поползла -
и девочку из-под стола
за ушко папа извлекает.

Всегда надорвано ушко -
и в темный кабинет за двери...
А за столом уже запели
чуть слышно ЧЕМО СУЛИКО

И боль истерзанной страны
всех ВДРУГ - как крик в ночи - настигла,
и всё опомнилось и стихло.
А за дверьми: - Хны-хны, хны-хны.

Но тоже слушает. - Хны-хны -
все тише... Но поставим точку.
Потребив большую мочку,
дитя кричит: - ВЫ ! ВСЕ ! ГОВНЫ !

ПРОШУ...

Прошу меня расстрелять

Анна Баркова

Хоть искрошите в сорок сабель,
но не сегодня, а потом - *прокурору*
так ~~не начальству~~ пишет Бабель,
~~писатель~~ и шпион притом.

прозаик

А лучше посадите на кол:
мне надо смерть мою продлить -
ЧЕРНОВИКИ ПЕРЕБЕЛИТЬ!
Так он хохмил, молил и плакал

/ или не так / но те моленья
архивы нынче не таят.
Однако прячут заявленья
в писательский секретарьят...

Я полагаю, это значит:
не все погибло, господа,
коль власть, наглея, все же прячет
остатки страха и стыда.

Черны

"Прошу - и вся-то недолга! -
вне очереди предоставить
мне ДАЧУ ПОДЛОГО ВРАГА ..."
Все те же мы - чего ж лукавить?

bbi

Писательские заявленья...
наперебой... без промедленья...

Два стихотворения Г. Леонову

1.

Вся ты в яблочках
как я в облаках!

Искушения не осилю,
мне до святости не домучиться.

Господа, хоронить Россию
не получится!

Красоты такого запаса
хватит на пять колен.

Мне до смертного часа
этот плен.

Мне волос твоих грива -
Золотая Орда!

Мне -
холмы Кологрива,
а не вам, господа.

Антигетеро

2.

В. Л.

УВОЗИТ !

Этот случай на таможене
невозможных невозможней.

Поломался наш рентген,
ибо *foreign Gentleman*
предъявляет, *what he calls,*
Golden river with the falls.

antirestitution

И привычный шмон нарушен ~~сакса~~
by the private restitution,
ибо золотого волос
хлынуло - и взорвалось!

И хохочет старший *biver*
и увозит *Golden river* -
златогривую такую,
что сияя и бликуя
золотеет все вокруг
отраженьем Божья дара.

antirestitution

*Not the brilliant Niagara,
not the river, not the brook -
Russian Gold!
The very case!
all around golden space!*

Лыбятся не чужа страха
кологривская деваха

Боги! Отмените рейс!

andy-restitution

Михаил Войтенко

Родился в 1958 г. в Комсомольске-на-Амуре. В 1981 г. закончил ДВВИМУ им. адм. Г.И. Невельского по специальности инженер-судоводитель. До конца 1980-х годов плавал на торговых судах. В 1999 г. занялся журналистикой, с 2001 г. выпускает «Морской Бюллетень» – независимое периодическое Интернет-издание, дающее самую полную оперативную и аналитическую информацию на русском языке о мировом судоходстве.

Нет места скуке, или «Arctic Sea» online

Криминальная хроника с открытым финалом

Есть у нас выдающиеся умы, блестящие перья, великие острословы и забавники. А вот просто порядочных и честных людей на общественном поприще, в том числе в журналистике, встретишь не часто.

Михаил Войтенко был первым, кто поднял тревогу по поводу таинственной пропажи летом 2009 года в Атлантике грузового судна с 15 российскими моряками на борту. День за днем он продолжал следить за судьбами людей, ставших заложниками тотальной лжи, публично отстаивал их интересы и просто здравый смысл. За что и поплатился.

Читая на протяжении минувшего года в «Морском Бюллетене» Войтенко разрозненные сообщения о всяческих чертовщине, свистопляске и вакханалиях, сопровождавших эту историю от начала до сего дня, я вместе с автором поражаюсь не только диким фактам, но и самоубийственному равнодушию внимающей этим нелепостям публики. Если же составить фрагменты вместе, картина получается совсем страшная.

Думаю, этой нечаянной повести суждена долгая жизнь. Прежде всего потому, что конца истории с «Arctic Sea», судя по всплывающим иногда информациям (одна занятнее другой), пока не предвидится, а другие сферы повседневности не устают подкидывать нам всё новые фантазмагории. Мы словно попали в заколдованное царство голых королей, в котором раз и навсегда сломалось время. Пока «короли» естественным путём не сойдут в могилу или не растрачат до последнего гроша сказочные богатства, которые им привалили, часы, кажется, так и будут стоять... Но ещё и в другом дело: в такой стране, как Россия, спрос на чудачков, делающих что-то безо всякой корысти и даже во вред себе, во имя одной только правды, никогда не иссякнет. Самый дрянной человечиска, который думает только о своей

шкуре и принимается тявкать по первому знаку хозяина, – и тот тайне дрогнет, увидев, как кто-то рядом кидается в огонь, спасая чужие жизни или добро. Пускай сегодня это «глас вопиющего в пустыне» – пустыня не безнадежна, она глубоко хранит в почве вековые семена: когда-нибудь что-нибудь да взойдет. К тому же судьба подарила Михаилу Войтенко действительно захватывающий сюжет, а дар публициста претворил этот частный, казалось бы, сузубо «профессиональный» случай в яркую картину общественной беды.

Сергей Яковлев.

Пятница, 31 июля 2009 г.

К нападению на судно «Arctic Sea» с российским экипажем в Балтийском море

Как стало известно из шведских СМИ, 24 июля какие-то бандиты, представившиеся на ломаном английском как полицейские, атаковали сухогруз с российским экипажем, следовавший с грузом леса на Северную Африку, Алжир. Атака произошла вблизи шведского острова Оланд в Балтийском море. Около 3 часов по местному времени вооруженные огнестрельным оружием бандиты подошли к судну на лодке (видимо, типа «Зодиак»). Они были одеты в черное, с масками на лицах. Экипаж связали, и далее в течение 12 часов бандиты что-то искали. Нашли они то, что искали, или нет, и что именно они искали – остается загадкой. Они покинули судно, ничего не взяв у экипажа – ни денег, ни вещей. Полиция Швеции пытается понять, что это было такое. Экипаж судна – 15 человек, все граждане России. Сухогруз «Arctic Sea» (первое название судна – «Охотское») – дедвейт 4706 тонн, постройки 1991 года, флаг – Мальта, оператор – Solchart Arkhangelsk Ltd, Архангельск. Почему на судно напали, остается загадкой. Видимо, по наводке, считая, что на нем есть что-то ценное, перевозимое контрабандно. Может быть, те же наркотики. Из известных нам нападений в цивилизованном, так сказать, мире можно вспомнить два прошлогодних: ограбление роскошной яхты с немецкими бизнесменами в Средиземном море и нападение на судно на российских внутренних водных путях, когда какие-то отморозки обстреляли судно из ружей и попытались высадиться, но капитан скоростью и маневром не позволил им это сделать.

По данным Ллойда, в настоящее время «Arctic Sea» следует в порт Беджайя, Алжир, подход 4 августа.

8 августа 2009 г.

Сухогруз «Arctic Sea» с российским экипажем бесследно исчез в Атлантике?

Похоже, сухогруз «Arctic Sea» с российским экипажем, на который было совершено столь таинственное нападение в Балтийском море 24 июля, бесследно исчез где-то в районе побережья Португалии в Атлантике, на пути в Гибралтар. Порт назначения – Алжир, Беджайя. Он должен был прибыть туда 4 августа, но с 28 июля с судном нет связи, нет данных о его местонахождении – ни у судовладельца, ни у родственников, ни у Ллойда. Нигде никаких следов. Судно ищут все службы, в том числе даже ФСБ и ГШ ВМФ. Если кто что знает, просьба срочно сообщить мне на e-mail или на телефон сайта.

История с нападением чем дальше, тем загадочней. Самый главный вопрос: почему о нападении стало известно лишь через неделю? А ведь некоторые моряки серьезно, как выяснилось, пострадали. Что же это было? Кто и что искал на судне? И самое главное – куда оно делось? Исчезнуть такому судну очень непросто, оно не может взять и затонуть, не подав сигнал бедствия, это просто исключено. Не хочется паниковать, но, с другой стороны, все волнуются, в том числе родственники. У меня несколько раз запрашивали сегодня в течение дня информацию. Еще раз прошу – если кто что знает, срочно сообщите.

9 августа

К исчезновению сухогруза «Arctic Sea»

Загадка на загадке и тайной погоняет. На вечер 9 августа можно, наверное, попытаться сделать какие-то предположения и порассуждать, что же произошло и чего можно ожидать.

Судно перед этим рейсом 2 недели простояло в ремонте в Калининграде.

Прежде всего хочу обратить внимание на следующий факт: на судно напали в ночь на 24 августа. Напали очень квалифицированно, со знанием дела. С судна не дали сигнала тревоги. Вплоть до 30 июля никаких новостей о нападении не было, как будто это обычное на Балтике дело. Новость о нападении разошлась по СМИ 31 июля – с чьей подачи, до сих пор неизвестно. Сегодня мы знаем, что всякая связь с судном прекратилась еще 28 или 29 июля – то есть до появления новости о нападении. Мы слушали про нападение и ужасались, а судно в это время уже двое суток как полностью исчезло. И как это понимать? Возвращаясь к нападению: если верить последним не то новостям, не то слухам, то нескольким морякам крепко досталось. Кроме того, были уничтожены средства связи.

Спрашивается, как после этого судно могло продолжать рейс – ведь оно просто обязано было зайти в ближайший порт для оказания медпомощи, для расследования и устранения повреждений, полного восстановления всех средств связи и навигации.

Предположим, судно пропало 29 июля где-то в Атлантике вблизи побережья Португалии. Между местом атаки на Балтике и приблизительным местом исчезновения около 1500–1600 миль, при максимальной скорости «Arctic Sea» 13 узлов это еле-еле с натяжкой поспеть.

Причины нападения и исчезновения. Ничего кроме какого-то таинственного груза, естественно, не леса, в голову не приходит. Вероятность нападения бандитов для последующего требования выкупа я напрочь отмечаю как совершенно невозможную, скорее поверю в инопланетян. Если груз, то что же это за груз такой? Лично я даже наркотики не допускаю. Поясняю: я не могу поверить в возможности преступной организации, занимающейся наркоторговлей, организовать столь фантастически сложное дело, как захват судна в водах Европы и последующим его исчезновением. Ну не тянут обыкновенные бандюки на такое! Помимо очевидно высокого уровня подготовки захватчиков, необходимо досконально знать средства связи, навигации и тревожного оповещения, надо ухитриться так провести атаку, чтобы никто не пикнул, – ведь любой член экипажа мог элементарно позвонить по мобильнику, уж не говоря о тревожной кнопке!

Какие силы могли организовать и успешно провести столь сложное, сложнейшее похищение? Какого они должны быть уровня?

Возвращаюсь к грузу. Где этот таинственный груз могли погрузить, в каком порту? Понятно, что основной груз – лес, погруженный в финском порту Pietarsaari, но где, интересно, погрузили то, из-за чего заварилась вся эта каша? Если, конечно, там действительно что-то есть, если не произошла чудовищная ошибка? У меня на сегодня скопилось достаточно много информации, о которой я не могу сказать – откуда она, но похоже, что какой-то груз там все-таки был. Так вот, выяснилось, что судно перед этим рейсом 2 недели простояло в ремонте в Калининграде. Может, груз погрузили именно там?

И что же это за груз такой? Неужели наркотики? Давайте только попытаемся представить себе, сколько стоит такого рода операция, проведенная на таком уровне. Затраты не оправдываются. И куда, спрашивается, гонят захваченное судно с наркотиками? Ни в одну цивилизованную страну оно зайти не сможет, это исключено.

Захватить в водах Европы судно с преступной целью и привести его в какой-то порт, там уже перекусив и так далее, абсолютно невозможно. С таким же успехом можно захватить мавзолей на Красной площади и попытаться за ночь замаскировать его под ночной клуб, заявив утром, что так оно всегда и было. Захватить судно и тут же его спрятать в водах Европы под силу только одной организации – государству. Какому же государству понадобилось захватывать сухогруз, какой именно груз на его борту заставил его совершить это, прямо скажем, преступное деяние?

Если же судно не спрятали где-то в Европе, то в настоящее время оно может быть где угодно в пространстве радиусом 3000–3500 миль. Значит, на судне выключены или уничтожены все средства связи и оно куда-то идет. Куда – мы не знаем. Кто и почему его захватил, мы, естественно, также не знаем. Чего можно ожидать? Видимо, следующего:

1. В течение ближайших дней организовавшие все это предприятие личности или организация как-то дадут о себе знать, и далее последуют действия, о которых вряд ли мы сможем что-то узнать, они «светиться» явно не будут, если только это не черт знает что, какие-нибудь террористы-романтики, любители моря и парашютов.

2. В течение, опять же, ближайших пары дней будет объявлена широкомасштабная поисковая операция с привлечением сил прибрежных европейских стран. В настоящее время такой операции и близко нет. Никто «Arctic Sea» не ищет.

Судя по обрывкам и отрывкам собранной мною за сутки информации, судно и экипаж почти стопроцентно целы. Будем надеяться, целыми и останутся.

10 августа

Я получил уже несколько писем с различными подробностями по сухогрузу «Arctic Sea». Прежде всего о последнем известном месте судна – люди во Франции и Англии покопались в AIS и выяснили, что последняя точка была получена 30 июля в 01.29 по Гринвичу, ее данные:

30.07.2009 01:29:19 UTC

48 57,093 N / 05 39,313 W

course 243 degrees, speed 8,3 knts

Это не воды вблизи Португалии, это западная часть Бискайского залива – не так, впрочем, далеко от предполагаемого ранее, зато более правдоподобно. Выяснилось также, что груз – пиломатериалы стоимостью 1,8 миллиона долларов – принадлежит крупнейшему европейскому производителю бумаги, компании *Stora Enso Oyj*.

Специалисты сообщают, что станцию AIS можно спокойно переставить на другое судно. Если судно, например, захватили и спрятали где-то в водах Балтики, то вместо него могли запустить другое по маршруту «Arctic Sea». Привожу отрывок из письма:

«По поводу демонтажа блоков системы АИС судна могу сказать, что соответствующий специалист сделает это минут за 40 (спокойно и не торопясь) – это если антенные кабели не трогать.

Смонтировать и подключить все это на другом судне – тоже не больше часа займет (если у имеющихся там антенных кабелей разъемы подключения такие же). Если же разъемы другие – тогда на перепапку (переопрессовку) разъемов можно прибавить еще полчаса.

Найти на мостике блок подачи тревожного сигнала (тревожная кнопка), блок VDR (черный ящик), средства связи ГМССБ и портативные рации (которые, как правило, держат на мостике на подзарядке) для такого специалиста тоже не составит труда. И еще в шлюпку заглянуть и там “навести порядок”...

Другое дело – вести судно без средств связи через Датские проливы и через Ла-Манш совершенно невысказано, добровольно никакой капитан в здравом уме на это не пойдет.

В общем, очень темная история, напоминает “Когда пробьет восемь склянок” Алистера Маклина.

С уважением, Евгений Рыжов».

Честно сказать, все-таки не могу себе представить, какому государству на Балтике потребовалось похищать судно. Если в течение сегодняшнего дня что-то не прояснится (не найдется вдруг само судно или не заявит о себе похититель), надеюсь, будет объявлен широкомасштабный поиск – с поднятием информации в базах данных AIS и систем контроля судов в проливах (Зунд, Бельт, Ла-Манш); с обращением ко всем судам сообщить о подозрительных действиях и судах; с проверкой акватории на всем пути следования судна; и если это не поможет – с широкомасштабными поисками в Атлантике.

На связи со мной уже трое родственников членов экипажа – они ничего не знают, и кроме как молиться им ничего не остается. Как и нам.

Пора что-то делать или сказать, почему не надо ничего делать

В РИА Новости появилась заметка о встрече родственников моряков «Arctic Sea» с главой компании «Солчарт» (Архангельск), с участием представителя ФСБ. Там одна версия этой встречи:

С. ПЕТЕРБУРГ, 10 авг – РИА Новости. Связь с судном «Arctic Sea», которое, предположительно, исчезло в Атлантике у побережья Португалии, до сих пор отсутствует, сообщил РИА Новости по телефону представитель компании-оператора Solchart Arkhangelsk Ltd (Архангельск).

«Все, что мы можем сказать на данный момент, что связь с кораблем не установлена», – сказал собеседник агентства. Он также сообщил, что в понедельник в офисе компании прошла встреча с родственниками россиян, находящимися на борту пропавшего сухогруза.

«Прошла встреча с представителем ФСБ, они были поставлены в известность, что связь с судном пропала 1 августа», – сказал собеседник агентства.

Он также сообщил, что сухогруз с экипажем из 15 россиян, груженный лесом, вышел из финского порта Якобстад (Питтарсаари) 22 июля.

Собеседник агентства также подтвердил информацию о странном инциденте, произошедшем с «Arctic Sea» у берегов Швеции в Балтийском море. СМИ писали, что 24 июля под видом сотрудников местной полиции неизвестные поднялись на борт судна, связали экипаж и 12 часов обыскивали сухогруз, а затем покинули его, ничего не забрав.

«Экипаж связывался с судовладельцем и сообщал об инциденте у берегов Швеции», – сказал собеседник агентства, не уточнив, соответствуют ли действительности эти подробности.

<http://www.rian.ru/incidents/20090810/180345665.html>

У меня – несколько иная, письмо от родственников. Привожу его полностью:

Михаил, мы сегодня почти полным составом (все жены членов экипажа) ходили в «Солчарт» в Архангельске на встречу с директором (Карпенков или Карпенков), и, как оказалось, на встречу с сотрудником ФСБ... Разговор был напряженный и пустой. Руководство «Солчарта» откровенно хамило и выдавало чуть-чуть информации по капле. Например, сказали, что последний сигнал от судна был 1 августа. Больше ничего толком не сказали. Что они живы и здоровы, они точно не знают, они «доверяют своей практике». Сотрудник спецслужбы ровным счетом ничего не сказал, а лишь опросил нас, когда была последняя связь с моряками по сотовой связи. Мы сказали что знаем. Он записал, и все. Есть подозрение, что всё повесят на капитана и сделают виноватым во всём. (Хотя жена капитана уже успокоилась чуть вчера, но сегодня этот Карпенков просто вывел из себя, причем не только её, а всех. Неужели не понять, что женщин в такой ситуации надо успокаивать, а не орать и хамить им?..)

В связи с этим считаю, что если сегодня-завтра ничего не определится и не будет официального обращения судовладельца и (или) России к странам Западной Европы, вдоль побережий которых следовал «Arctic Sea», об организации полномасштабной поисковой операции, родственникам есть смысл или даже необходимость не молчать и напрямую обратиться к средствам массовой информации. Или судовладелец и службы что-то знают, но разглашать не могут, или они ничего не знают. Если не знают, надо немедленно просить соответствующие страны об организации поиска. Если знают, но информация такова, что ее разглашение может повредить делу и поставить под угрозу жизни моряков, пусть дадут общее описание ситуации, без деталей. А не издеваются над людьми!

Короче, если в деле не замешаны инопланетяне, сомалийские пираты или президент Грузии, то, значит, это серьезная контрабанда наркотиков или оружия либо что-то, о чем мы знать не знаем и предположить не можем. Но тем, кто может что-то сделать – судовладельцу, соответствующим российским службам – необходимо уже определиться и что-то предпринять либо объяснить причины своего бездействия (а такое тоже может быть). Надеюсь, никаких так называемых государственных интересов никаких стран там нет, а есть только один интерес – жизни 15 моряков, граждан России.

Итоги дня 10 августа

День прошел, прямо скажем, с не большой пользой для дела. Судовладелец сказал родственникам что-то такое, что можно охарактеризовать так – ничего

не сказал. Официальной позиции и версии России, государства, властей – нет.

Я сразу хочу извиниться перед ВМФ. Дело в том, что в нескольких репортажах я назвал поиск кораблями ВМФ исчезнувшего судна «фикцией». Это от незнания. Просто мне представили новость о группе военных кораблей ЧФ таким образом, что она специально вышла для поиска судна. На самом деле она следует на учения на Балтику, попутный поиск «Arctic Sea» – совершенно оправданная и имеющая смысл акция.

Самое главное на сегодня, на вечер понедельника, 10 августа, – отсутствие позиции властей и отсутствие контроля ситуации. У родственников моряков сложилось впечатление, что судовладелец знает куда больше, чем рассказывает, но он напуган тем, что получилось, и не знает, как из всего этого выпутаться.

У меня только один вопрос – возьмет ли кто-то в России дело под свой контроль?.. Объявит ли кто-то официально, что задача номер один – спасение экипажа, что для этого предпринимается всё необходимое (и что, собственно, конкретно предпринимается)? Один из читателей сайта, явно моряк или имеющий к флоту непосредственное отношение, прислал мне крайне интересное письмо с подробным описанием системы современной связи судно-берег и всего комплекса обычной и аварийной связи и сигнализации, имеющихся на судне, а также способов вывода их из строя. Кроме того, он высказал одно очень интересное предположение, которое почему-то кажется мне близким к истине или истинной. Вот его письмо полностью:

«Здравствуйте, Михаил.

Я решил написать пару строк по поводу исчезновения «Arctic Sea», так как случай удивительный и шокирующий, принимая во внимание район захвата и исчезновения. По поводу AIS, как уже высказались мои коллеги, – его легко выключить, перепрограммировать на несуществующее судно и т.д., вплоть до физического уничтожения прибора. Сложнее с SSAS-ship security alert system (тревожная кнопка), которая должна стоять на борту по требованию кода ISPS, который уже лет пять в действии. Если этот прибор отключить, то администрация государства-флага (Мальта в данном случае) получает предупреждение о неисправности данной системы на борту судна и далее обязана предупредить судовладельца-оператора судна. Эта система минимум четыре раза в сутки передает данные о местоположении судна и является по сути маяком, который постоянно в работе. Судовладелец обязан знать, когда была получена последняя информация от этой системы. Её перенастроить совсем не легко, гораздо проще вывести из строя. Далее, существуют другие средства для подачи аварийного сигнала, например EPIRB. Для его активации достаточно включить тумблер на корпусе бую. Кроме этого, есть УКВ, средневолновый передатчик, inmarsat-C distress кнопка и телекс, радио-телекс, аварийные ГМССБ рации, SART передатчики. Если экипаж всего этого не сделал, значит, этого сделать было нельзя. Вариантов – море (связаны и заперты, находятся под дулами автоматов и т.д.). Я думаю, что судовладелец явно темнит и не может не знать хоть какой-либо информации: где и когда был последний контакт с судном. AIS в этом случае наименее достоверная информация. Также минимум раз в сутки капитан обязан информировать о местоположении, погоде, скорости судна, расходе топлива, и т.д., посылать так называемый NOON REPORT. После последнего репорта судно может пройти не более 400 миль, а это тихоходное судно и того меньше. Непонятно, почему его стали искать только сейчас, неужели ждали прихода в

порт выгрузки, не имея никакой информации с борта судна в течение недели? БРЕД. Это не аэробус, упавший в океан. Судовладелец-оператор, который не имеет представления о местонахождении судна более суток, не является таковым по определению. Кстати, фрахтователь тоже обязан отслеживать маршрут зафрахтованного судна, а иначе можно потерять много денег.

Если на судне был какой-то секретный груз, то судовладелец должен знать об этом. Не поверю, чтобы капитан играл в какие-то свои игры.

Также сомнительно, что экипаж убит и судно затоплено. Что может стоить дороже полутора десятков человеческих жизней? Мне представляется, что судно было захвачено, секретный дорогой груз снят, экипаж, возможно, связан и заперт где-то в служебных помещениях, а судно дрейфует, ожидая, что кто-то начнет поиски.

Терпения и веры женам ребят.

Дай Бог, чтобы ребята вернулись домой живыми и здоровыми.

С уважением к Вам, Сергей».

Если Сергей прав, то тем более крайне необходимо немедленно организовать всеевропейскую поисковую операцию – для чего, как мне кажется, от России требуется официальный запрос в адрес тех стран, которые должны принимать в ней участие. Эта многоплановая операция должна включать в себя как подъем архивных баз данных AIS и систем контроля за движением судов в узкостях, которым проходил «Arctic Sea», так и опрос всех судов, следовавших в районах, где находился на то время исчезнувший теплоход. Ну и собственно визуальный поиск – самолетами, вертолетами, проходящими судами, спутниками, и не только в водах Европы, но и в Атлантике, возможно также – в Средиземном море.

От всей этой истории чем дальше, тем больше пахивает плащами и кинжалами. Как человек, работающий в морской отрасли, не могу не сказать, что мне плащи с сопутствующими кинжалами нравятся исключительно в романах и боевиках. В реальной жизни от них, как правило, одни проблемы и неприятности. Может, от них есть и польза, не знаю, но, видимо, она очень засекречена и мне ее не понять.

Еще раз перечитайте то, что написал Сергей, – и представьте себе положение людей, находящихся в закрытом (заваренном) помещении на неуправляемом судне. Нужен поиск!

Родственникам – повторю за Сергеем – терпения и веры.

Пресс-релиз Морской администрации Мальты:

Национальный комитет безопасности судоходства Мальты в настоящее время сотрудничает с рядом соответствующих служб других государств в расследовании происшествия с т/х «Arctic Sea». 28 июля оператор судна под флагом Мальты сообщил в полицию Хельсинки, что 24 июля в 04.00 финского времени в шведских водах на судно было совершено нападение. Судно зарегистрировано под мальтийским флагом на имя мальтийской компании, оно вышло из финского порта Пьетарсаари на Алжир с грузом леса. Правоохранительные службы различных государств в настоящее время пытаются найти судно.

Комментарий. Это не широкомасштабные поиски. Это в лучшем случае попытки выяснить, в чем дело.

Последним с «Arctic Sea» говорил офицер Береговой охраны Англии

Правоохранительные органы нескольких стран пытаются найти следы сухогруза «Arctic Sea» с российским экипажем из 15 человек и грузом леса стоимостью 1,8 миллиона долларов, пишут британские СМИ. Выяснилось, что последними, кто разговаривал с судном, были офицеры Береговой охраны Англии при прохождении «Arctic Sea» Ла-Манша 29 июля. Офицер британской Maritime and Coastguard Agency (МСА) говорил с судном по УКВ – и лишь сейчас выясняется, что он общался либо с одним из похитителей судна, либо с моряком под дулом автомата. Финский владелец судна сообщил шведским властям, что 24 июля ночью судно подверглось нападению в шведских водах. 8 или 10 вооруженных людей в маскировочной форме с масками на лицах захватили судно и что-то искали, а через 12 часов покинули «Arctic Sea». Однако выяснилось, что они его не покидали – это было самым настоящим захватом, и с того времени похитители полностью контролировали судно, сообщила английским властям полиция Зеебрюгге. По рации с судна сказали британской Береговой охране, что у них всё в порядке, что они следуют из Якобстадта на Беджайю, Алжир. Офицер Береговой охраны не знает, с кем именно он говорил. В настоящее время, помимо Морской администрации Мальты, судьбой исчезнувшего судна активно интересуется один из владельцев груза, финская Stora Enso. Представитель компании заявил следующее: «Судовладелец нам ничего не сказал и не говорит. Ну вот абсолютно ничего, думай что хочешь».

Последними, кто визуально наблюдал судно, были португальцы на патрульном самолете Береговой охраны, и им показалось, что с судном всё в порядке.

Испанские власти, в свою очередь, сообщают, что вряд ли «Arctic Sea» мог пройти Гибралтаром незамеченным, это практически невозможно.

Почему о том, что судно захвачено, сообщает полиция бельгийского города Зеебрюгге?

Если оно не проходило Гибралтаром, то, значит, сейчас находится где-то в Атлантике – не исключено, уже брошенное похитителями, с экипажем, запертым где-нибудь в помещении и ожидающим помощи. А может, его продолжают вести куда-то для выгрузки таинственного груза.

Итоги дня 11 августа

Главная новость дня – отсутствие главной новости. Широкомасштабного поиска нет и не похоже, чтобы он скоро начался. Российские военные корабли сегодня ночью выйдут в Атлантику – но что они могут сделать, если неизвестно приблизительное местонахождение «Arctic Sea»? Они смогут обследовать водное пространство по пути следования на Балтику в радиусе действия своих вертолетов, а этого слишком мало. Что имеем на сегодня, на данный момент?

Последний человек, говоривший с судном, – офицер Береговой охраны Англии, рутинный разговор по УКВ с судном, следующим Ла-Маншем. Судовладелец, правда, заявил, что он говорил с судном 1 августа, но с кем и о чем – не признался: видимо, это тайна.

Последний имевший с судном визуальный контакт – патрульный самолет Португалии. Связи не было да и не могло быть, если судно не вызывало каких-либо подозрений.

Испания утверждает, что «Arctic Sea» не проходил Гибралтаром, иначе его проход был бы зафиксирован.

Выводы:

либо судно с экипажем потоплены;

либо судно с экипажем ведется похитителями в какое-то место;

либо судно с экипажем оставлены похитителями после того, как они выгрузили этот таинственный груз или выбросили его за борт.

Если хоть один из этих выводов соответствует действительности, то крайне необходима широкомасштабная поисковая операция с привлечением спутниковых съемок и самолетов дальнего действия. Кто знает – может, счет идет на часы и срочная помощь людям нужна сегодня, сейчас?

Возвращаясь к истокам этой таинственной истории, которая на наших глазах перерастает в трагедию: иных предположений, кроме наличия на борту какого-то таинственного груза, не было и нет. Трудно предположить, что это криминальный груз, какие-нибудь наркотики. Все, от специалистов до журналистов, уверены, что криминалу столь сложная операция по захвату судна не по зубам, да и перехват какой-то там партии наркотиков не требует похищения судна. Поэтому нам остается только одно – считать, что судно задействовали в перевозке очень ценных или опасных материалов, причем некая третья сторона, похитившая судно, была полна решимости любой ценой не допустить того, чтобы груз попал получателю. Дальше на эту тему я рассуждать не собираюсь, просто потому, что к ситуации на данный момент происхождение всей этой истории уже не имеет отношения. Главное сейчас – спасение людей. Есть, конечно, надежда, что дело далеко не столь серьезное и скоро счастливо разрешится. Я буду этому только рад, не хочу я никаких ужасов и триллеров, это не кино и не роман в яркой обложке. Более того, если история благополучно завершится, я тут же про нее забуду и никаких расследований вести не стану, на кой черт, и без того дерьма кругом – не пройти, чтобы новое выкапывать. Ясно, что эта история – исключительный случай, не явление. Так чего копать? Понятно, что благоухания не будет.

Иные предположения и версии.

Судовладелец заявил, что все, о чем говорится в СМИ, не соответствует действительности, и призвал родственников моряков, а также и сами СМИ, не верить всяким версиям и домыслам, ведь «специалисты компании делают все возможные, чтобы найти судно». Что это они такое делают и как ищут, и что за специалисты? Если известно, где судно и что с ним, то почему не сказать об этом хотя бы родственникам? Молчание со стороны судовладельца, а также, видимо, тех, кто за ним стоит, можно воспринимать как полную утерю ими контроля ситуации.

Появилась новая версия от журналиста «Fairplay» – занятым в морской отрасли не надо объяснять, что это за издание. Он предположил, что судно, возможно, по согласованию с капитаном увели куда-то кредиторы судовладельца. Версия, прямо скажем, крайне зыбкая. Родственники ее категорически отвергают, и между прочим – жалоб от них на компанию «Солчарт» в плане задержек с зарплатой и подобных вещей не было.

Чего ждать?

Есть робкая надежда, что российская сторона говорит куда меньше, чем знает, и что российские военные корабли по выходе в Атлантику будут знать, куда идти и где искать. Есть столь же робкая надежда, что похитителям главное было – остановить, задержать груз любой ценой, но моряки для них никакой опасности не представляют, и потому их отпустят. Если на то пошло, то тут, знаете, страшнее

уже не похитители, а те, кто всё это дело затеял, как бы именно им моряки не показались опасными и лишними свидетелями. Повторюсь: мы, судя по всему, имеем три стороны. Грузоотправитель, грузополучатель и тот, кому крайне важно сорвать эту перевозку и не допустить попадания груза по назначению. Ну что ж, уже, можно сказать, сорвал, уже не допустил. Так отпусти ты моряков, а? Они ведь ни при чем, они в этой истории крайние.

Есть ли надежда на начало широкомасштабных международных поисков с привлечением спутников и самолетов? Судя по обстановке на вечер сегодняшнего дня, мало её, этой надежды. Никто, похоже, за это дело не берется. Ни одна страна. Посмотрим, что скажет завтрашний день.

P.S. Не могу не упомянуть ещё одно – жалобы родственников моряков на безобразное поведение журналистов издания, опубликовавшего список членов экипажа. Имя издания не даю, все и так понимают, о чём речь, а я не знаю, чего от него ждать. Возьмет и обвинит меня в оскорблении ихних чести и достоинства.

Мне-то объяснять не надо, я стиль работы этого издания испытал на собственной шкуре. К нему не обращаюсь, смысла нет, это все равно что попросить у унитаза закурить или подвинуться. Могу только посоветовать родственникам – держитесь. Не поддавайтесь. Не реагируйте. Ваша реакция на их попытки контактировать и что-то из вас вытянуть, довести вас до слёз и истерик, – ваше поражение и их победа. И наоборот. Это временное зло, вот так его и воспринимайте. Им плевать на ваши чувства и конечный исход всей этой истории. Соответственно, не замечайте их, не кричите на них, не вступайте с ними в беседу. Лучшее средство от укусов комаров – не расчёсывать. Само пройдет.

Открытое письмо правительству Российской Федерации

Мы, жены и родственники моряков пропавшего судна «Arctic Sea», просим начать полномасштабную поисково-спасательную операцию с привлечением всех необходимых российских спецслужб. А также просим сделать официальный запрос на поиски судна странам западной Европы, у берегов которых это судно пропало. Нам важно, чтоб наши родные вернулись домой целыми и невредимыми.

Утро 12 августа

С утра посыпались новости, но среди них ни одной из тех, которые нам необходимы, которые мы ждём. А ждём только две: «Arctic Sea» обнаружен (вариант – нашелся сам), или – начаты настоящие широкомасштабные поиски. Эти новостей нет. А что есть?

Все СМИ, в том числе иностранные, пестрят известиями о начале международных поисков. Где они ведутся, кем, какими силами – ни слова. Береговые охраны Англии, Испании, Франции, Швеции и так далее – ни слова. «Извещения мореплавателям», вещь, которая вообще ничего не стоит, – ни слова. А чего проще: оповестить суда в Атлантике об исчезновении теплохода «Arctic Sea» и призвать их к усилению внимания на предмет обнаружения судна или подозрительных следов на воде (результатов кораблекрушения); обращать внимание на странное поведение или вид какого-либо судна, подходящего по внешнему виду к «Arctic Sea» (если уж предполагать, то предполагать что угодно, в том числе попытку переименовать судно, перекрасить и т.п.). Даже этого нет – простого извещения

мореплавателям. Так в чем, спрашивается, эта операция заключается? Известно, что делом «Arctic Sea» заинтересовался Интерпол, что полиции прибрежных стран Европы что-то там пытаются найти – но нам ведь на сегодня главное судно и моряки на его борту, а не история с захватом.

Известная британская газета «The Sun» дала пару фраз, которые поставили на уши российские СМИ – волна, во всяком случае, пошла. Якобы «Arctic Sea» обнаружен в одном из портов Западной Африки. Но «The Sun» пишет всего лишь вот что: It was thought last night the Arctic Sea could already be in an African port. Было, мол, предположение, что вчера «Arctic Sea» мог уже оказаться в африканском порту.

Английские СМИ предположили и другое – похищение судна из чисто коммерческих интересов, с вовлечением в операцию экипажа. Либо за долги судовладельца каким-то кредиторам, либо с целью криминального использования судна, так называемое *hoax-ship* – судно-приманка, судно-подделка. То есть судно меняет насколько возможно внешний облик, изготавливаются фальшивые документы, и далее оно предлагается на обычном рынке для перевозки грузов. Может и честно перевезти груз по демпинговым ставкам, но главная цель – найти для перевозки партию дорогих товаров. С ними судно скрывается, товары перепродают на черном рынке, после чего оно опять меняет облик и название. Совсем недавно такие вещи практиковались в Юго-Восточной Азии и восточном Средиземноморье, но сейчас сходят на нет из-за все большей «прозрачности» судов. Обмануть портовые власти большинства стран уже практически невозможно, судно просто увешано и утыкано всякими идентификаторами, номерами, определителями и сертификатами.

Между прочим, именно с такой целью в сентябре 1995 года в Южно-Китайском море был похищен теплоход «Anna Sierra» – и по какому-то странному совпадению похитители переименовали его в... «Arctic Sea», ни больше ни меньше. Судно было найдено, задержано и возвращено владельцу.

Есть в криминальной версии и еще один аспект – морально-этический. Ведь в этом случае подразумевается согласие экипажа. То есть 15 архангелогородцев вот так запросто перечеркнули всю свою жизнь и согласились стать изгоями. Миллионов они точно не получают, виллу себе на Мальдивах не купят, честное имя притом потеряют и вынуждены будут остаток своих дней скрываться. Неужели это правдоподобно, особенно если учесть, что архангельские моряки исторически имеют в России самые глубокие, многовековые корни? У них традиции не хуже британских, у них своя среда, в которой есть место и принципам, и устоям.

Вся эта история, на мой взгляд, вошла в стадию, когда дорог каждый день, если не час. Если предположить, что судно ведут куда-то в Африку для выгрузки этого таинственного груза, то и слава богу, но опять же – а что потом похитители собираются делать с моряками? Не считают ли они их лишними опасными свидетелями? Нужен поиск – срочный поиск спутниками и самолетами. Наиболее вероятный район нахождения судна (конечно, исходя из предположений и догадок на основе имеющейся у нас информации) – восточная часть Атлантики к югу от параллели Гибралтара. Может, направить туда этот наш знаменитый дальний стратегический самолет, а? Если эти гиганты умеют распугивать полярных канадских медведей, так, может, примут участие в поисках российских граждан?

Короче говоря, найдётся кто-нибудь, лицо или организация, кто скажет наконец – да, мы ответственны за это и будем делать то-то и то-то? Найдётся или нет? Если нет – значит, поисков как не было, так и не будет.

Вот это другое дело!

Gzt.ru дала следующую новость:

Финская компания Solchart, владелец пропавшего в Атлантике сухогруза «Arctic Sea», просит Россию оказать максимальное содействие в поисках судна и членов его экипажа, заявил РИА Новости управляющий директор компании Виктор Матвеев.

Это первое официальное заявление руководства Solchart после исчезновения принадлежащего ей сухогруза. По словам Матвеева, компания также открыта для сотрудничества с властями всех стран, способных принять участие в поисках пропавшего судна, «готова предоставить все необходимые документы и всю имеющуюся информацию».

Он подчеркнул, что «приоритетом для компании являются жизни людей – 15 членов экипажа сухогруза – и благополучие членов их семей».

«Я как директор компании не снимаю ответственности за их судьбы. Мы стараемся делать все возможное и невозможное, чтобы найти людей, чтобы их спасти», – сказал Матвеев. «Компания Solchart и я лично рассчитываем, прежде всего, на помощь России в поиске пропавшего судна и членов его экипажа. Посольство РФ в Финляндии было одним из первых, кого я оповестил о происходящем», – добавил Матвеев.

Вот это другое дело! Давно бы, как говорится, так. Обеими руками «за».

Вечер 12 августа

Наверное, главной новостью дня и, более того, всех последних дней можно считать известие о поисках судна силами ВС РФ с привлечением спутников и, вероятно, самолетов. Мне кажется, это единственная реальная возможность найти судно, если оно само не объявится (что по-прежнему нельзя исключить). Военные корабли и тем более подводные лодки не в состоянии эффективно искать судно на огромной акватории Атлантики. Кораблям необходима информация, а ее на данном этапе могут предоставить только спутники и самолеты. Конечно, не исключен вариант, что мы многого или вообще ничего не знаем, и судно объявится само по себе волею похитителей. Точно так же не исключен вариант, что судно уже уничтожили. Но привлечение к поиску спутников дает единственную реальную надежду на достижение результатов, до того были только слова. Мне до сих пор ничего не известно о поисках судна европейскими странами. Не подняты в воздух патрульные самолеты, не идут в заданные районы для их прочесывания спасательные суда и военные корабли. Пока реальный поиск начал и ведет только Россия.

Родственники членов экипажа внезапно и без объяснений прекратили со мной всякую связь. Я не обижаюсь и понимаю, насколько тяжелы и противоречивы обстоятельства всей этой истории, насколько может быть запутанным клубок интересов и сил, который их окружает. Желаю им терпения и веры.

13 августа. Неизвестное судно пришло в Сан-Себастьян

Мне начали поступать вести отовсюду, в том числе пишут уже и экстрасенсы. Но есть вещи посерьезнее: пришло SMS, где говорится, что в местной газете порта Сан-Себастьян, Испания, сообщается о прибытии вчера в порт неизвест-

ного судна без имени, длиной 98 метров, – это длина «Arctic Sea». Если у кого-то есть возможность – проверьте, пожалуйста. Наверное, сообщения такого рода следует проверять. Что еще остается-то? Я понимаю что тревога может быть ложной, и даже скорее всего ложная, но в таких ситуациях нужно проверять все.

СКР «Ладный» преследует в Атлантике неизвестное судно, похожее на «Arctic Sea»?

По информации заслуживающего доверия источника из МО, сторожевой корабль «Ладный» ЧФ, приступивший со вчерашнего дня к поискам, в настоящее время преследует в Атлантике южнее Гибралтара судно, похожее на «Arctic Sea». Можно предположить, что судно находится под контролем похитителей и пытаются уйти от погони, если это, конечно, оно.

Вечер 13 августа

День был очень бурным благодаря двум новостям, которые я дал. Одна не подтвердилась (приход в испанский порт Сан-Себастьян неизвестного судна, похожего на «Arctic Sea»), вторую (погоня за подозрительным судном нашего СКР «Ладный») опровергает Министерство обороны. В связи со всем этим и дополнительной информацией о том, что завтра на «Arctic Sea», по расчетам, закончится топливо, хотелось бы изложить как свою позицию, так и анализ ситуации на вечер сегодняшнего дня.

Самый главный для меня вопрос: что мне сейчас делать? Публиковать информацию, которая, конечно же, не проверена и требует подтверждений, но при этом кажется правдоподобной и важной, или заткнуться и ждать, когда появится что-то бесспорное и подтвержденное или когда история умрет и забудется? Что делать, повторяю, молчать или публиковать получаемую мною информацию?

Давайте забудем про версии и перечислим известные нам факты.

Факт первый: судно захвачено, захват произошел 24 июля, захват не может быть осуществлен случайными людьми или обыкновенными бандитами, слишком сложная операция.

Факт второй: похитители вели судно вплоть до 29 июля, как обычное, скрывая захват до последнего.

Факт третий: откуда пришла новость о нападении 24 июля, почему она пришла так поздно, кто что кому сказал, мы толком не знаем.

Факт четвертый: полиция некоторых стран Европы и Интерпол заявили, что судно было захвачено, и захвачено именно 24 июля.

Факт пятый: полиция нескольких стран и Интерпол ведут следствия и пытаются выяснить, что случилось и кто стоит за похищением.

Факт шестой: в настоящее время поиск судна ведется силами только РФ, если в поисковой операции участвует кто-то еще, то нам про это неизвестно.

Факт седьмой: судно либо есть, либо его уже нет; искать, следовательно, надо не только судно, но и следы кораблекрушения.

Факт восьмой: самый вероятный район местонахождения судна – к югу от широты Гибралтара, где-то поближе к побережью Западной Африки или вдоль побережья.

Факт девятый: главное на сегодня – это поиск судна и спасение людей, все прочее вторично, если только оно не помогает в поисках.

А теперь мои вопросы.

Вопрос первый. Насколько мне известно, до сих пор об исчезновении судна ничего не сказано в «Извещениях мореплавателей». Я просмотрел с утра и днем доступные «Извещения мореплавателям», нигде про «Arctic Sea» ни слова. Никто не повышает бдительность в поисках подозрительных следов на воде или подозрительного судна. А ведь «Извещения» получают сотни судов, бороздящих в настоящее время воды Атлантики. Это значит, в поисках не участвуют сотни радиолокаторов и тысячи глаз. Да о чем говорить – это стандартная процедура, «Извещения» переполнены новостями о пропаже яхт или мелких рыболовных суденышек, но вот про «Arctic Sea» почему-то ни слова. Если я не прав и «Arctic Sea» уже есть в «Извещениях», просьба сообщить и меня поправить.

Вопрос второй. После опровержения МО моей новости о СКР «Ладный» и его погоне за кем-то журналисты мне говорят: «Михаил, да одно то, что МО наконец-то хоть что-то сказало про поиски «Arctic Sea», уже эту новость оправдывает». Я к чему веду: ведь поиски «Arctic Sea» – заодно и проверка наших служб к организации и проведению операций такого рода и масштаба. Наверное, должен быть штаб, группа по управлению операцией, включая пресс-секретаря. Отсутствие новости тоже новость. Каждый день или дважды в день необходим пресс-релиз: ищем, делаем то-то, результатов нет и т.п. Где это все?

Вопрос третий. Вот США заявили, что готовы присоединиться к поисковой операции, если будет официальный запрос о помощи. Он есть, будет или его не будет никогда? А если не будет, то почему? Точно так же не могут взять и по собственной инициативе заняться поисками соответствующие службы европейских стран. В чем дело? Что важнее, спасти 15 сограждан или исходить из каких-то неведомых соображений? Или это просто нерасторопность?

Пока все на сегодня. В заключение ставлю вопрос о публикации непроверенной информации по «Arctic Sea» на голосование на своем сайте. Мне очень неприятно быть в роли «опровергаемого», не привык. Но, честно сказать, не думаю, что опубликованная мною новость про СКР «Ладный» взята из воздуха. Не я ее придумал, да и не могли ее придумать. Хочу знать ваше мнение – заткнуться или все-таки опубликовать?..

Утро 14 августа

Суда типа «Охотское» («Arctic Sea») – проклятая серия? По данным «Fairplay», четыре однотипных судна погибли, одно прямо у причала все в той же Африке.

Начиная с сегодняшнего дня, следует учитывать возможность того, что на судне закончится или уже закончилось топливо. Данные следующие: максимальное количество бункера, которое могло быть на «Arctic Sea», – 275 тонн, суточное потребление – 10–12 тонн; значит, топлива на 20–25 суток. Считая начало рейса с 22 июля, получаем 14 августа как последний день. Конечно, можно предположить, что судно в настоящее время следует экономичным ходом, или вообще стоит уже где-то на якоре, или дрейфует. Тем не менее возможность того, что

топливо закончилось, следует учитывать. Представитель Solchart в Архангельске на вопрос «Fairplay» (повторяю для тех, кто не в курсе: это одно из самых авторитетных морских периодических изданий в мире) о количестве топлива на борту на момент отхода отвечать отказался.

«Fairplay» поднял свою базу данных по аварийности и выяснил любопытную вещь: из серии судов типа «Arctic Sea» три затонули вследствие переворачивания, одно легло на причал в порту Западной Африки. Это судно, кстати, тоже погибло, его порезали прямо у причала где-то в 2006–2007 годах.

Возвращаясь к «Arctic Sea»: мне кажется, отсчет уже пошел, и с каждым прошедшим без новостей днем надежды все меньше. Об СКР «Ладный» и вчерашней опровергнутой МО новости о преследовании им кого-то. Питерские СМИ ухитрились дозвониться до корабля, с него передали, что никого они не преследуют, находятся в районе Канарских островов. Но ведь не позагорать СКР туда пошел, правильно? Поиск кораблем кого-то или чего-то на водной акватории – точечный, чтобы иметь шанс что-то найти, надо хотя бы приблизительно знать, где искать. Почему-то ведь СКР пошел именно к Канарам, а не, предположим, к Гренландии. Многие пишут и говорят про чудеса спутниковой разведки – мол, можно газетку прочитать или разобрать номер автомашины. Так-то оно так, но давайте не забывать – чтобы эту газетку на земле со спутника прочитать, надо опять же знать, где она лежит. На каком побережье, в какой бухте. Возьмите газетки, разложите их вдоль побережья Западной Африки (не забудем, кстати, и про Канары) и попытайтесь подсчитать, сколько времени уйдет на чтение.

В общем, день начался, ждем.

Проклятая серия – о судах типа «Arctic Sea»

Большое спасибо читателям сайта, приславшим подробные материалы по этой теме.

Серия лесовозов типа «Углегорск» (так называлось головное судно этой серии) построены в Турции судоверфью Sedef Gemi Endustri AS. Это был один из последних заказов для Минморфлота СССР. Всего было построено 22 судна (в 1990–1993 годах). Суда сразу назвали неудачными из-за отсутствия ледового класса и не очень хорошей остойчивости.

Происшествия с судами серии:

В 1992 году чуть было не перевернулся при выгрузке контейнеров у причала в нигерийском порту «Torm Alexandra». Однако злосчастное судно все-таки перевернулось у причала, причем в той же в Западной Африке, в Монровии в 2002 году.

В 1998 году из-за критического крена покинут экипажем «Tiger Force», позже брошенное судно затонуло.

В марте 2006 года в Средиземноморье затонул «Teklivka» с грузом контейнеров, один член экипажа погиб.

В 2004 году «Nova Spirit» с грузом контейнеров на борту получил сильный крен в Средиземноморье, удалось отбуксировать его в порт.

Все суда владивостокской «ST Group», которые на сегодняшний день арестованы в дальневосточных портах из-за невыплаты зарплаты морякам, принадлежат как раз к судам этой серии.

14 августа, 17.00 мск. «Arctic Sea» опять обнаружили

Как уже известно по лентам новостных агентств, немецкая газета «Дойчланд» сообщила, что ею получены сведения из двух независимых источников о том, что т/х «Arctic Sea» не то замечен, не то обнаружился в районе островов Зеленого Мыса. Это, собственно, и вся новость. Что там и как, пока неизвестно. Будем ждать дальнейших новостей. Я в данном случае могу лишь сказать, что если «Arctic Sea» действительно нашелся, то там, где приблизительно и ожидалось. Я не могу звонить на острова с просьбой выяснить и уточнить, точно так же не могу позвонить в МО и спросить, какой информацией обладают они и есть ли рядом с «Arctic Sea» российский военный корабль. Я, сами понимаете, не в том положении и не в том статусе. Главное – нашелся «Arctic Sea» наконец или нет? Если да, то в каком состоянии экипаж? Если эта новость опять мимо, то вечером опубликую свое мнение о том, чего ждать и на что рассчитывать.

15 августа, 00.05 мск

Большой вопросительный знак, а рядом восклицательный. Опять несуразицы, нестыковки и загадки. «Раньше времени нельзя говорить», – раньше какого времени и что именно нельзя говорить?

Везде кричат, что судно обнаружено вблизи Кабо-Верде. Во-первых, 520 миль к северу от Кабо-Верде – это всего 200–300 миль к юго-западу от Канарских островов. Так Кабо-Верде или Канары?

Во-вторых – ладно, обнаружили. Времени – несколько часов. Спутник уже мог пролететь и, как все любят повторять, прочесть с небес газетку. То есть можно было уже получить подробные фото «Arctic Sea» и что-то наконец связное сказать.

В третьих: сообщают, что СКР «Ладный» будет в районе обнаружения судна завтра. Пардон, а вчера, вроде, с «Ладного» говорили, что он вблизи Канарских островов? То есть ему до «Arctic Sea» – миль 300 максимум. Какая скорость у СКР, я не знаю, но уж узлов 25 он даст? То есть ходу от силы полсуток. К тому же на его борту вертолет (или нет? но тогда как он вообще может что-то искать?), так что «Arctic Sea» уже должен быть в пределах прямого контакта.

А нам тут сообщают, что «Посольство РФ не подтверждает информацию об обнаружении «Arctic Sea»» – РИА Новости, 23.13 мск. Интересно, вы не находите?

Ну и в-четвертых, много всяких других странностей. Почему вдруг Министерство обороны Франции оказалось главным поставщиком новостей и информации? Откуда взялся Дмитрий Rogozin, дрожащий от драматизма и невозможности что-то рассказать, потому что, видите ли, «раньше времени нельзя говорить»? Если судно просто угнали – то почему и о чем нельзя говорить? Я, к счастью, не полпред и могу позволить себе такую роскошь, как здравый смысл, и я не могу с этим смыслом понять, что в захвате судна, если это просто захват без политики и основательной грязи, есть такого, что не позволяет раньше времени говорить? Что именно не время говорить? Нечего, может, сказать, не придумали ещё версию? Может, в том и дело? Мне кажется, судно и экипаж живы и относительно здоровы, но та из заинтересованных сторон, которая в настоящее время контролирует судно, не знает, как из этого шума выпутаться с наименьшими потерями.

26 августа. Может, у меня горячка?

Дорогие наши СМИ, вы что, белены объелись?

«Аргументы и факты»:

Не «Arctic Sea», а «Чендин-2» и северокорейское судно

История с похищением сухогруза «Arctic Sea» обрастает все новыми загадочными подробностями.

Как сообщил во вторник департамент информации и печати МИД России, вызывает вопросы поведение капитана «Arctic Sea», в момент обнаружения судна кораблем российского ВМФ «Ладный» заявившего, что корабль под его командованием называется «Чендин-2» и принадлежит северокорейскому судовладельцу. Как отмечают в МИД, эта попытка дезинформации была «неожиданной» и озадачила моряков с корабля «Ладный». Представители КНДР в свою очередь заявили, что перехваченный российским сторожевиком сухогруз физически не может быть вышеуказанным судном, поскольку на момент задержания «Arctic Sea» «Чендин-2» находился в одном из портов Анголы, – сообщает УТРО.ru.

Как сообщил в интервью «Российской газете» глава Следственного комитета при прокуратуре РФ Александр Бастрыкин, сейчас члены экипажа «Arctic Sea» изолированы для допросов. Они проходят как потерпевшие, однако глава СКП не исключает, что в ходе расследования вскроются обстоятельства, которые изменят их статус.

«Мы не исключаем вариантов, что там могли взять не только лес. Отчасти и поэтому попросили задержаться в Москве членов экипажа – тоже надо разобраться, не причастен ли кто к тем событиям. Не всё пока ясно, но мы спокойно во всем разберёмся. Не надо только никакого ажиотажа создавать», – пояснил Бастрыкин.

При предварительном досмотре «Arctic Sea», осуществленном командой «Ладного», на борту судна не удалось обнаружить никаких подозрительных грузов, а более подробно сухогруз обыскан в одном из портов на пути следования. Лесовоз направляется в Новороссийск, куда судно должно прибыть во второй половине сентября.

На борту «Arctic Sea» находились все 15 россиян – членов экипажа, а также восемь предполагаемых захватчиков, сообщает Lenta.ru. В соответствии с этим судно было задержано как захваченное пиратами на основании 105-й статьи Конвенции ООН по морскому праву, уточняет министерство.

МИД подчеркивает, что в истории с исчезновением сухогруза с российским экипажем до сих пор много неясного. Не установлено, являются ли «первоначальный» захват судна, произошедший 24 июля, и последующие события «звеньями одной цепи пиратских действий».

Напомним, что сообщения об исчезновении «Arctic Sea», оператором которого является финская компания «Solchart Management AB», идущего под мальтийским флагом с грузом лесоматериалов из Финляндии в Алжир, появились в СМИ в начале августа. Неизвестные под угрозой затопления судна и убийства экипажа потребовали от оператора «Arctic Sea» \$1,5 миллиона. Российский сторожевик «Ладный» обнаружил лесовоз утром 17 августа в 300 милях (550 км) к югу от островов Кабо-Верде. Судно нашли неподалеку от островов Зеленого Мыса. Среди восьми предполагаемых захватчиков двое оказались россиянами, один – гражданином Эстонии, еще один – гражданином Латвии, у остальных гражданства не оказалось.

Подозреваемые и 11 членов экипажа были доставлены в Москву. Задержку части экипажа, оставшегося на борту сухогруза, объяснили необходимостью их «неотложно допро-

суть». Предполагаемые захватчики арестованы Басманным судом Москвы, но своей вины они не признают.

Опубликовано: 26 августа 2009 г.

<http://irk.aif.ru/crime/news/10980>

Читаю и диву даюсь. Еще раз перечитываю и щупаю лоб: может у меня горячка?

Представьте картину: вот судно, захваченное какими-то похитителями. Вот к нему подходит СКР «Ладный» и по рации спрашивает: кто вы такие? Похитители командуют капитану – ну-ка, милый, ответь, что мы это не мы, а что-нибудь другое, авось сойдет, и от нас отстанут. В качестве чего-нибудь другого выбрали этот самый «Чендин», решив, что северокорейский вариант лучший. Ну и что вы предлагаете капитану – крикнуть в эфир: «Погибаю, но не сдаюсь, это не «Чендин», это «Arctic Sea»!», и получить пулю или прикладом по голове?

Но вообще-то у меня вся эта история про задержание, с проверкой у КНДР, где «Чендин», честно говоря, вызывает сомнение. МИД говорит, что точное место «Arctic Sea» было известно в каждый момент времени. Теперь представьте: «Ладный» сближается с «Arctic Sea» и визуально видит, что это именно «Arctic Sea», силуэт ведь не переделаешь. «Ладный» притом точно знает место «Arctic Sea», то есть стопроцентно понимает, что это или мираж, или именно «Arctic Sea». Но ему говорят, что он ошибается. Я упал и поверил, так и было.

Ладно. Читаем дальше, там намного важнее, потому что про экипаж. Наконец-то нам сообщили: «Мы не исключаем вариантов, что там могли взять не только лес. Отчасти и поэтому попросили задержаться в Москве членов экипажа – тоже надо разобраться, не причастен ли кто к тем событиям. Не всё пока ясно, но мы спокойно во всем разберёмся. Не надо только никакого ажиотажа создавать». Ажиотаж создают, между прочим, родственники. Они почему-то не хотят, чтобы моряки задерживались в Москве. Даже с учетом того, что не всё пока ясно.

Далее – насчет самого судна и тех четверых, кто находится на его борту. «Более подробно сухогруз обыщут в одном из портов на пути следования». Делаем вывод, что, скорее всего, «Arctic Sea» приведут в Беджайю и там, наконец, выгрузят многострадальную древесину. Но далее пассаж, который лично меня (как, думаю, и родственников) прямо-таки взбесил: «Задержку части экипажа, оставшегося на борту сухогруза, объяснили необходимостью их “неотложно допросить”». Между тем всем более или менее понимающим известно, да ранее так и писалось, что четверка оставлена на борту для того, чтобы довести судно до Новороссийска или куда там его приведут. Люди – работают! В перерывах между допросами, что ли? Сменный экипаж ведь не прислали.

В общем понятно, что экипаж к концу недели, скорее всего, домой не попадёт.

«Arctic Sea» – уже глючит

В течение получаса сегодня вечером я опубликовал и стёр две заметки. Обе, с одной стороны, неверные, с другой – демонстрируют устроенный нам психоз. Если изначально судно никуда не терялось и в любое время было известно, где

оно находится, то зачем понадобилось дергать несчастную КНДР запросами про то, где находится истинный «Чендин-2»? И так ведь знали, что это никакой там не «Чендин», пусть даже и второй, а «Arctic Sea». Еще вопрос. Сегодня же, несколько часов тому назад, звучали в эфире слова других официальных лиц, не менее официальных, чем МИД. А говорили они вот что: на поиски «Arctic Sea» были брошены значительные силы флота и космоса. В результате этих поисков судно наконец нашли и задержали. Так оно терялось или нет? Зачем искали то, что не терялось?

Масса есть и других вопросов, не менее любопытных. Но чёрт с ними. Да и с вышеприведенными тоже. Вопрос номер один и вообще-то единственный для меня и многих других на сегодня – вопрос об экипаже. Когда наконец моряки вернуться к своим близким?

«Arctic Sea» и блогеры

Про ЖЖ и почему в связи с «Arctic Sea» блогеры мне стали омерзительны, хотя я и раньше был от них не в восторге.

Сообщество блогеров в Интернете, так называемый ЖЖ, считается продвинутым – ну просто по определению. Непродвинутые во дворе водку пьют и обсуждают футбол, продвинутые активно переживают за действительность в Интернете. Я ведь не могу пройти мимо всего, что говорится и пишется про эту историю, естественно, заглядываю и в блоги.

На первых местах либо простая фиксация очередных новостей, либо версии того, что случилось. Версий скоро будет больше, чем тонн в весе «Arctic Sea». Их авторы, как правило, упиваются холодным отточенным скальпелем своего могучего аналитического ума и пишут так, что можно подумать, будто они только что сошли с борта «Arctic Sea», а то и не сходили. Или строчат напрямик из бункера тех, кто затеял и провёл эту операцию, маскируясь и ежесекундно рискуя лишиться доступа в сеть.

Позвольте вам пояснить, почему я никаких версий не строю, паролей и явок с именами не называю. Потому, что версии надо строить, исходя из фактов. Столько фактов, собранных вместе, укладываются в ту или иную схему. Картинку. Сочинять, какие именно типы ракет или наркотиков там перевозились, козни ли это вечно виновного Запада или очередное падение в лужу России, – это значит именно сочинять. Можно построить одну версию, в деталях и с подробностями. Можно другую, десятую, сотую. Все они будут равно правдоподобны и столь же равно далеки от действительности. Добавилось фактов – картинка делается более приближенной. Еще факт – еще приближение. И так вплоть до истины, если наберется достаточное количество проверенных и неоспоримых фактов.

Против собственно версий я ничего не имею, это естественное свойство большинства из нас – строить версии. Просто кто-то тормозится на чем-то разумном, а кто-то готов уже сказать, что именно и как на мостике «Arctic Sea» происходило, настолько ему собственные измышления кажутся убедительными.

Теперь о мерзком. Есть просто маньяки, для которых, что ни случись, всё – чьи-то происки. У них суровые скупые слова и еще более скупые мысли. Я их никогда полностью не читаю – пара контрольных слов в их стряпне, и с меня довольно. А есть еще амёбы с активной гражданской позицией. Один из таких выскочил на первые места в блогах по «Arctic Sea», ухитрившись смешать в одну кучу историю

с судном, Эстонию и оскорбление его жены в роддоме. В том духе, что вот, значит, безобразия какие кругом творятся – капитан «Arctic Sea», оказывается, пытался выдать свое судно за корейское! Все теперь понятно. А вот Эстония вам – не признает, сдука, виновности своих типа граждан, так куда, спрашивается, смотреть наше правительство? А что в итоге? А в итоге мою жену, супругу нежную мою, облаяли в роддоме! Вот до чего доводят попустительство и распущенность.

По-своему шедевр, не находите?

Ну и прочие. Плюс, чуть не забыл, любители постебаться.

У всех у них, за крайне редкими исключениями, нет ни слова об экипаже – сочувствия, возмущения, поддержки. Ничего. Да вы что, ребята?

Давайте я вам опять начну объяснять, в чем дело. Вот моряки с «Arctic Sea» жили себе и работали. Их использовали, и они оказались в чёрной дыре чего-то совершенно непонятного. После стресса и опасностей они не дома – нет, они под следствием. А четверо тех, кто ведет сейчас «Arctic Sea» в Новороссийск, так до сих пор ни разу не смогли поговорить с родными!

Вы думаете, вы от чего-то подобного гарантированы? Ох, милые, грани-то почти и нет. В эту минуту ты белый и пушистый, а в следующую перешел не тому дорожку или подставили тебя, и ты в другом мире. И ты хочешь крикнуть, объяснить всю дикость происшедшего, всю чудовищность несправедливости, а в блогах тебе – версии, перепев чепухи или просто бред. И ни слова простой человеческой поддержки...

Прошу извинения у нормальных блогеров (людей) – они есть, но не они определяют общую атмосферу ЖЖ, к сожалению.

«Arctic Sea» всё ещё не отпускает

С конца прошлой недели и по сегодняшний день постоянно разговариваю с родственниками, люди возмущены и накаляются все больше. Суть вот в чем – постоянной обычной связи с моряками у них так и нет. С теми, кто находится в Москве. Связь односторонняя: моряки время от времени звонят домой и очень кратко говорят, чтобы не волновались, что у них все в порядке. Родственников такая связь почему-то не устраивает, им хочется полноценного нормального общения, тем более после того, что произошло. Но мало этого, с четырьмя моряками, которые остались на «Arctic Sea», связи как не было, так и нет. Родственники ни разу не смогли с ними поговорить. Но и этого опять же мало – родственники до конца не могут вычислить, кто именно остался на судне. Вроде понятно с капитаном, старшим механиком и боцманом, но непонятно со 2-м механиком.

Вот такое спасение. Напомню: освобожденные из плена сомалийских пиратов моряки тут же звонят домой и могут говорить с близкими хоть часами. Через несколько суток после освобождения они уже оказываются дома.

Мое мнение. Я могу понять интересы следствия и прочие, вплоть до государственных. Но не могу понять полнейшего небрежения людьми и их чувствами, если не сказать крепче. Более того, ведь в интересах того же следствия успокоить родственников и моряков, дав им возможность беспрепятственно общаться и объяснив, почему моряки требуются следствию и почему необходимо определенное молчание. Секретность только подогревает интерес к делу...

3.9.2009 20:34 | RUpr

ЗА ПРАВДУ О КОНТРАБАНДЕ НА «ARCTIC SEA» ПОСТРАДАЛ ЖУРНАЛИСТ: СНЯЛИ С РАБОТЫ, ВЫГНАЛИ ИЗ СТРАНЫ

Главному редактору российского журнала «Морской бюллетень – Совфрахт» позвонили «из органов» и велели убираться из страны. По мнению редактора, ему не простили истории с захватом сухогруза «Arctic Sea» на котором везли неконвенционное оружие и боеприпасы то ли в Венесуэлу, то ли в Иран, передает Infox.ru.

Об этом по телефону из Стамбула изданию сообщил сам Войтенко. «Два дня назад мне позвонил серьезный человек, который сказал, что, наверное, не стоит представляться и так все понятно», – рассказал журналист. Звонивший сказал, что Войтенко сам знает, кого он «уже достал», и дал понять, что речь идет о том, что 8 августа тот предал огласке захват сухогруза «Arctic Sea» в территориальных водах Швеции в Балтийском море.

Войтенко передал слова звонившего: «Михаил Дмитриевич, так и так, ты сделал главную гадость 8 августа, ты дал новость про «Arctic Sea». Все. К тебе нет претензий по поводу того, что ты говорил дальше... Наезжал на Рогозина... Митрофанова... Но ты поднял эту новость, это было крайне нежелательно».

«Те люди, которым ты этой новостью перешел дорогу, очень тобой недовольны. На тебя заведут дело. А мы другие люди, государственные. С нас уже скандалов с «Arctic Sea» выше крыши». Если сейчас, Михаил, тебя посадят, то это будет новый скандал, который нам на хрен не нужен», – продолжил цитировать Войтенко. По его словам, мужчина дал понять, что ему нечего делать в стране, употребив слово «вали». В противном случае звонивший обещал, что на журналиста заведут дело, а уж статью найдут.

Войтенко отметил, что твердо решил не писать заявление об угрозах, а действительно сразу «валить».

«Я спросил, сколько у меня есть времени, мне ответили, часы. Я взял билет на первый рейс и долетел до Стамбула», – рассказал Войтенко.

«Ни квартиры, ни семьи в Москве у меня нет, я бежал очень легко», – сказал он. Сам журналист не знает, что будет делать дальше, в Турции ему пока есть где жить.

Все произошедшее Войтенко связывает с тем, что на сухогрузе, по его мнению, везли то, что не должно было быть предано огласке. «Что там было конкретно, понятия не имею и, если честно, не хочу уже... Пошло оно в...», – резюмировал журналист.

При этом днем на сайте издания «Морской бюллетень – Совфрахт» появилось сообщение от якобы имени Михаила Войтенко. Не исключено, что его авторами стали те самые «государственные люди», больно уж в стиле саморазоблачений сталинско-путинских времен там все изложено.

«Последние несколько дней появляются публикации в СМИ, что главный редактор Войтенко М. находится в опасности, что ему приходится скрываться. Была информация, что я звонил в редакции и делал заявления. Я бы хотел сообщить всем, кому я не безразличен, что нахожусь в командировке в Стамбуле, готовлю несколько интересных репортажей. Недавно я обращался к СМИ по поводу экипажа «Arctic Sea» с просьбой оставить их в покое. Сообщаю, что в ближайшие 3–4 дня сайт возобновит нормальную работу», – говорится в сообщении, подписанном «Войтенко Михаил 03 сентября 13.00 мск».

Дальнейшие события подтверждают эту версию. Репрессии против Войтенко достигли своей новой драматической стадии – его уволили с работы.

Как гласит сообщение на сайте «Морской бюллетень – Совфрахт», опубликованное около двух часов тому назад, состоялся телефонный разговор генерального директора ОАО «Совфрахт» Пурима Д.Ю. и М.Д. Войтенко, «находящегося в командировке в Турции».

«В телефонном разговоре Михаил заявил о своей отставке с должности главного редактора «Морского Бюллетеня-Совфрахт» в связи с рядом противоречивых заявлений по поводу своего таинственного «исчезновения». Также он заявил, что ему надоело «всем врать». ОАО «Совфрахт» отставка принята»... Вот так вот. Всю вину за «противоречивые заявления» взял на себя.

Новость подписана пресс-центром группы-компаний «Совфрахт-Совмортранс».

Очевидно, этого человека хорошо запугали, раз он стал делать подобные унижительные вещи.

Напомним, что история с захватом сухогруза с российской командой всплыла 8 августа: тогда Войтенко сообщил журналистам, что у побережья шведского острова Оланд 24 июля на борт судна поднялись восемь мужчин в черных масках и жилетах с надписью police, вооруженных огнестрельным оружием. Люди, подошедшие к кораблю на надувной лодке, поднялись на борт и сказали на ломаном английском языке, что представляют отдел шведской полиции по борьбе с наркотиками. После этого они связали команду, избив нескольких членов экипажа, и обыскивали судно в течение 12 часов. Потом покинули борт, не забрав у экипажа ни денег, ни документов, и сухогруз последовал далее по своему маршруту.

Уже после этого на сообщение отреагировал Главный штаб ВМФ, передавший в связи с исчезновением судна оповещение на военные корабли, и за судьбой сухогруза стали следить российские и мировые СМИ.

Официальная росгосверсия дальнейших событий выглядит так:

«Судно вышло из финского порта Якобстад в алжирский порт Беджайя с грузом древесины. На борту находились 15 граждан России. Лишь 17 августа экипаж был освобожден усилиями матросов российского сторожевого корабля «Ладный». 20 августа 11 членов экипажа «Arctic Sea» были доставлены в Москву, остальные четверо остались на судне». 2 сентября со ссылкой на брюссельского блогера Dipsougiér URog сообщил о том, что после скандала с попыткой нелегальной продажи российского ядерного оружия Ирану и обнаружения западными спецслужбами соответствующего груза на борту судна «Arctic Sea» президент Израиля Шимон Перес лично посетил Дмитрия Медведева и представил ему имеющиеся у стран НАТО доказательства.

«Группа стран евроатлантического клуба наняла частных подрядчиков из частной фирмы типа «Black Water Worldwide» (ныне именуемая «Xe Services Worldwide») и его европейский филиал «Transworld Management Agency» для проведения негласного досмотра судна «Arctic Sea» на наличие на борту «Arctic Sea» оружия или его составляющих... Ребята представились русским морякам шведской морской полицией, обшмонали судно от мачты до киля, засняли на видео и фото интересующий Запад дополнительный к драмам груз и ушли восвояси», - сказано в сообщении.

Координировал операцию МОССАД.

Обыск судна длился 12 часов в территориальных водах Швеции.

«Этим жестом был дан четкий мессидж Кремлю, Путину и Медведеву вести себя в мировом сообществе скромно, не стремиться править миром – не по Сеньке шапка. Иными словами:

– Не пытайтесь нас водить за нос, ибо достанем даже на Балтике, даже если нужно – на выходе в нейтральные воды. Что в итоге и произошло.

Подкрепил эту версию Шимон Перес, посетив Дмитрия Медведева в Сочи в аккурат сразу же после так называемого освобождения «Arctic Sea» с просьбой не вооружать Иран», - отмечает блогер.

Перес привез снимки и видео Дмитрию Медведеву в Сочи в качестве «красной карточки».

При этом стоит учесть, что последний раз президент Израиля Россию посещал в 2001 году.

Напомним, что российские власти наотрез отказываются комментировать ситуацию с обнаружением неконвенционного оружия на борту «Arctic Sea».

На соответствующее экстренное закрытое заседание по «Arctic Sea» военного

комитета НАТО на уровне послов спецпредставитель РФ в Брюсселе Дмитрий Рогозин не явился. Вместо этого он поехал в бельгийский городок Тонгерен на международный аукцион антиквариата. Мало того, поставил свой автомобиль в неправильном месте. Когда к нему подошли бельгийские полицейские и попросили отъехать, в ответ дипломат обматерил стражей порядка.

Также вечером 25 августа состоялся телефонный разговор премьер-министра России Владимира Путина с президентом Израиля Шимоном Пересом. Согласно информации российского телеканала «Вести», инициатива проведения этой беседы принадлежала израильтянам.

Содержание беседы ни одна из сторон не раскрывает.

Аналогичные данные представил своим читателям «Time».

«Arctic Sea» был перехвачен Израилем. Он перевозил секретный груз с оружием на Ближний Восток, в частности, в Иран. Лишь транспортировка ракет могла бы объяснить странное поведение России в ходе этой продлившейся месяц саги, заявил ведущий эксперт по вопросу пиратства в Евросоюзе, адмирал Тармо Кьютс. Об этом сегодня утром сообщил RUPog со ссылкой на публикацию в «Time».

В июле сухогруз «Arctic Sea» с российским экипажем на борту исчез на своем пути из Финляндии в Алжир, после чего в прессе появились сообщения о первом случае пиратства в европейских водах за многие годы.

В свою очередь, эксперты и обозреватели предложили свои объяснения: судно было похищено из-за хозяйственного спора, его использовали для незаконной перевозки наркотиков или чего-то другого более ценного, чем официально зарегистрированный груз – древесина. Затем российский военно-морской флот обнаружил корабль, и предполагаемые похитители, появившиеся на борту судна 24 июля, были задержаны – им инкриминируют похищение людей и пиратство. Согласно окончательной версии российских властей, судно было перехвачено без единого выстрела, а обыск сухогруза показал, что ничего кроме древесины там нет.

«Однако некоторые моменты остались необъясненными, что дало возможность некоторым экспертам заявить о том, что правда куда более зловеща: «Arctic Sea», утверждают они, был перехвачен Израилем и перевозил секретный груз с оружием на Ближний Восток. Эту версию событий предложил, как сообщается, ведущий эксперт по вопросу пиратства в Евросоюзе и бывший командующий вооруженными силами Эстонии адмирал Тармо Кьютс», – сказано в сообщении.

Он заявил, что лишь транспортировка ракет могла бы объяснить странное поведение России в ходе этой продлившейся месяц саги. «Идея в том, что ракеты были на борту, и никак иначе эту ситуацию не объяснить, – считает он, – как моряк с многолетним стажем я могу сказать вам, что официальная версия нереалистична».

По словам Кьютса, наиболее вероятным объяснением представляется то, что Израиль перехватил судно. В то же время эта версия яростно отрицается представителем России в НАТО Дмитрием Рогозиным.

«Однако Москва делает мало для того, чтобы пролить свет на темные пятна этой истории. К примеру, почему из всех судов, среди которых были и те, что перевозили куда более ценные грузы, похитители выбрали именно «Arctic Sea» с малоценной древесиной? Почему корабль не передал сигнал бедствия? Почему президент Израиля Шимон Перес посетил Россию с неожиданным визитом на следующий после освобождения сухогруза день? Почему Россия так долго ждала с тем, чтобы направить свой флот на поиски «Arctic Sea»? И что, наконец, имел в виду Дмитрий Бартенев, брат одного из подозреваемых пиратов, заявивший по эстонскому телевидению 24 августа, что те, кого называют похитителями, «являются заложниками некой политической игры»?», – недоумевают авторы материала в уважаемом западном издании.

Остаются вопросы и в связи с освобождением сухогруза. Согласно приказу Кремля, министр обороны России Анатолий Сердюков отправил на поиски судна непропорционально превосходящие военно-морские силы, включая эсминцы и подлодки. У них ушло пять дней на поиски транспортного сухогруза, заявило военное ведомство первоначально, а потом оно же сообщило, что координаты корабля были

постоянно известны. Затем для транспортировки пиратов и экипажа в Москву россияне направили два огромных военно-транспортных самолета, а после их прибытия на родину члены экипажа также были задержаны на несколько дней для допроса и не имели контактов ни с прессой, ни с родственниками. По словам эксперта и редактора российского журнала «Совфрахт» Михаила Войтенко, европейские воды – одни из самых насыщенных силами полиции в мире. «Нельзя просто прятать там судно неделями без вмешательства правительства», – пояснил он. По его мнению, секретный груз мог быть размещен на сухогрузе еще во время его двухнедельного пребывания в Калининграде, где корабль проходил ремонтное обслуживание. Российский анклав известен как перевалочный пункт контрабанды.

«МОРСКОЙ БЮЛЛЕТЕНЬ – СОВФРАХТ»

Выпуск № 36

05.09.09 – 11.09.09¹

Уважаемые господа!

Примите наши извинения за то что вы не получали регулярно «Морской бюллетень – Совфрахт» уже три недели.

Сообщаем, что М.Войтенко с 4 сентября 2009 года уволен, с должности главного редактора «Морского бюллетеня – Совфрахт» по собственному желанию. Тем не менее редакция не исключает сотрудничество с ним, как с независимым экспертом также, как и с другими авторами.

Издание «Морской бюллетень – Совфрахт», продолжит дальнейшую работу, с некоторыми изменениями. Адрес сайта будет изменен на www.sovfracht.info. Информационно-аналитические бюллетени будут выходить еженедельно, по пятницам, что позволит более системно обрабатывать информацию. В планах редакции развитие ленты новостей, которые оказывают значительное влияние на рынок. Будут расширены аналитические обзоры, деловое приложение и конъюнктурные разделы планируется изменить так, чтобы они носили прикладной характер. Редакция выражает благодарность подписчикам за понимание и терпение. Всем подписчикам 2009 года при подписке на новый срок будет сделана 15% скидка. Спасибо,

Ваш «Морской бюллетень – Совфрахт»

Интервью Пурима Д.Ю. о Морском Бюллетене – Совфрахт

– *Дмитрий Юрьевич, на прошлой неделе была принята отставка главреда Морского Бюллетеня, ваш комментарий в связи с событиями, связанными с отставкой бывшего главреда Морского Бюллетеня «Совфрахт» якобы из-за ситуации с т/х «Arctic Sea».*

– Если существует какая то последовательность событий, то это не всегда, как говорится «post hoc, non est propter hoc», т.е. «после этого – не значит из-за того». Заявления бывшего редактора издания «Морской бюллетень – Совфрахт» в прессе о том, что его отъезд связан с историей вокруг Arctic Sea – это версия, поддержанная рядом СМИ, я ее не разделяю, потому что подтверждения факта угроз не имею.

– *Что будет с Морским Бюллетенем – Совфрахт?*

– Для «Совфрахта» этап работы с Войтенко пока снят с повестки дня. Скорее всего, развитие «Морского бюллетеня – Совфрахт» продолжится в соответствии с ранее согласованной концепцией: лента новостей будет дополнена аналитикой, которая интересна морскому сообществу. Он доступен по адресу www.sovfracht.info, зарегистрирован в Министерством печати как средство массовой информации. Все обязательства перед подписчиками будут исполнены. К сожалению последние 3 неде-

¹ Орфография подлинника. – Ред.

ли специальные информационно-аналитические выпуски издания к подписчикам не поступали, за что я приношу подписчикам свои извинения.

– *Новости и аналитика будут интересны СМИ?*

– Манера написания статей и заметок, более подходящая для личного блога главреда, поддерживаться не будет. Тяга к предположениям, сенсациям, и не подтвержденным фактам тоже будет исключена. В любом случае мы заинтересованы в проведении открытой политики при взаимодействии со СМИ с целью информирования о самом интересном, что с нашей точки зрения происходит в морской отрасли.

– *Тема пиратства, аварийности останется в фокусе внимания?*

– Несомненно, пока тема пиратства будет иметь значительное влияние на судоходство, оно будет в фокусе не только нашего информационного издания, но и многих других.

Беседу записала Н. Плоская.

ПО ПОВОДУ ГРУЗА НА БОРТУ «ARCTIC SEA»

8 сентября (Корр. News Ribbon Александр Рева). Пресс-служба СКП РФ сообщила сегодня, что Следственная группа Главного следственного управления Следственного комитета при прокуратуре Российской Федерации обнаружила на борту судна «Arctic Sea» в рамках расследования уголовного дела о похищении людей и пиратстве только древесину и пиломатериалы.

На данный момент сухогруз находится в открытом море. Представители Следственного комитета говорят, что работа следственной группы продлится еще несколько суток, более детальный осмотр корабля планируют провести в одном из портов по пути следования сухогруза в Россию.

Напомним, что в СМИ начали появляться сообщения, что на борту «Arctic Sea» перевозились запрещенные грузы, среди которых оружие для Ирана. Однако министр иностранных дел России Сергей Лавров уже опроверг эти данные.

NewsRibbon.

16 сентября

Бангкок

...Хотите верьте, хотите нет, но мне совершенно всё равно, кто именно что именно возил. Чем торговал и кому продавал. Ну узнаем мы, что это были особо привилегированные господа А и Б, ну и что? Мы удивимся? Если господа А и Б перестанут торговать тем, чем доторговались, то тут же появятся В и Г, и разница между ними – в росте, весе, цвете лица и галстука. Во всем остальном они близнецы-братья. Мало того, я не особо разбираюсь, кто там наверху есть, даже по фамилиям знаю с десяток лиц, не больше. Мне как-то все едино, матерых человечий я там не наблюдаю, так чего попусту память напрягать? Меня во всей этой истории интересуют и возмущают другие аспекты. Их, собственно, всего два.

Первый – отношение к людям, как к морякам, так и к судовладельцу. Россия оказалась втянутой в эту историю. Судно типа освободили. Вместо смены экипажа – всего – и немедленной доставки его на родину, в Архангельск, 11 человек везут в Москву, 4 оставляют на судне. 11 человек сидят в Москве неизвестно где неизвестно зачем (хотя, конечно, можно догадаться), без связи с родными, на положении чёрт знает кого. 4 оставшихся на судне осуществляют судовождение и ведут пароход неизвестно куда, неизвестно в каких условиях, также без связи с родными. Это как понимать? Они что, болванчики, пешки, крепостные какие? Тут на горизонте встаёт мрачно известное «государственные интересы» – собствен-

но, ничем иным всё это и не объяснишь. Как только прозвучало «государственные интересы», так всё: попадали все в грязь и жертвенно замерли. Интересы эти самые, они превыше всего. Чьи именно интересы? Государственный интерес, по большому счету, один: наши жизнь, честь, свобода, благосостояние. Это мы его, государства, граждане. Никаких других интересов у государства, по-моему, не может быть. Если у него есть другие более важные интересы, то это уже не государство. Это империя какая-нибудь, деспотия или просто бардак.

Повторяю, я не понимаю, что происходит. Вот Россия взяла и вырвала судно из лап кого-то там. Вроде – вернуть судно владельцу, и все дела. Нет, ситуация чем дальше, тем больше и стремительнее меняется на прямо противоположную. Одно дело, когда государство освобождает судно, кем-то захваченное, другое – когда оно его, это судно, без всяких объяснений (не считать же таковыми необходимость якобы каких-то следственных действий) удерживает и не возвращает. Причем это судно под иностранным флагом и принадлежит иностранному судовладельцу, имея на борту груз опять же иностранных граждан. И на борту остаются 4 члена экипажа на положении неизвестно кого. Не удивлюсь, если они до сих пор не имели связи с родственниками. Знаете, это удивительно мне напоминает то, что было совсем недавно – когда Arctic Sea находился в лапах похитителей.

Далее, действия государства, России. Сами действия. От поисков до заявлений в СМИ и дальнейшего. Эту ситуацию можно представить себе как некую учебно-боевую, по проверке готовности всех госслужб к проведению нештатной операции. Вот давайте к ним, к этим действиям, и присмотримся. Что в случае с «Arctic Sea»? Полнейшие, могу сказать, бардак и несогласованность. У меня сложилось впечатление, что российские власти бежали вдогонку за событиями, пытаясь на бегу что-то придумать. Чувствовалось отсутствие единого командования или, там, штаба, называйте как хотите. Кто в лес, кто по дрова. Одно ведомство говорит одно. Буквально через пару часов другое ведомство заявляет прямо противоположное.

Вдруг берут и выпускают на сцену моего любимца полпреда. Он ухитряется наговорить невероятно скособоченным языком такого, что даже полнейшим профанам и легковерам становится ясно – что-то там нечисто. Я понимаю, не для того он полпредничает, чтобы блистать дипломатическими талантами. Его задача – зачитывать агитки. Но, боже мой, в нештатной ситуации можно хоть немного профессионализма? Во-первых, нужна версия. Общая, единая, пусть сырая и необтесанная, но она должна быть. Во-вторых – элементарные консультации со специалистами, чтобы не резать слух некомпетентностью...

Но вот история вроде бы всё-таки подошла к концу. Хотя судно ведь всё ещё в районе Канар – когда его там дотащат до Мальты. Но будем надеяться, что основные зловключения позади, четверка «зимовщиков» на судне вернется наконец домой, а судовладелец получит назад свою собственность.

У меня вопросы к общественности. Или, вернее, предложение к размышлению. Что главное для вас в этой истории? Этот груз? Или то, как обращались с экипажем и судовладельцем и как всё «разруливали»? Что важнее персонально для вас? С учетом того, что каждый из вас в любой момент может оказаться в подобном положении. Знаете, можно, конечно, поохать и поахать и привычно написать – мол, пусть станет уроком, надемся, что впредь... Не проходит. Не станет и не надемся. Телега летит под гору, кони понесли, и кто всё это в состоянии остановить – не имею ни малейшего понятия.

О моем бегстве – повторяю, был мне звонок-предупреждение. Будь он только звонок и ничего более, с места бы, конечно, не сдвинулся. Но это была последняя капля. И вот результат, сижу в Бангкоке. И – пишу, относительно открыто и свободно. Вот оно, главное-то. В Москве или вообще бы уже ничего не писал, или писал бы, обдумывая каждое слово... Главной моей задачей было и остается – вести «Морской Бюллетень», заниматься новостями судоходства. Делать всё, что можно, чтобы помочь российскому и русскоговорящему судоходству. Потрясать устои – это не мое, неинтересно, да и ни к чему, сарай и так на ладан дышит. Надеюсь, удастся выжить и вновь встать на ноги.

«Arctic Sea» не возвращается владельцу – по какому праву?

14 сентября компания «Солчарт» опубликовала на своем сайте новость или письмо – это больше похоже на крик. Суть его в том, что судовладельцу так и не дали возможности подняться на борт своего собственного судна и далее его эксплуатировать. От владельца требуют оплаты всех издержек, не давая взамен никаких гарантий – когда же наконец судно будет ему возвращено. В письме «Солчарт» вообще есть очень любопытные пассажи – например, о точной инструкции следования по Москве. Надо думать, представителю компании категорически запретили где-либо показываться, чтобы избежать контактов с прессой.

В целом ситуация следующая. С 11 сентября компания никакой информацией о судне не располагает. Организовать доставку экипажа, снабжение судна бункером и прочими припасами компания не может – для этого ей необходимы гарантии от российской стороны, а та их не дает. Гарантии простые – где, наконец, когда и как компании вернут судно.

Кто владец судна, «Солчарт» или Россия? По какому праву владец лишен своей собственности? Понятно, что компания была замешана в перевозках чего-то, о чем мы до сих пор не знаем, но юридически, на мой взгляд, «Солчарт» ни в чем не виновен. Есть такое понятие: секретный фрахт. Это не значит, что компания занималась нелегальными, криминальными перевозками – нет, они были секретными, а это допустимо. Да, компания попала в переделку. Но за кого сейчас она страдает? Что вообще происходит и допустимо ли такое поведение в цивилизованном мире? Если Россия оказалась настолько замешанной в этой истории, что буквально удерживает судно силой в своих интересах, то, повторяю, при чем тут судовладелец? При чем тут его собственность?

Знаете, на мой взгляд, ситуация плавно перетекает из одного юридического определения в другое. Как квалифицировать удержание судна одной страной вопреки воле его владельца из другой страны, скажите на милость?

Мальта отказалась принимать «Arctic Sea» – и правильно сделала

Власти Мальты отказались лететь на Канары и принимать судно – и, по моему, правильно сделали. Им, видимо, надоели все эти игры, и они наконец-то решили проявить самостоятельность. Да и потом, что власти Мальты будут делать с судном без судовладельца? Взваливать на себя судно, груз, остатки экипажа? Не исключено, что Мальта вообще откажется его принимать. Судно в юрисдикции России? Ну и ведите его в Новороссийск.

С судовладельцем полной ясности нет, но, скорее всего, он находится в очень трудном финансовом положении. Не исключено, объявит абандон, то есть попросту откажется от судна – я банкрот, что хотите, то и делайте.

Очевидно, что если бы всё было так понятно и просто, как нам рассказывают, то экипаж полностью сменили бы в Кабо-Верде, и судно сейчас уже выгрузило бы древесину там, куда оно направлялось, и работало бы дальше. Не было никаких причин, во всяком случае исходя из версии захвата судна так называемыми пиратами, уже целый месяц таскать «Arctic Sea» по Атлантике и возить туда всякие группы наблюдателей и следователей. Вот и довозились. От «Arctic Sea» попросту отказываются.

Единственное, что в этой ситуации тревожит и даже бесит, – это те четверо моряков, которые остаются на судне. Когда они наконец доберутся до дома, опять неясно. Если Мальта, что не исключено, возьмет да и откажется принимать судно даже у себя на Мальте, то придется ведь тащить его в Новороссийск.

Да, блестящая операция, ничего не скажешь. Освободили. Между прочим, пока молчат (или, может, уже не молчат?) грузовладельцы. Отправители и получатели. Им все это, конечно, было крайне интересно, но еще интереснее для них вопрос их денег. Их груза. Кому предъявлять претензии? Судовладельцу? Он немедленно переведет стрелки на Россию, и будет прав.

19 сентября

«Arctic Sea» стал чумным

В том, что «Arctic Sea» не пускают в Лас-Пальмас, нет ничего странного. Дело, конечно, не в том, что судно кому-то там предоставляет угрозу с технической, морской точки зрения. Это не более чем отговорка. Как раз наоборот, и Евросоюз, и ИМО приняли специальные новые правила по предоставлению судам убежища, после истории с гибелью танкера «Эрика»: Испания выгнала аварийный танкер из своего порта в Бискайский залив, в котором бушевал сильнейший шторм, и в результате получила одну из крупнейших в Европе экокатастроф.

Так что дело не в техническом состоянии «Arctic Sea», а просто в том, что никто не хочет в эту историю ввязываться, настолько она сомнительна, если не сказать больше.

Судьбу «Arctic Sea» в ближайшие дни, следовательно, будут определять два фактора. Первый – судовладелец. Он должен объявиться и, как и подобает судовладельцу, взять ответственность на себя – а именно: приемка судна, оплата всех расходов, смена экипажа, технический осмотр (сюрвей), необходимые ремонтные работы, снабжение топливом и припасами и дальнейшая эксплуатация. Для неплавающих: морское судно – это вам не брошенные за углом «Жигули», это серьезный аппарат, требующий специалистов и денег. Просто так его никому не спихнешь, не бросишь ключи от машины новому владельцу, облегченно вздохнув. Что, на мой взгляд, как раз и пытается сейчас сделать Россия. Это вопросы собственности и техэксплуатации, а последняя далеко не дешёва.

Второй – страна, которая согласится принять «Arctic Sea». Без судовладельца, похоже, желающих будет мало, да и с судовладельцем-то никто не пылает энтузиазмом. Всё хорошо в меру. Меру давно уже исчерпали. Все эти таинственность, сплетни, слухи, скандалы, сенсации и спекуляции привели к тому, что власти стран, могущих принять «Arctic Sea», смотрят на судно как на чумное.

Если судовладелец отказывается, скорее всего, выход будет только один – тащить судно в Новороссийск или, если удастся, в любой согласный принять его порт по пути. Но отказ судовладельца – это куча проблем.

Теперь о возмутительном. СКП, как известно, опровергает заявление профсоюза о том, что четверка моряков на борту «Arctic Sea» удерживается насильно. Следует понимать, что всё это время люди сидят на судне совершенно добровольно, домой не хотят, и что в общем всё совершенно нормально. Не удивлюсь, если эта четверка до сих пор не связывалась с родными, и родным говорят: не волнуйтесь, они там поправились, загорели и шлют вам привет. Знаете, вот это заявление СКП стало для меня еще одним физическим фактом, наряду с фактами нападения, захвата, исчезновения, поисков и так далее. Что он означает? Что допустимо всё – для тех, кто пытается «разрулить» эту историю. А? Плохи наши дела, господа.

21 сентября

Будем надеяться, заметка соответствует действительности

На сайте «Комсомольской правды» появилась заметка о том, что, оказывается, судовладелец никуда не терялся, от судна не отказывался, и «Arctic Sea», возможно, был бы уже в Лас-Пальмасе, да только помешала лень испанцев: контора капитана порта в выходные закрывается на лопату и все разбегаются отдыхать. Очень хорошо, если судовладелец нашелся и делает всё, чтобы принять судно и отпустить наконец домой четверку архангелогородцев. Конечно, остальное зависит от властей Испании. Очень может быть, что они просто не хотят пускать судно к себе, с судовладельцем или без. Не хотят прикасаться к этому скандалу. С другой стороны, судно ведь находится практически в аварийном состоянии. Нет топлива и припасов, необходим ремонт – впрочем, тут мы можем только гадать. Тем не менее, будь все нормально, без скандалов и борьбы с пиратами, «Arctic Sea», естественно, в порт бы пустили, даже если судно на ходу. Ведь не могут 4 человека вести судно – это, помимо прочего, нарушение правил и требований безопасности мореплавания. Будем надеяться, что Испания разрешит заход.

Помнится, еще в пятницу вечером судовладелец говорил обратное – вернее, не говорил ничего вразумительного, если судить по заметкам в СМИ. И вот на выходных с ним происходит чудесная перемена. Слава богу, конечно, но очень похоже, что с судовладельцем немного поработали. Потому что без него, в случае его отказа, ситуация становилась настолько тупиковой, что оставалось только руками разводиться. Кто примет судно без судовладельца? Что с ним дальше делать – ведь просто так его не продашь, нужны какие-то юридические основания. Что делать с грузом? Излечить всю эту страшную головную боль российских властей может только одно лицо – судовладелец.

22 сентября

Не видно ни конца ни края

На сайте компании «Солчарт», фактического владельца судна, опубликована очередная новость по ситуации с «Arctic Sea», и новость эта, прямо скажем, невеселая. Невеселая для четверых моряков на борту судна и их родственников.

Компания выставила условия приемки судна у российских властей, и я, честно сказать, не знаю, способны ли будут российские власти выполнить эти условия. Но и назвать их несправедливыми никак нельзя – «Солчарт» просто-напросто называет вещи своими именами и требует от России исправить то, что она, можно сказать, натворила. Компания подтверждает то, о чем я писал, – невозможность захода «Arctic Sea» в Лас-Пальмас до тех пор, пока на его борту будут вооруженные люди, к какой бы там они службе ни принадлежали.

Среди условий «Солчарт»:

возвращение судна в том техническом состоянии, в котором оно находилось на момент злополучного «освобождения», или выплата компенсации за ущерб, который оно понесло;

отсутствие финансовых обязательств перед третьими лицами – читай, грузовладельцами. Они видимо, уже подали соответствующие иски;

покрытие «Солчарту» тех убытков, которые компания понесла вследствие вынужденного вывода судна из эксплуатации.

Собственно говоря, что тут скажешь? Только одно – когда затевали всю эту «освободительную» операцию, то, видимо, не отдавали себе отчета в том, к чему это может привести, не нашлось экспертов или желания с ними проконсультироваться.

Если судовладелец будет стоять на своем, то одному богу известно, когда и чем эта история закончится. Судовладелец пошел на принцип, и с ним трудно не согласиться. Ему ведь отдуваться за «следственные мероприятия» СКП. Ему и тем четверым морякам, которые продолжают томиться на судне. И знаете, судя по сообщению «Солчарт», эта четверка до сих пор (!) не имела связи ни с компанией, ни с родными. Ну как это назвать? «Россия и впредь будет защищать своих граждан всеми силами», что-то в таком духе. Знаете, смотришь на эту историю, и как-то не хочется, чтобы всеми силами тебя защищали.

Отрывок из публикации компании «Солчарт» (<http://www.solchart.fi/>):

2. Во всей саге с судном мы благодарны за то, что 11 членов экипажа остались живы, и очень надеемся на то, что оставленные на борту судна капитан и 3 члена команды также живы и до сих пор здоровы. У нас нет никакой связи с ними. Эти люди в течение почти 2 месяцев находятся в полной изоляции от внешнего мира. Мы можем догадываться, в каком состоянии находятся родные и близкие этих людей.

Почему до сих пор их лишают возможности общения?

3. По нашей достоверной информации, до сих пор на борту судна находятся военные моряки РФ. Почему?

Остается ли до сих пор какая то опасность, требующая присутствия на борту военных? Если да, то что это за опасность?

Комментарий:

наличие на борту коммерческого судна представителей вооруженных сил переводит его в статус военного. И как следствие, требует совершенно других условий захода судна в порт другого государства – а именно, требует согласования между министерствами иностранных дел обоих государств.

Возможно ли то, что, оставляя военных на борту судна, российские власти не знали об этом?

Если же солдаты были оставлены на борту для обеспечения жизнедеятельности судна и для выполнения функциональных обязанностей убитых 11 членов экипажа, то это также является грубейшим нарушением морских законодательных актов...

«Arctic Sea» опять не пускают в Лас-Пальмас

История с «Arctic Sea» продолжается, удивляя нас всё новыми поворотами. Причина, по которой власти Испании отказывают «Arctic Sea» в заходе в Лас-Пальмас, понятна и очевидна – на борту находятся вооруженные военные люди. С этим делом, допуском в порт судов с кем-то вооруженным на борту, и так-то большие проблемы, а уж в случае с «Arctic Sea» тем более. Власти Испании не горят желанием пускать судно, а тут очень убедительный предлог. Вопрос – зачем нужны военные? Если положиться на официальную версию российских властей и, замутившись, шептать самому себе «верю!», то даже в этом случае всё, вроде, с судна смели. Все, так сказать, вещественные доказательства. Зачем вооруженные люди? Не затем ли, чтобы воспрепятствовать проникновению на судно журналистов, которые, понятное дело, начнут брать его штурмом, и самое главное – воспрепятствовать контактам четверых моряков «Arctic Sea» с прессой? Разумеется, с моряками провели необходимую работу, но кто его знает. Человек, он тем и человек, что непредсказуем. Опять, значит, «Arctic Sea» и четверо на его борту в тупике? Ну что ж, ждем.

23 сентября

Про микробы на борту

Я или чего-то не понимаю в этой жизни, или у меня действительно, как заявил наш великолепный полпред, белая горячка. Четыре моряка (напоминаю – это капитан, старший и 2-й механик и боцман) сидят на «Arctic Sea», и когда их сидение кончится, неизвестно. Судя по заявлению «Солчарт», владельца судна, эти четверо так до сих пор и не имели связи ни с родственниками, ни с компанией. Господа, что творится, задайтесь вопросом. Почему все молчат?

Компания «Солчарт» выставила российским властям жесткие, но справедливые требования, только при условии их выполнения она согласна принять судно. В настоящее время «Arctic Sea» находится в юрисдикции России, и без участия судовладельца, без его согласия принять судно, российским властям не останется ничего другого, кроме как вести судно в российский порт. Какой дурак согласится пустить в свой порт скандальное судно с вооруженными людьми на борту, притом что судовладелец от него отказывается?

Наверное, можно снять этих вооруженных людей и просто бросить «Arctic Sea» в океане – пусть четверка на борту выгребает как хочет. Дает сигнал «SOS», садится в шлюпку и покидает очевидно аварийный пароход. Вроде бы выход – ан нет. Чего-то кто-то опасается, иначе зачем там сидят вооруженные люди, какой в этом смысл?

Мне кажется, российским властям надо, чтобы судовладелец принял судно, а четверку без шума и контактов с прессой быстренько доставили домой.

У судовладельца сейчас достаточно уверенная позиция – если, конечно, отвлечься от его очевидной причастности к этой истории изначально. От всех претензий к себе со стороны грузовладельцев и, возможно, иных сторон (предположим, у судна уже был фрахт на следующий рейс) судовладелец, мне кажется, в настоящее время с легкостью сможет отказаться, любой морской суд встанет на его сторону. Более того, если он будет твердо стоять на своем, а российские власти не удовлетворят его требования, то он может и страховку получить. Расходов

по «Arctic Sea» он сейчас никаких не несет. Кредиторов (это, как минимум, грузовладелец) он может с легкостью послать подальше, к российским властям. Если кто-то забыл, то осмелюсь напомнить, что груз стоит около двух миллионов долларов – не совсем чтобы безделица.

Ситуация стала патовой. Российским властям крайне желательно поскорее закончить эту историю, чтобы не подогреть к ней интереса и далее. Каждый лишний день болтания «Arctic Sea» в Атлантике не только сохраняет этот интерес, но и чреват новым скандалом. Но удовлетворять требования судовладельца – значит нести определенные расходы, исчисляемые, возможно, сотнями тысяч долларов. Кто будет платить? ВМФ, СКП, правительство? Каким образом, на каких основаниях?

Что делать российским властям? Не знаю. Затрудняюсь даже и предположить. Просто так его бросить – это и скандал, и финансовые претензии в дальнейшем, и, повторяю, очевидное нежелание оставить четверых моряков за границей без присмотра и контроля.

А теперь о главном, о четверых моряках. Если их в чем-то подозревают, то почему им доверяют управление судном? Если они «освобожденные», то что это за освобождение такое? В сталинские времена так освобождали советских военнопленных – из одного концлагеря в другой. Все кругом замолчали. Или по привычке копаются в самом скандале, гадая, что же там было, или просто уже махнули рукой.

Господа! Сегодня они, а завтра на их месте можете оказаться и вы. Волнуясь о их судьбе, требуя их возвращения домой, вы тем самым заботитесь и о себе. Властям, увы, надо постоянно напоминать, что мы, те, кто внизу, – люди. Не разменная монета, не сволочь безродная, а граждане. Что самое важное у государства – это мы. И что так обращаться с людьми нельзя.

Уважаемые СМИ! Не бросайте это дело, четверку ведь надо вытаскивать. Не кормите самих себя байками от всяких аналитиков вроде национального стратега Белковского. Он недавно опять сверкнул могучим интеллектом, заявив авторитетно, что история «Arctic Sea» – это либо контрабанда, либо похищение судна судовладельцем у самого себя (!). И вернулся на свои горные выси – рассуждать про взаимоотношения между президентом и премьером и про судьбы народов и государств. Ему не до микробов, не до моряков на «Arctic Sea». И если мы успокоимся, то, значит, и дальше нас будут, как разменную мелочь, сбрасывать со счетов.

Ждем, что будет дальше, и – не забываем. Не молчим.

24 сентября

Дело не в портовых сборах

Вокруг нынешней ситуации с «Arctic Sea» слишком много, на мой взгляд, путаницы и непонимания. Вот все СМИ захлеб пишут о портовых сборах, кому их платить. Да портовые сборы в данном случае – копейки! Не за них бьется судовладелец. Он требует возместить все убытки. В том числе претензии от грузовладельцев. В том числе упущенный из-за задержания судна российскими властями фрахт. В том числе неизбежные поломки на судне, его ухудшившееся техническое состояние. Если судовладелец сейчас возьмет и примет судно, он автоматически повесит на себя все расходы. А грузовладельцы, например, могут предъявить иски

по нескольким пунктам, от несвоевременной доставки груза до так называемых рыночных убытков – если, предположим, стоимость леса на алжирском рынке за эти месяцы упала. «Солчарт» – небольшая компания, у которой всего 6 практически однотипных судов. В кризисные времена неприятности с одним только судном могут поставить такую компанию на грань банкротства. Пока «Arctic Sea» у российских военных, «Солчарт» не только не несет расходы по судну, но и может успешно отбиться от любого иска.

В общем, либо российские власти «убедят» «Солчарт» принять судно, либо эта история затянется надолго. Потому что даже если вдруг решат выплатить компании компенсацию, то и тут возникнут проблемы – как ее провести по бумагам, какой государственной организации платить? Вот в чем тут дело, а не в портовых сборах.

Со всем прочим тоже сплошная неразбериха. То профсоюзы говорят, что четверка моряков на борту «Arctic Sea» так ни с кем и не связывалась. То говорят, что связывалась, но у них опять отобрали телефоны. То испанские власти не пускают судно из-за присутствия на его борту вооруженных военных. То вдруг не пускают из-за каких-то разногласий с Мальтой, хотя она тут вообще пятое колесо. А сейчас «КП» написала, что беднягу «Arctic Sea» погнали куда-то дальше на север – не исключено, решили завести судно в Средиземное море и разбираться уже там. Судовладелец опять не знает, куда и зачем ведут судно. Мне хочется перейти на маты, обычный русский язык, по-моему, уже не в силах описать весь этот бардак и произвол.

Довели!

В международный профсоюз моряков (ITF), в международную организацию красный крест, в правительство стран России, Испании, Мальты, Финляндии от жен членов экипажа сухогруза «Arctic Sea» Зарецкой Е.Г., Шумик В.Б., Кузнецовой И.В., Воловой Л.А.

Открытое письмо²

Мы, жены четверых моряков теплохода «Arctic Sea», обращаемся ко всем международным организациям: в международный профсоюз моряков (ITF), в международную организацию красный крест, в правительство стран России, Испании, Мальты, Финляндии с криком о помощи.

Сегодня 24 сентября 2009 г. Ровно 2 месяца с момента захвата сухогруза «Arctic Sea» пиратами. 17 августа моряки были освобождены силами ВМФ России. Четыре человека: капитан, старший механик, 2 механик и боцман были оставлены на судне для «поддержания его жизнедеятельности». В течение 10 дней наши мужья ждали на судне приезда следственной группы Генеральной прокуратуры России для проведения следственных мероприятий. Телефонной связи с мужьями не было. Следственная группа работала на судне, по нашим сведениям, 10 дней. Результат – запрещенного груза на сухогрузе нет, только пиломатериалы. Моряки ни в чем не обвиняются, они находятся в статусе потерпевших. 19 сентября следственная группа уехала, связь с судном прекратилась. До этого наши мужья звонили нам примерно 4 раза, продолжительность разговора 1 – 1,5 минуты. С 18.09.09 связи нет.

² Орфография подлинника. – Ред.

Из разговора с мужьями мы узнали, что все они находятся в плохом физическом состоянии: у капитана уже месяц болит правая рука, старший механик жалуется на головные боли, второй механик и боцман страдают болями в спине. Запас воды на судне мал: вода подается холодная по 10 минут в сутки, питание скудное. Все моряки находятся в стрессовом состоянии: один месяц плена плюс последующий месяц полной информационной изоляции от мира сказывается на их нервной системе.

Прошло 2 месяца. Но ни Россия, ни Мальта, ни Финляндия, ни Испания не взяли на себя ответственность за то, чтобы быстрее поставить судно к берегу и в первую очередь освободить моряков, предоставив им замену (сменный экипаж готов лететь в любую минуту) и вернуть их домой. Если они потерпевшие, они должны находиться дома под наблюдением врачей или в больнице. Нам говорят, что наших мужей никто не удерживает насильно. Но как могут граждане России добровольно покинуть судно, не имея при себе паспортов (их уничтожили захватчики) и визовых документов! Конвенцию ООН по морскому праву от 1982 года моряки-северяне с тридцатилетним стажем знают отлично, согласно ей, они не имеют права покинуть судно в данной конкретной ситуации. Непонятно только почему почти 2 месяца наши моряки – гражданские лица – должны поддерживать «жизнедеятельность судна» и находящиеся на нем «дрова» бесплатно?!

А теперь о нас. Наши семьи 2 месяца буквально лихорадит: месяц мы молили Бога о спасении моряков, второй месяц ждем разрешения ситуации. Всё это время мы, женщины, серьезно бодем:

жена капитана – 2 недели находилась на больничном у невролога в дневном стационаре, на капельницах;

жена боцмана – 3 недели на дневном стационаре с гипертоническим кризом;

жена второго механика – обострение язвенной болезни, находится на больничном до сих пор;

жена старшего механика – нуждается в плановой операции, вынуждена отказаться от нее до возвращения мужа.

Ситуация зашла в тупик. Мы очень долго ждали её разрешения: обращались к судовладельцу, в государственные органы. Неравнодушен к проблеме остался только северный региональный профсоюз моряков. Мы, четыре отчаявшиеся женщины и наши дети, просим все компетентные организации, призванные защищать права человека, помочь нашим семьям немедленно вернуть домой наших ни в чем не повинных мужей.

Мы, с уважением,

жена капитана Зарецкая Елена Геннадьевна,
жена второго механика Кузнецова Ирина Валентиновна,
жена старшего механика Шумик Виктория Борисовна,
жена боцмана Волова Лидия Александровна.

Россия, Архангельск. 24.09.09

25 сентября Новые загадки

«Arctic Sea» преподносит нам все новые загадки. Дотошные британцы – сотрудники одного из ведущих мировых морских периодических изданий выяснили, что в течение последних 4 лет «Arctic Sea» регулярно пропадал из поля зрения систем отслеживания судов AIS (автоматической идентификации судна), как только проходил Гибралтар и заходил в Средиземное море. Так, в этом году сигнал «Arctic Sea» пропадал в период с 1 по 11 апреля. Судно прошло Гибралтаром –

сигнал исчез. Судно возвращается из Средиземного моря – сигнал, по выходе из Гибралтара, вновь появляется. В прошлом году «Arctic Sea» исчез в период с 13 февраля по 4 марта. В 2007-м сигнала AIS самого на сегодня загадочного судна мирового грузового флота не было в период с 26 апреля по 14 мая. Во всех этих рейсах «Arctic Sea» грузился пиломатериалами в финских портах Ловииса и Котка и в Таллине, Эстония.

Выяснилось, что «Arctic Sea» регулярно заходил в алжирские порты Беджайя и Оран, и вроде бы заходов в этот период времени в порты других стран Северной Африки не было.

Но англичане решили идти до конца и проверить всё что можно. Начали терзать судовладельца, звонить в офисы компании. Архангельский офис отвечать на этот вопрос не стал – сказал, чтобы обращались в головной офис в Хельсинки. В Хельсинки один из сотрудников переправил надоедливых британцев к главе «Солчарта». Тому задали на чистейшем британском вопрос, повторив его дважды: «Заходил ли «Arctic Sea» в другие порты Северной Африки, кроме алжирских, и если да, то в какие?» Глава «Солчарта» ничего не ответил и бросил трубку.

Вот такие загадки плавают взад-вперед у нас под носом, а мы и не знаем. Интересно, только ли «Arctic Sea» у нас такой таинственный или есть и другие? Думаю, рано или поздно мы про них узнаем. Уж больно всё топорно.

26 сентября

Про газету «Морские вести России», профессиональные круги и авантюристов с проходимцами

Господа!

На большую часть всякой грязи, которую на меня вылили и продолжают лить, я стараюсь не обращать внимания, у меня все-таки есть проблемы поважнее. Выжить, например. Но, знаете, время от времени цепляет за живое, – тем более когда помой льются не откуда-нибудь, а, ни мало ни много, из «профессиональных кругов». Открываю свой пресс-портрет на Яндексe и читаю: Михаил Войтенко – бывший моряк, в профессиональной среде обладающий неоднозначной репутацией, его называют авантюристом...

Я сразу предположил, откуда пованивает, но решил уточнить. Связался с некоторыми СМИ, покопался в Интернете. Вот, читайте ниже. Комментарии судьи Международного Трибунала ООН по морскому праву Анатолия Лазаревича Колодкина радиостанции «Бизнес-ФМ» и комментарий главного редактора газеты «Морские вести России» Анатолия Ивановича Кузнецова «Комсомольской правде».

Комментарии судьи Международного Трибунала ООН по морскому праву Анатолия Колодкина:

Я знаю Войтенко, мы познакомились во время телепередачи. Есть такой Иванов Анатолий Иванович, главред газеты «Морские Вести», где я недавно опубликовал статью «Пиратство». Он говорил о том, что он его выгнал из газеты как авантюриста и проходимца. Но, говорит, вы Анатолий Лазаревич, еще его узнаете, он еще себя проявит. Вот все, что я могу сказать вам о Войтенко, вы делайте выводы сами.

(<http://radio.bfm.ru/node/28064>)

«Комсомольская правда»:

– По сути, «Совфрахт» оказался сейчас в такой же ситуации, в какой побывал я в свое время, – рассказал «КП» главный редактор газеты «Морские вести России» Анатолий Кузнецов. – Войтенко мы взяли в конце 2003-го – начале 2004-го. Он стал вести наш сайт. Но, оказалось, у него был и собственный сайт. Получилось так, что он работал на себя, прикрываясь именем нашей газеты. Точно так же он поступил и с «Совфрахтом». Там уже Войтенко развернулся. Немного соображая в морском деле и зная английский, можно ходить по сайтам мировых морских агентств. И выдавать все со знанием дела, приправляя своей отсебятиной. Слушать смешно, но людей, разбирающихся в этой специфике, в прессе почти нет. Вот и верили ему. Это была такая сорока, которая болталась на ветке и комментировала все, что видела. Он все годы работы у нас приходил только в день зарплаты. Работал на дому. Вроде улыбчивый парень, вежливый. Я его спрашивал об отношении к алкоголю – говорил, совсем не пьет.

– Что же с «Arctic Sea»?

– Вся путаница и возникла из-за этого балабола. Хотя это простейший захват судна, которое надо было увести, переокрасить, перебить номера, дать новое название и работать на нем где-нибудь в Малайзии. Да, это новая фаза пиратства – не ради выкупа, а ради самого судна. В истории такое случалось.

(<http://news.yandex.ru/yandsearch?cl4url=www%2Eregnum%2Eru%2Fnews%2F1203609%2Ehtml>)

Сначала о Колодкине Анатолии Лазаревиче. Ну ведь не просто так он взял меня и облил. Начал вспоминать, где и чем я его мог обидеть. Вспомнил – было. Пару-тройку раз критиковал его мнения по тем или иным вопросам. Естественно, не предполагая в нем ни авантюриста, ни проходимца. Анатолий Лазаревич уже старый человек, но реакцию, как видим, сохранил молодую. Не нравится мэтру критика, какой бы она ни была. Ну что ж, был у меня знакомый человек Анатолий Лазаревич Колодкин, а теперь нету. Ни знакомого, ни человека. Одна визитка с регалиями и званиями – да и ту выброшу.

А теперь о профессионализме Кузнецова Анатолия Ивановича как главного рупора российского судоходства. И кое о чем другом.

Анатолий Иванович возник на горизонте российского судоходства в не совсем чтобы далеком 1996 году. Он пришел в российское судоходство, чтобы помочь ему справиться с проблемами и трудностями печатным словом и профессиональными знаниями, не с капитанского мостика и не из диспетчерской порта. У Анатолия Ивановича журналистское образование и журналистский же опыт. Всю жизнь со страниц (не очень правда, заметных) изданий он нес нам правду и справедливость. Как он появился в судоходстве, каким образом учредитель газеты «Морские вести России», призванной по одному только названию стать рупором судоходства, назначил на должность главного редактора именно его, я не знаю. И знать не хочу, и без того тошно. Но вот – стал. Насколько газета «Морские вести России» действительно стала рупором, рвут ли ее из рук и зачитывают ли до дыр, судить вам. Вроде бы не рвут и не зачитывают. С другой стороны, какие наши годы, как говорится. Не прошло и 13 лет, как Анатолий Иванович уже дает интервью «Комсомольской правде». Так что все еще впереди.

В последнее время Анатолий Иванович резко усилил активность и пытается подмять под себя все российские морские СМИ. Распахать новые нивы. Видимо, урожай со старой грядки не хватает. А ведь всем, кто имел дела с Анатолием

Ивановичем, известна его не совсем здоровая жадность. Не знаю, как сейчас, но раньше он предпочитал почти всей своей редакции платить черной наличностью. Без всяких там бюрократических формальностей вроде соцпакетов. Точно так же любил он (опять же не не знаю, как сейчас) брать за размещение рекламы наличностью, тоже без особых чтобы заморочек и ненужных бумаг.

Есть у Анатолия Ивановича и другие милые черточки. Всех, кого он считает рангом или статусом ниже себя, он зовет на «ты». Всех, кто рангом повыше или от кого зависят он или его доходы, он уважительно зовет на «вы». Мне, проходимцу и авантюристу, он тыкал до последней нашей с ним встречи, а я его всегда называл на «вы». Если завтра вдруг грянет чудо, на Красной площади вымахают пальмы, а меня назначат каким-нибудь руководителем по морской части, будьте уверены – Анатолий Иванович уважительно обратится ко мне на «вы» и предложит забыть старое.

Напоследок хочу обратиться к Анатолию Ивановичу с дружеским советом, впервые позволив себе обратиться к нему, как и он ко мне, на «ты». Хлопнуть его по плечу, зажмурившись от собственной наглости. Анатолий Иванович, рупор ты наш, я не сомневаюсь, что в автомобилях ты разбираешься. Какой уважающий себя делец на российских просторах в них не разбирается? Чтобы угнать авто, наверное, достаточно его перекрасить и перебить номера, тебе виднее. Я, Анатолий Иванович, в автомобилях не разбираюсь, езжу исключительно на пассажирском месте, и на том мое их знание заканчивается. Но в судах, как ты презрительно и верно бросил, немного разбираюсь. Спроси какого-нибудь моряка, и если он захочет с тобой разговаривать, то объяснит, где там на судне номера, как их перебивать и какое это простейшее дело – захват судна в Балтийском море для работы на нем где-нибудь в Малайзии. Ты совершенно справедливо заявил в своем интервью – слушать смешно!

P. S. На сайте публиковать не буду. Не знаю, почему, но почему-то противно.

3 октября

Хватит, наконец, передергивать!

Опять с «Arctic Sea» и «Солчартом» начались передергивания. Опять в качестве объяснения нежеланию компании принять судно «как есть» от российских властей предлагаются какие-то анекдоты. Ряд СМИ уже опубликовал новости, свидетельствующие только об одном – «Солчарт» по-прежнему не намерен принимать судно, хотя некоторые из этих СМИ совсем недавно сообщали о готовности судовладельца принять судно как о факте. Я не раз и не два объяснял причины, по которым «Солчарт» не желает принимать судно. Да чего я – компания сама про них на своем сайте подробно и профессионально написала. Так почему же СМИ упорно идут на поводу заявлений властей и объясняют отказ владельца от судна причинами одна смешней другой? Вот вам последний, самый, я бы сказал, бойкий образец от «Комсомольской правды»:

Хозяева отказываются от «Arctic Sea»?

Сергей СЕМУШКИН – 03.10.2009

Напомним, что полная загадок история «Arctic Sea» началась в конце июля. Тогда сухогруз с древесиной и 15 россиянами на борту, плывший из Финляндии в Алжир, был

захвачен пиратами, а в середине августа освобожден от них сторожевиком «Ладный». Видимо, участие боевого корабля в операции и породило гипотезы о том, что на самом деле сухогруз тайно перевозил оружие. Версия жива до сих пор, хотя следователи СКП после тщательного досмотра судна опровергли эти заявления.

А вчера представитель СКП Владимир Маркин заявил, что судовладелец («Arctic Sea» ходил под флагом Мальты) отказывается принимать корабль до тех пор, пока... он не будет отремонтирован! Но при чем здесь наши моряки, правда, не совсем понятно: по кораблю не было сделано ни одного выстрела. А навигационное оборудование, которое сейчас неисправно, поломали еще пираты. В общем, что делать с сухогрузом, снова не знает никто...

(<http://www.kp.ru/daily/24371/554005/>)

Когда речь шла о захвате судна в Лас-Пальмас, напомню, все или почти все СМИ дружно уперлись в портовые сборы – мол, владелец не желает их платить. На этот раз вместо портовых сборов выплыла поврежденная навигационная аппаратура. Господа, да вы издеваетесь, что ли? Не о навигационной аппаратуре речь, а об убытках за все время нахождения судна в руках российских военных. Почитайте новость на ленте сайта ниже – у «Солчарт» новая беда, попало в серьезную аварию другое судно компании, «Arctic Sky». Компания если и не на грани банкротства, то уж точно в тяжелом положении. А ей предлагают принять судно, за которым висят огромные хвосты долгов, и с каждым днем они растут. Не могу сказать, что я сочувствую компании «Солчарт», нет. Не надо путаться с сатаной – всё равно будешь в проигрыше. Но надо же быть объективными. Российские власти хотят поскорее замять эту историю, а «Солчарт» хочет выжить. Ведь российские власти, по сути, пытаются избавиться от «Arctic Sea» именно за счет «Солчарт», и речь там, повторяю, идет вовсе не о поврежденном навигационном оборудовании.

Ну а уж ссылки на СКП как на истину в последней инстанции – это вообще из области... не знаю... черепно-мозговой хирургии, если такая есть. Для меня лично отношение к СКП определилось его заявлением касательно четверых моряков, по-прежнему томящихся на борту «Arctic Sea». Помните или напомнить? Насчет того, что они, мол, сидят на судне добровольно, и никто их ни в чем не ограничивает. В связи с родными тоже. И если сейчас СКП вдруг скажет, что в Москве испортилась погода и пошел дождь, я начну это его заявление проверять, а если оно окажется правдой – гадать, с какой стати СКП ее сказал. Ещё и ещё раз повторю: нельзя так относиться к людям, к своим гражданам!

7 октября
Ждём

«Arctic Sea», судя по последним сообщениям средств массовой информации, лежит в дрейфе в Средиземном море, в юго-западной его части, поближе к Алжиру и Марокко, и в очередной раз дожидается решения своей участи. Удастся или нет завести его в Беджайю? Вопрос по-прежнему открыт, и не исключено, что в Алжир зачумленное скандалами судно все-таки не пустят. Владелец, похоже, продолжает настаивать на своем, требуя компенсации за убытки и ущербы, уже наступившие и будущие, от российской стороны. Ну а российская сторона, судя по последним сообщениям СМИ со ссылками на судовладельца, не только не

собирается что-то там компенсировать, но и не разобралась толком, кто в этой ситуации за что отвечает – какая именно госструктура. Складывается впечатление, что общего руководства и кого-то ответственного за всё, от удерживания судна военными и следствия до имиджевых последствий этой истории, тянущейся вот уже третий месяц и превратившейся в один непрерывный скандал, как не было, так и нет. Военные согласно приказу обеспечивают (м-да) охрану судна и его передвижения. Что делает СКП, известно только СКП, нам от него достаются лишь пресс-релизы и комментарии, то смешные, то возмутительные, но о деле ничего не говорящие. Что делают остальные ведомства, мы и подавно не знаем. Что-то вроде как делают.

Четверка моряков на «Arctic Sea», судя по письму от родственников, полученном мною 4 октября, по-прежнему лишена связи с берегом. Ну и что? Кого это волнует?..

Ждём.

Кто может помочь?

*Председателю Правительства Российской Федерации
Путину В. В. от жен моряков т/х Arctic Sea Зарецкой Е.Г.
Кузнецовой И.В. Воловой Л.А. Шумик В.Б.*

Открытое письмо

Мы, жены четырех моряков т/х «Arctic Sea», граждан Российской Федерации, обращаемся к Вам с просьбой срочно вернуть наших мужей домой.

Нами получены письма из Следственного комитета прокуратуры Российской Федерации от 14.09.2009 201/383081-09, в которых сообщается, что «после производства неотложных действий на судне они будут направлены к постоянному месту жительства в г. Архангельск». Следственная комиссия закончила работу на судне 16.09.2009, но наши мужья находятся до сих пор на сухогрузе. После освобождения моряков силами ВМФ РФ прошло 49 дней! Замена их так и не произведена, хотя сменный экипаж готов к работе.

Куда ведут сухогруз – неизвестно. Наши мужья нуждаются в срочной медицинской и психологической помощи, находятся в полной информационной изоляции 74 дня!!!

Просим Вас содействовать в срочном возвращении наших мужей домой, пока они еще живы.

С уважением, жены моряков:

*Зарецкая Елена, Шумик Виктория, Кузнецова Ирина,
Волова Лидия.*

9 октября

Хватит пуганицы!

Только-только я предположил, что после отказа Алжира принять «Arctic Sea» Россия попытается сбавить несчастное судно Мальте, как тут же появляется заявление МИД России, в котором Испания и Мальта обвиняются в предъявлении каких-то технических требований, делающих невозможной передачу судна «с целью его дальнейшей коммерческой эксплуатации». Передачу – кому? Ну что это,

извините, за детский лепет? Почему никто упорно не обращает внимания на позицию судовладельца, очень понятно им объясненную на его же сайте? Он требует компенсации за причиненный компании и судну ущерб в ходе проведения так называемых следственных мероприятий. Еще ни одно захваченное пиратами и бандитами судно в истории мирового судоходства не таскали взад и вперед на буксире под охраной военных по океану неделями (скоро уже месяцами) для проведения «следственных мероприятий». Вот освободили судно из сомалийского плена – кто там чего расследует? Никто и ничего. Судно доползает до ближайшего порта, экипаж тут же меняют, делают необходимый ремонт, судно приводят в более-менее нормальное состояние, снабжают всем необходимым, и оно продолжает прерванный рейс. В случае с «Arctic Sea» российская сторона, освободив, так сказать, судно, берет его под свою юрисдикцию, окружает железным занавесом молчания и секретности и держит в океане месяц с лишним, а вместе с ним и четырех моряков из состава экипажа. Несмотря на крики несчастных родственников и призывы общественности и организаций, прежде всего профсоюза (РПСМ).

«Солчарт» требует не только возмещения убытков, но и юридически правильного оформления факта приема-передачи судна (без документов такого рода его просто разорят иски), и вот выясняется, что российская сторона этого сделать не в состоянии, потому что нет главного ответственного.

Спрашивается, какая страна захочет принимать скандальное судно с совершенно непонятным статусом? Кому это надо и зачем? Испания отказалась. Алжир отказался. Мальта тоже уже успела отказаться. Они совершенно правы! Единственный оставшийся выход – вести судно в Новороссийск. Боюсь, призывы немедленно отпустить (освободить) продолжающих мучиться на борту судна моряков бесполезны: пока судно в море в международных водах, это практически невозможно сделать ни технически, ни юридически.

В общем, российская сторона хочет избавиться от судна и спихнуть его судовладельцу, не отвечая за последствия, убытки, ущербы и, в конечном счете, за свои действия. Судовладелец не желает стать банкротом ради сомнительного удовольствия облегчить российской стороне жизнь и требует свое. При этом в СМИ идет, я бы сказал, констатация фактов при полном непонимании ситуации. То опубликуют заявление СКП, то МИДа, то что-то сказанное кому-то судовладельцем, то дадут информацию о местонахождении судна. Почему именно судно не удастся «впарить» кому угодно, лишь бы от него избавиться, никто не объясняет. Вместо объяснений даются смехотворные жалобы на нехорошее поведение то судовладельца, то Испании, то кого-нибудь ещё.

А заложники всего этого бардака – четверо российских моряков, отношение к которым со стороны российских освободителей, между прочим, давно уже нельзя назвать соответствующим ни правам моряков, работающих на иностранном судне, ни элементарным правам человека.

12 октября

Может, судну проще случайно потонуть?

Компания «Солчарт», владелец «Arctic Sea», опубликовала на своем сайте несколько заявлений, по сути подтверждающих то основное, которое было сделано ранее. Присовокупив к ним точные расчеты понесенных убытков в размере 716 846,02 евро. Без учета исков от грузовладельцев. Кроме того, компания объ-

яснила, почему невозможно прислать сменный экипаж и вернуть наконец домой четырех моряков, до сих пор наслаждающихся свободой и полной изоляцией на борту «Arctic Sea».

Вообще, не будь этих четверых заложников, ситуация и ее развитие смотрелись бы до крайности любопытным фарсом, но муки моряков и их родственников превращают всё это в драму. Драму для каждого – потому что, еще раз повторюсь, жертвой чего-то подобного может стать любой из нас, если не тому перейдет дорогу или окажется не в том месте не в то время...

Сильно сомневаюсь, что Мальга согласится принять судно без согласия судовладельца. Мальга конечно, ранее в этой истории основательно прогнулась, но всему есть предел. И останется только одно – как можно скорее вести судно в Новороссийск. А может, по пути разыграется шторм, и судно возьмет да случайно потонет? Тоже выход. Со многими плюсами для многих. По мне так и ладно, лишь бы четверых моряков не забыли. На сегодня именно они были и остаются главным. Все остальное – пока – вторично.

14 октября

Ведь дождёмся, потопят

Позиция большинства СМИ вызывает у меня всё большее недоумение. И российских СМИ, и иностранных. Главное в том, что на сегодня, как и на середину августа (разгар поисков «Arctic Sea»), ситуация принципиально не изменилась. Тогда опасались за экипаж и судно, и сегодня приходится по-прежнему опасаться за экипаж и судно. Только вместо 15 моряков сейчас осталось 4, вот и вся разница. Но нет, СМИ либо пытаются что-то понять в пиратской версии, либо по инерции гадают, что там на судне было и кто за этим стоит, время от времени перемежая эти камлания сообщениями об очередном передвижении «Arctic Sea», очередной попытке куда-нибудь судно запихнуть и комментариями по этому поводу судовладельца, СКП, МИД и ВМФ. Причем на заявления судовладельца внимания обращается очень мало, а вот очередное и столь же дежурно бессмысленное заявление СКП ли, МИДа или «источников в ВМФ» неизменно вызывает в СМИ интерес...

Я не понимаю! Вот судно и вот люди, над которыми просто издеваются (и над их родственниками тоже). Судно и люди в опасности. Почему молчим? Почему бессвязно валим в кучу известные факты и безответственные заявления?..

Уважаемые СМИ! История судна и людей на нем не закончилась, она продолжается, а значит, все остальное вторично. Забудьте вы про версии относительно грузов и их владельцев, а также про пиратов. Займитесь людьми и судном. Уясните для себя, кто прав, а кто нет, и что всё это для судьбы «Arctic Sea» и моряков значит. Почему, собственно, судно не ведут в Новороссийск? Если б повели сразу, как заявляли, то «Arctic Sea» был бы уже в Новороссийске. Чего сейчас ждут? Согласия судовладельца? Надеются, что удастся втолкнуть судно куда-нибудь, где согласятся принять? Или ждут чего-то иного?

Логически рассуждая, гибель «Arctic Sea», предположим, во время шторма устроила бы всех. Может, ожидается шторм? Кстати сказать, тут есть еще одна возможность (я имею в виду шторм). Подойдут поближе к какому-нибудь порту, той же Беджайе или Мальге, дадут сигнал бедствия и потребуют предоставления убежища аварийному судну. И, бросив его где-нибудь на подходе к порту, тут же на всех парах помчатся от него подальше.

Оба варианта опасны для моряков. Оба варианта опасны для судоходства как прецеденты. Уверен, что они рассматриваются и рассчитываются. Не уверен, что ими воспользуются, но бессмыслица стояния где-то в Средиземном море с каждым новым днем делает эти варианты все более реальными. Поэтому мой совет СМИ – вы лучше ловите не заявления от СКП/МИД/ВМФ, а сводки погоды по юго-западу Средиземноморья...

Для судоходства история с «Arctic Sea» опасна тем, что она показывает, как далеко может пойти государство в защите того, что оно называет своими интересами. Той легкостью, с которой государство нарушает и законы собственности, и элементарные права человека. Именно эта легкость вседозволенности в сочетании с поразительными по цинизму некоторыми заявлениями властных структур и дают возможность предположить, что возможно все, вплоть до случайной гибели судна в случайно свалившемся на него шторме. И еще тревожный звонок – удивительнейшее понимание очень сомнительных действий одного государства со стороны других государств. Мальта изначально поддержала Россию в праве окутать все дело секретностью и охотно в этой секретности стала участвовать. Теперь вот выступили следователи Финляндии и Швеции – их тоже всё устраивает. Они ни в чем ничего сомнительного, грязного или противозаконного не видят. Но если почитать историю гибели парома «Эстония» и того, как действовала и действует в этой трагедии Швеция, то удивляться не приходится. На все идут, лишь бы концы в воду. Потому что – государственные интересы! Эх, государства, жили бы вы не по интересам, а по совести – другой бы был мир.

22 октября

Это ещё что за бредятина?

Американское новостное агентство wtop.com опубликовало заметку-версию по истории «Arctic Sea», ссылаясь на источники в израильских спецслужбах.

19 октября, Вашингтон. Помните нашумевшую историю про финский сухогруз с российским экипажем на борту, таинственно исчезнувший на несколько недель летом? Когда его нашли, во всем обвинили похитителей судна. Однако выясняется другое. Источники из израильских спецслужб сообщают, что судно было не похищено, а находилось под контролем группы изменников или отщепенцев (renegades), переправлявших в Иран партию ракет С-300 и/или чего-то еще, очень важного для Ирана. Перевозившееся оружие относится к числу наиболее действенных в арсенале России. Россия понятия не имела о том, что происходит, пока Моссад ее не предупредил, после чего начались поиски с привлечением российского ВМФ. Чтобы избежать скандала и сохранить лицо, была придумана версия с захватом судна некими пиратами. Адвокат 8 человек, подозреваемых в захвате, уже не оставил от этой версии камня на камне и считает, что восьмерку подставили.

Вся история осложняется, помимо прочего, и таинственным визитом в Москву Бенъямина Натаняху. Главный вопрос – как этим изменникам удалось заполучить в свои руки самое современное и грозное оружие без ведома и разрешения правительства России?

Все бы хорошо в этой версии, и даже кое с чем кое в чём совпадает, но вопрос – что за «изменники» такие и куда они делись. Нестыковка: если изменники вели судно поговору с Ираном и судовладельцем, зачем судну надо было исчезать? Шли бы себе и шли, не привлекая внимания. А если они стали контролиро-

вать судно где-то в пути, то куда оно изначально шло с этим оружием? Что вообще означает это слово – «ренегаты»? Экипаж, что ли? Ну это просто смешно, если не сказать пожестче.

Wtop.com вроде серьезное издание, и если им действительно слили такое, то, значит, продолжается согласованное замутнение воды.

«Arctic Sea» поволокли к Мальте

По моим данным из неофициальных источников, печальный караван действительно снялся с якоря и следует к Мальте. Что их там ждет, никто не знает. Всякие технические требования Мальты, о которых не устают говорить то МИД, то «источники ВМФ», – это не более чем отговорки. Мальта давным-давно озвучила свои требования, каким образом судно должно быть передано законному владельцу. Может быть, Мальту удастся склонить принять судно «как есть», и пусть она там сама с ним и с владельцем разбирается. А может быть, и нет, – мы же не знаем, как именно Мальту «склоняют».

Ну а СМИ, за редкими исключениями, продолжают публиковать всякую ахинею про пиратов. Кто там что сказал и кого в чём обвинил. Я эти статьи и заметки не читаю – потому что знаю, что к истине они не имеют никакого отношения. С меня хватает заголовков. И потом, о какой истине можно говорить, о каких пиратах, когда 4 моряка по-прежнему мучаются на судне, а их родственники – на берегу. При этом нельзя забывать о возможности события, о котором писал ранее, – избавления от «Arctic Sea» радикальным, так сказать, образом. Еще раз хочу обратить внимание: если бы судно сразу повели в Новороссийск, как объявили было через несколько дней после «освобождения», оно было бы уже в Новороссийске. Что такого произошло, что изменилось в течение буквально нескольких дней в сентябре, когда вдруг российская сторона забыла про Новороссийск и стала упорно впихивать «Arctic Sea» во все порты, которые оказались поблизости? Еще одна загадка Летучего Голландца.

23 октября

Как и прежде, на авось

РИА Новости получило очередную разведсводку от «военно-дипломатического источника»:

15:42 23/10/2009 МОСКВА, 23 окт – РИА Новости. Прибытие сухогруза «Arctic Sea» в порт Ла-Валетта (Мальта) планируется 29 октября, после чего начнутся переговоры о передаче судна, сообщил РИА Новости в пятницу военно-дипломатический источник.

«После практически двухнедельной стоянки на якорю в Средиземном море, в районе восточнее Гибралтара, Arctic Sea в сопровождении кораблей и судов Черноморского флота начал накануне движение в сторону Мальты. Прибытие в мальтийский порт Ла-Валетта ожидается 29 октября», – сказал собеседник агентства. Затем, по его словам, начнутся переговоры о передаче судна при участии российских официальных лиц.

Из этих последних просочившихся к нам военно-дипломатических данных лично я не узнал для себя ничего нового. Только подтверждение того, о чём писал

ранее. Договоренности с Мальтой нет, с судовладельцем тоже. Решили подвести судно поближе, авось удастся впихнуть. На то и весь расчет – если судно будет рядом, больше шансов сплавить его Мальте. Вариант неподвижного шторма и аварийной ситуации с «Arctic Sea» по-прежнему не исключаю.

24 октября

Опять неразбериха, но история идёт к концу

Опять в лес и по дрова. «Солчарт» говорит, что он ведёт переговоры с властями Мальты о допуске судна на Мальту и готов уже туда вылететь. Добавляя при этом, что российская сторона, по его сведениям, никаких переговоров не ведёт. Российская сторона про «Солчарт» вообще не упоминает, видимо, полагая, что он тут вообще ни при чем, и говорит, что она ведёт переговоры с Мальтой. Чёрт их поймет, «Солчарт» и российскую сторону, сговорились они о чём-то, что ли?

Что будет делать Мальта, мы не знаем. Это, конечно, очень интересный прецедент – рамки ответственности «удобного флага»: до какой степени страна-флаг готова что-то делать в проблемной ситуации?

Что будет вообще, мы тоже не знаем. Возможно что угодно, с аварии на одном конце до допуска «Arctic Sea» на Мальту на другом. Однако можно с большой вероятностью предположить, что история идет к концу.

28 октября

«Arctic Sea» освободили снова – на всякий случай

Где СКП, там нет места скуке. СКП снял арест с «Arctic Sea», чтобы, как он добавил, передать его мальтийской стороне. Мальтийская сторона не примет «Arctic Sea» без согласия судовладельца, а судовладелец, в свою очередь, пока вроде бы не соглашается. Скорее всего, «российская сторона» готовит отговорки к грядущему отказу Мальты от подарка. Мол, смотрите, мы даже арест сняли. А как же тогда предлагали принять «Arctic Sea» Испании и Алжиру, не снимая ареста? На мой взгляд, это полнейший юридический нонсенс; если я неправ, пусть юристы морского права меня поправят (только не Колодкин А.Л.). Но что бы это ни значило, «российская сторона», не исключено, прорабатывает несколько вариантов дальнейших действий. В том числе и такой – снявши арест, просто бросить судно. «Сторона» сама по себе, судно само по себе. Пусть плывет куда хочет. Если Мальта при этом втащит «Arctic Sea» в свой порт по собственной инициативе, то нарвется на крупные неприятности. Судовладелец может смело подать против неё иск. В общем, думается мне, это не просто очередной выкрик, а подготовка к дальнейшим вариантам развития событий, и смелое решение снять арест в любом случае не помешает, оно принято не от глюков, а после раздумий и просчетов различных возможных ситуаций.

29 октября

«Arctic Sea» проверяют на радиоактивность инспекторы Мальты

Вечером 29 октября «Fairplay» сообщил, что инспекторы Департамента гражданской обороны Мальты приступили к проверке «Arctic Sea» на радиоактивность

и наличие химических веществ. Ведущее мировое морское издание связалось с Морской администрацией Мальты и Департаментом гражданской обороны, где ему сообщили, что процесс проверки на радиоактивную и химическую зараженность длительный и займет не менее суток. Судно находится в нескольких милях от берега, по завершении проверки, если «Arctic Sea» окажется «чистым», ему можно будет зайти в порт приписки – Ла-Валетту. В порт его заведет обычный буксир.

«Fairplay» отмечает, что вопрос с собственником так и не решен. Ожидается, что владелец пришлет экипаж и оформит заход в порт в соответствии с требованиями. Однако нигде не говорится, что с владельцем достигнуто соглашение и он предпримет все те действия, которых от него ожидают.

Будем, конечно, надеяться, что счастье рядом, и «Arctic Sea» наконец войдет в порт.

К судну подошел снабженец

С Мальты сообщают – «Arctic Sea» стоит в 13 милях к востоку от Марсашлок (восточное побережье Мальты) на якоре, на банке Hurd Bank, там этакое кладбище мертвых кораблей – около 40 судов в отстое. Вроде бы к «Arctic Sea» подошел снабженец. Судно стоит за пределами тервод. Обещают прислать фотографии «Arctic Sea». Напоминаю требование Морской администрации Мальты – за пределами тервод должна быть произведена смена экипажа либо дополнение его до штатной численности. Где там судовладелец со сменным экипажем, мне пока неизвестно. Может, уже на борту «Arctic Sea»? Хорошо бы.

30 октября

«Arctic Sea» наконец-то освободили, и опять без единого выстрела

Эпопея для экипажа и самого судна «Arctic Sea» наконец-то закончилась. Прошло чуть более трех месяцев со времени его захвата. Освобождение, названное «передачей судна владельцу», прошло только после того, как владелец согласился его принять. Более месяца не принимал, но стороны пришли к какому-то соглашению. К какому именно, вряд ли мы когда-либо узнаем, да вряд ли это и интересно. Обращает на себя внимание любопытный факт – только вчера в СМИ появились сообщения от «источников» во властных структурах, что была создана «межведомственная комиссия по передаче судна». Что еще раз подтверждает неопределенность ситуации в целом от начала почти до конца и отсутствие одной головы. Голов было много, каждая заявляла своё, но наконец договорились, и слава богу. До последнего дня было неясно, зайдет судно на Мальту или нет, и лишь когда появились сообщения о вылете сменного экипажа на Мальту вместе с судовладельцем, стало ясно – зайдет. Судовладельцу всё-таки сделали предложение, от которого он не сумел (а может, не захотел) отказаться.

Меня удивили сообщения в СМИ насчет того, что инспекторский осмотр судна властями Мальты «ничего на судне не обнаружил», и что «судно абсолютно чистое». Ещё бы оно было грязное. Оружия или, там, радиоактивных материалов на борту «Arctic Sea» сейчас не больше, чем в любом детском саду. Эти проверки – продолжение попыток сохранить хорошую мину при плохой игре, никто там,

естественно, ничего находить не собирался, все знали, что судно стерильно, как колба в химлаборатории. Государства почему-то думают, что они не могут быть смешными по определению.

Все всеми и всем довольны. Власти Мальты довольны отсутствием на борту радиоактивных материалов, «российская сторона» – избавлением от скандального парохода, судовладелец доволен по определению, положение обязывает быть довольным. Одна большая дружная семья. Сердце радуется. Злодеи наказаны и скоро понесут заслуженное наказание, добродетель торжествует. Мало того, эту победившую добродетель собираются увековечить: президент РФ, как известно, предложил назвать систему мониторинга судов под флагом РФ – «Арктик Си». Разработчики системы удивились, как они сами до того не додумались, а сопровождавшие президента лица, как пишут в СМИ, понимающе рассмеялись. Оценили иронию. Я тоже «заценил» и предлагаю присвоить Институту международных отношений звание «имени Пакта Молотова–Риббентропа», а военноморским учебным заведениям – «имени Цусимы». По смыслу это вещи одного порядка.

Как оценят всю эту свистопляску моряки, судовладельцы, прочие участники мирового и российского судоходства? Вряд ли они сочтут её блестящей операцией. Вряд ли станут больше верить и «российской стороне», и прочим – действия и позиция европейских стран в этой истории по меньшей мере выглядят странно, а по большому счету – очень с душком.

Впрочем, всё это требует отдельного разговора.

13:25 30/10/2009

МОСКВА, 30 окт – РИА Новости. Все члены экипажа «Arctic Sea», в том числе четверо оставшихся на сухогрузе до его передачи мальтийским властям, признаны потерпевшими по уголовному делу о захвате судна, сообщает в пятницу СКП РФ.

«В настоящее время судно находится в мальтийском порту. Капитан, боцман и два механика в ближайшее время вылетят в Архангельск к месту своего проживания. Допросы и иные следственные действия с ними были проведены в тот период, когда на борту судна находилась следственная группа Главного следственного управления Следственного комитета при прокуратуре Российской Федерации. Они, как и другие 11 членов экипажа, признаны потерпевшими по данному уголовному делу», – говорится в сообщении.

Сухогруз «Arctic Sea», следовавший из Финляндии в Алжир с грузом древесины и пиломатериалов, перестал выходить на связь в конце июля и о его местонахождении ничего не было известно. Затем стали появляться сообщения, что неизвестные потребовали у компании-оператора выкуп. 16 августа судно было обнаружено в Атлантике недалеко от африканского островного государства Кабо-Верде.

31 января 2010 г., Бангкок
«Arctic Sea» почти растаял

Никуда не денешься, завершительную статью про «Arctic Sea» надо было написать. Этого просили некоторые мои читатели: мол, Михаил, сказав А, говори уж и Б. Это необходимо еще и исходя из того, во что превратилась вся история в статьях СМИ, заявлениях СКП и МИДа, полемиках в блогосфере. А превратилась она в этакий почти растаявший леденец во рту. Он поначалу шероховатый и угловатый,

дерет небо и язык, но чем дольше держишь его во рту, тем более гладким и приятным он становится, пока наконец и вовсе не исчезнет. Сейчас он ещё не исчез, но стал гладеньким, маленьким, с привкусом чего-то экзотического, для остроты ощущений.

Нам авторитетно сказано, что «на судне в ходе проверки его следователями СКП никаких других грузов, кроме леса, не обнаружено». Но при этом полных тишины и забвения нет, время от времени очередное СМИ раздражается очередной статьёй на основе очередного интервью участников событий.

Я не собираюсь восстанавливать тут поминутную или даже по дням хронологию и подробно вдаваться в детали, незачем. Кому интересно, тот может сам для себя такую хронологию составить. Я основываюсь на каких-то ключевых фактах. А еще я основываюсь на своей привычке верить тому, что вижу, и тому, как я это понимаю, а не тому, что мне говорят и пытаются внушить. Проще говоря, если я вижу существо, рычащее как ротвейлер, разозленное, чёрное, зубастое, готовое на меня напасть и ничем прочим от привычного мне облика ротвейлера не отличающееся, то я это существо считаю ротвейлером, готовящимся на меня напасть, и пусть все вокруг начнут меня уверять, что это кошечка, которая мурлыкает и просит её погладить, я всех пошло подальше и останусь при своём мнении.

Меня до сих пор время от времени спрашивают: ты что же, до сих пор считаешь, что на борту «Arctic Sea» что-то было, какое-то оружие? Чего мне считать, смеюсь в ответ. Я не считаю, я знаю. У меня есть, помимо совершенно несгибаемой, неопровержимой логики событий, основанной на фактах, и пара подтверждений со стороны, но я эти подтверждения тут приводить не буду. Потому как в этом, на мой взгляд, нет никакой необходимости. Чем надо думать, чтобы считать историю с «Arctic Sea» пиратским нападением, видя перед собой всю историю, – не головой, а телевизором?

Итак, всё это дело началось еще 29–30 июля сообщениями в СМИ о таинственном нападении на «Arctic Sea» 24 июля ночью вблизи острова Оланд в Балтийском море. Тут же появились слухи о пиратах, но я посчитал, что, скорее всего, судно задержала и обыскала полиция какой-нибудь европейской страны по наводке, полагая, что найдет там наркотики или иную контрабанду. Не нашли и скрылись, не стали афишировать в общем-то противозаконное деяние. Такие вещи время от времени случаются.

К 8 августа я забыл и про «Arctic Sea», и про нападение, когда вдруг мне позвонили из службы безопасности мореплавания гражданского флота и спросили, нет ли у меня данных по «Arctic Sea» и, в частности, телефона его владельца. Данных у меня не было, но я поинтересовался, в чем дело. «Пропал», – было мне отвечено, и добавлено, что информацию по «Arctic Sea» ищут ФСБ и ВМФ, что само по себе было очень странно: когда и с каких пор их интересует пропаша иностранного судна, обычной морской серенькой, ничем не примечательной лошадки?

Я бы не стал давать новость про «Arctic Sea», несмотря на этот звонок, потому что сам не понимал, в чем дело. Зачем шум поднимать. Но буквально через час после этого звонка получаю письмо от родственников экипажа, где содержится прямая просьба о помощи. Связи с судном нет с 27 июля, причем с 24 июля она была одно-сторонней. Судовладелец молчит и дело явно нечистое, родственники не знают, что думать. В общем, я перезвонил в службу безопасности и дал им финский номер телефона судовладельца, который мне сообщили родственники, после чего опубликовал в «Морском Бюлетене» саму новость. С того времени и до посадки самолета в Бангкоке вся история превратилась для меня в какую-то непрерывную нервотрепку.

К 10 августа мне стало совершенно ясно, что судовладелец знал, в чем дело, но молчал, потому что кто-то его в этой истории поддерживал и что-то обещал. К 11 августа судовладелец оказался этими своими покровителями или партнерами брошен, он перестал твердить родственникам, что ситуация под контролем, и открыто, официально обратился за помощью в поисках судна к властям России и Финляндии – потому что компания работает в Финляндии, но экипаж на судне под мальтийским флагом полностью российский. К этому времени выяснилось, что «Arctic Sea» прошел Ла-Манш 29 июля, и при этом был разговор с офицером контроля движения судов, что сигнал AIS (автоматической системы идентификации судов) пропал около 2 августа, и что судно исчезло не просто так, на то были какие-то очень серьезные причины. Всякие версии о преступном умысле я отменил сразу и категорически, как совершенно невозможные. О нелепости любой версии, пытающейся объяснить захват криминалом, я подробнее расскажу ниже. Лично для меня уже тогда стало ясно, что на судне был некий груз, из-за которого он и попал в эту передрагу, причем очевидно не контрабанда. Провести столь сложную операцию, как мне казалось тогда и кажется сейчас, под силу только специально и очень хорошо подготовленным людям, спецназу или командос, это как вам угодно, и при этом далеко не всякому спецназу, а лишь нескольких стран.

Где-то 11 или 12 августа дело дошло аж до президента страны, он вызвал главнокомандующего ВМФ и приказал ему найти потерявшееся судно. Через день или два после этого в Атлантику на всех парах влетела черноморская эскадра, совершенно случайно и очень кстати шедшая на совместные учения с Балтфлотом на Балтику. Эскадра помчалась себе дальше, а для поисков «Arctic Sea» оставили сторожевой корабль «Ладный». Все это время в «Извещениях мореплавателям», распространяемых по всему миру, про исчезновение «Arctic Sea» не было сказано ни слова, хотя там фиксируются все экстренные случаи вплоть до травмы моряка на каком-нибудь судне в любой точке Мирового океана.

К 14–15 августа появилось ощущение, что про местонахождение «Arctic Sea» уже известно, вопрос лишь в том, зачем и кто тянет резину, а вся эта масштабная поисковая операция потихоньку стала превращаться в шоу для публики. К этому времени относится и первое появление на сцене представителя России в НАТО Рогозина, сообщившего всем СМИ, что ситуация под контролем, что всё известно, но сказать ничего нельзя, ибо для безопасности требуется секретность. Ну ладно, пусть себе секретно ради безопасности, лишь бы под контролем...

15 августа появился знаменитый сигнал AIS с судна, из Бискайского залива. Тот самый сигнал, который до сих пор не даёт покоя и который оказался настолько важным (о чём я, впрочем, заявлял с самого начала), что в посвященной мне речи Рогозина в начале сентября половина отводилась интерпретации этого сигнала (а во второй половине я обвинялся в безумии на почве белой горячки). Сигнал длился где-то час-полтора и потом исчез. Франция сначала с гневом и прямо-таки негодованием факт сигнала отрицала, но через несколько часов одумалась и признала – сигнал был, а судна не было. Ну и правильно, и я сразу усомнился в том, что судно могло быть в Бискайском заливе. Откуда сигнал и кто его подал, вот что меня интересовало. Франция взяла и лягнула в ответ: мол, скорее всего, сигнал шёл с борта российского военного корабля, находившегося в составе той самой черноморской эскадры.

Дело в том, что это электронный сигнал, зафиксированный приемными станциями и выложенный на сайты отслеживания судов в Интернете. Отрицать факт его существования – всё равно что отрицать законы природы. Но важнее понять смысл

сигнала. «Arctic Sea» к тому времени в Бискайском заливе не было и не могло быть. Если сигнал шёл с борта российского военного корабля, то, значит, российские военные уже имели физические контакты с «Arctic Sea» или зачем-то этот сигнал подделали. Но если российские военные имели контакт с «Arctic Sea» до 15 августа, то чего, спрашивается, стоит вся эта версия с «освобождением» судна от пиратов 17 августа, да ещё, как подчеркивали все СМИ, «без единого выстрела»? Вот почему умные люди про сигнал молчали и молчат. Этот очень опасный, очень скользкий факт. Неумные же кричат, что его именно не было, что вся суть тут в том, что Войтенко ради дешёвой сенсации и минутной славы готов придумать любую чушь. Неумные думают, что они тем самым помогают обожаемым властям (а таких развелось очень много, я и сам не ожидал столько страсти в общественности), и не понимают, что оказывают начальству медвежью услугу, отрицая то, что отрицать никак невозможно.

Первая часть эпопеи «Arctic Sea» идет к концу – 16 августа судно наконец обнаружил далеко на юге, вблизи островов Кабо-Верде, СКР «Ладный», а 17 августа торжественно освободил. Если кто-то забыл, напомним: несколько часов, чуть ли не сутки после этого освобождения про пиратов ничего не говорилось. Их вроде бы и не было. Они появились чуть позже.

Ну, подумал тогда я, слава тебе господи, история закончилась. Откуда мне было знать, что закончился первый этап и впереди второй, куда более продолжительный.

Я думал, что судно приведут в один из портов Кабо-Верде, там сменят экипаж, и оно проследует себе дальше. Но, видимо, правы были те журналисты, которые написали мне из Брюсселя, что та страна, которой было необходимо пресечь поставки таинственного груза на Ближний Восток (а были они не разовыми), провела операцию по захвату судна не с целью выгрузки этого груза или выбрасывания его за борт, а с целью сбора неопровержимых улик. После чего тем, кто груз отправлял, не осталось ничего другого кроме как выгрузить этот груз, а в иностранном порту, согласитесь, это очень трудно сделать, тем более в ситуации, когда всё дело получило международную огласку и вызывало повышенный интерес. Вот почему в Кабо-Верде срочно прилетели два или три большегрузных транспортных самолета, а также самый большой транспортный самолет в мире типа «Руслан», украинский. Может быть, этот «Руслан» прилетел за чем-то другим, не знаю. Но почему-то именно в те дни. Тут конечно, мы вступаем в область догадок и версий, ведь даже если столь внушительный транспортный флот прилетел в Кабо-Верде для того, чтобы забрать таинственный груз, то как его доставили на аэродром с моря? Самолеты побыли некоторое время в аэропорту и улетели назад, увозя с собой новоявленных пиратов и 11 из 15 моряков, членов экипажа.

Судно осталось дрейфовать в море, непонятно зачем и непонятно в каком статусе. Судно иностранное, под иностранным флагом, иностранного судовладельца и с иностранным грузом. А находится под контролем российских военных. Как оправдать? Тут-то и пригодились и пираты, и российский экипаж. Выяснилось, что если граждане России подверглись пиратскому нападению, то место преступления можно взять под свою юрисдикцию, что и было сделано. Взяли. Опять покопались в законах и выяснили, что необходимо провести следственные действия. Надо – значит надо, и уже 5 сентября в Лас-Пальмас на Канарах прилетела группа следователей СКП, чтобы собрать все улики и беспощадно припереть злодеев к стенке. Уже 5 сентября! Всего лишь через две с небольшим недели после того, как судно освободили. Что оно делало или что с ним делали в течение этих двух

недель, неизвестно. За это время оно от Кабо-Верде переместилось к Канарам, это единственное, что мы можем уверенно говорить.

Тем временем 11 моряков, привезенных в Москву вместе с пиратами, куда-то увезли и где-то держали, проводя с ними, говоря любимым языком наших властей, оперативно-следственные мероприятия. Родственники сходили с ума, негодовали СМИ, а СКП флегматично отвечал, что всё в порядке, что моряков обеспечили одеждой, питанием и возможностью позвонить близким. За что, надо полагать, и моряки, и родственники должны были СКП слёзно благодарить – ну надо же, их еще и кормили! Кое-как людей отпустили к 29 августа, после чего в СМИ появились первые версии пиратского захвата, сдобренные всякими крепкими, пряными подробностями. Сразу после освобождения без единого выстрела и всё время пребывания в Москве моряки про пиратов молчали, вообще про всё молчали. Вспоминали, наверное. После того как их наконец отпустили, тут же вспомнили. Ну а СКП всюду искал улики на огромном пространстве гигантского судна под названием «Arctic Sea», на что ушло непонятно сколько времени: не то неделя, не то 10 дней, не то ещё больше. На это время и в дальнейшем всякая связь с судном и находившимися на его борту четырьмя оставшимися членами экипажа прервалась. Запретили звонить домой и экипажу СКР «Ладный». Тяжелое это и очень секретное дело – собирать улики!

Первые версии о пиратском захвате были совсем ещё сырыми и легкомысленными. Говорилось, в частности, что судно захватывалось дважды, сначала какая-то группа непонятно зачем, а уж потом пираты. В доказательство захвата демонстрировались пулевые отметины на надстройке судна. Позже одумались, спохватились и начали отсекай лишнее. Исчез первый захват, исчезли и рассказы про изрешеченную пулями надстройку. Сообразили, видимо, что молниеносный захват, оставшийся неизвестным, никак не мог таковым быть, если бы при захвате судно начали обстреливать. «Arctic Sea» захватили так, что никто никакой тревоги поднять не успел, не было никаких сигналов кроме эсэмэски, посланной капитаном, о которой особый разговор. Если бы по судну начали стрелять, то, наверное, сигналы бедствия полетели бы с него пачками – не забудем, что судно находилось в зоне работы мобильных телефонов, не забудем про другие средства связи, тем более тревожной. Захватить его так, чтобы никто не пискнул, можно было только либо подкравшись, либо притворившись полицией, стрельба при захвате полностью исключалась, это был бы провал операции. Это сообразили наконец и сочинители версий, а потому обстрел при захвате исчез и больше уже не появлялся.

После того как улики собрали, занялись судном. То есть к тому времени «российская сторона» наконец вспомнила про «Arctic Sea», оставшийся экипаж и судовладельца и начала гадать, что же с ними делать и как поскорее от них избавиться. Строптивые страны вроде Испании отказались пускать судно в свои порты из-за полнейшей неопределенности его статуса и отказа судовладельца принимать его без гарантий возмещения убытков. Тащить «Arctic Sea» в Новороссийск отказались, скорее всего, по политическим мотивам, чтобы сохранить хорошую мину при никомушной игре. С судна давно уже убрали даже пыль, оставшуюся после загадочного груза. Ну и решили показать товар лицом – мол, какие секретные грузы, о чем вы? А то, что судно месяц болталось в море, так это следственные мероприятия, у нас всё по закону.

Лишь через некоторое время безуспешных попыток всунуть «Arctic Sea» хоть куда-нибудь до «российской стороны» дошло, что это не удастся до той поры, пока судовладелец не согласится его принять. Видимо, им занялись всерьёз, настолько

всерьёз, что он не только согласился, но и по сию пору не устает расточать похвалы в адрес этой самой стороны, чуть было не сделавшей его банкротом.

Представьте, что в вашу квартиру ворвались похитители. К вам на помощь пришла милиция, спецназ, все кто полагается, и вас без единого выстрела освободили. После чего вашу квартиру опечатывают на три месяца для проведения оперативно-следственных мероприятий, а с вас берут подписку о неразглашении того, что там у вас на квартире происходило. Вы мыкаетесь по углам, проклиная и освободителей, и мероприятия, направленные на поиски истины, и только через 3 месяца, после скандалов в прессе, после протестов и криков вам, наконец, позволяют вернуться в вашу собственную родную квартиру. Это как?

Время поговорить о пиратах. О дерзком пиратском захвате в одном из самых спокойных и безопасных районов мира, Балтийском море. Пиратская версия чем дальше, тем больше проникает в умы и встречает всё меньше протестов. Ну что, мол, такого, вы же видите, нигде прохода нет от этого криминала...

Дальше я буду вкратце разбирать три версии, опубликованные на страницах трёх различных СМИ, написанные журналистами по материалам интервью с непосредственными участниками, но сначала хотел бы взять из этих версий одно для всех них общее – высказывания очевидцев. Они совершенно аналогичны: это было безумием, в этом не было никакого смысла, на что пираты рассчитывали, непонятно, зачем они это сделали, тем более непонятно...

Совершенно верно. И я о том же. Давайте поверим официальной версии о захвате судна пиратами. Итак, 8 безумцев где-то как-то собрались, посудачили, сговорились и решили захватить судно. Захватили так, что этот случай можно смело вносить в учебники для спецназа. Не только захватили, но и благополучно провели проливами и морями и, незамеченные, ушли в Атлантику. Ради чего?

Нам предлагают два варианта злодейских умыслов. Первый: судно угнали, чтобы взять за него выкуп. Одно из главных доказательств – некие звонки страховой компании, застраховавшей судно.

Эти звонки действительно доказательство, но только, увы, обратного. Того, что версия придумана в спешке и в спешке же реализована. Когда и кто звонит страховщикам, захватив кого-то или что-то ради выкупа? Кому звонят сомалийские пираты? Судовладельцу. Кому звонят похитители людей? Родственникам или адвокату, или партнеру по бизнесу. Аксиома похитителей с целью выкупа – говорить с одной и только одной ответственной стороной. Наши же пираты пошли особым путем. Они звонили и судовладельцу, и страховой компании. Может быть, они хотели устроить аукцион?

Но ладно, забудем про странные звонки в разные инстанции с нижней просьбой выплатить 1,5 миллиона долларов или евро (тут, кстати, творцы версий тоже частенько путаются). Обратимся к технике этого дела. Как они рассчитывали получить выкуп – наличностью или переводом на банковские счета, которые мгновенно бы отследили? Как они рассчитывали после этого скрыться, подбравшись уже к берегам Африки? У них у всех, не забудем, семьи и родственники, их всех объявили бы, сумей они уйти с судна, в международный розыск. И за все хлопоты – 1,5 миллиона на восьмерых, по 187 500 у. е. на брата (а судовладелец в своих позднейших интервью и вообще говорит, что бандиты требовали в телефонных переговорах всего по 60 тысяч на брата, потому что у них были еще и люди на берегу). Устраивать такое, с таким качеством и на таком уровне, ради 60 000 долларов или евро? Обречь себя на вечно нелегальное положение с 60 000 в кармане? Может, проще было ограбить банк, а? С таким-то профессионализмом отборного спецназа?

И вопрос вопросов: если они сумели блестяще провести столь сложную операцию, почему они её не завершили? Не торговались за выкуп, оградившись живым щитом из экипажа, не оговаривали условия получения выкупа и своего ухода с судна?

Есть ещё предположение: что они собирались угнать судно в Юго-Восточную Азию и там продать, убив экипаж. Оригинально, свежо и непроходимо бессмысленно. Абсолютно неправдоподобно. Если кто-то забыл, я напомним: когда «Arctic Sea» «освободили без единого выстрела», на нём уже практически закончилось топливо. Как пираты собирались добраться до ЮВА, до которой надо было плыть полмира? Где заправляться топливом? Как проскочить мимо бдительных военных и полицейских всех прибрежных стран, в том числе стран Малаккского пролива? Сама операция по перегону судна обошлась бы в сотни тысяч долларов затрат. Притом что в этой самой ЮВА на приколе без работы стоят сотни судов, с минимумом экипажа или вообще без него, среди них масса куда более молодых, чем «Arctic Sea». Чем преступникам в ЮВА так не приглянулись эти суда на приколе, почему они решили захватить «Arctic Sea» в весьма почтенном возрасте, с красной ему ценой в несколько сот тысяч долларов, в условиях, когда мировой флот сотрясали мировой кризис и отсутствие работы, почему именно в Балтийском море? Это то же самое, что угнать в Москве «Жигули» возрастом под 20 лет и погнать своим ходом на Дальний Восток с целью преступной продажи по поддельным документам. Один к одному. Столько же выгоды и столько же смысла.

Что имеем в результате? Весьма странных пиратов. Очень профессионально захватить судно и провести его самыми оживленными водными путями мира, просматриваемыми и прослеживаемыми вдоль и поперек, они могут. Но зачем и что делать дальше, не знают. И безропотно, «без единого выстрела» сдаются. При этом ничего связного не могут сказать ни они, ни даже те, кто за них говорит.

Прежде, чем переходить к разбору наиболее ярких, по-моему, версий захвата и связанных с ним событий, упомяну о двух любопытных моментах, на которые почему-то никто не обращает внимания.

Первое – по поводу заявлений и выступлений судовладельца, СКП, МИДа и Рогозина о том, что на самом деле те, кому надо, знали, где находится судно в любой данный момент. Всю историю вообще обозвали, ни много ни мало, блестяще проведённой операцией, в ходе которой журналистов намеренно дезинформировали, чтобы сохранить секретность и спасти жизни. Позвольте, а как же тогда вызов президентом РФ главкома ВМФ РФ и распоряжение найти судно? Именно найти? Получается, президента с главкомом тоже кто-то дурачил?

Второй момент, не менее любопытный и забавный. Речь идёт о непосредственном освобождении судна российскими военными, когда они обнаружили «Arctic Sea», радостно к нему устремились, но, приблизившись, засомневались. Судно называлось «Jon Jin 2» и было под флагом КНДР. Вот ведь незадача! На улице тем временем стемнело, и разобрать, «Arctic Sea» это или северокорейское судно, не было совсем уже никакой возможности. Хотя, как писали СМИ со слов некоего офицера «Ладного», внешняя схожесть с «Arctic Sea» и была, полной уверенности не было. Поэтому «сторожевик привязался тросами к подозрительному судну и стал ждать рассвета» (цитирую особо забористые места). Однако это не значит, что экипаж «Ладного» массово повалился на койки, предварительно заведя будильники. Нет, работа шла полным ходом. В Москву, в МИД, отбили срочную шифровку с просьбой связаться с КНДР и выяснить, что такое этот «Jon Jin 2» и где он в настоящее время находится. В МИДе тоже не спали, быстро всё выяснили и ответили Ладному шифровкой – мол, корейское судно там-то, далеко от вашего

места, и те, кого вы держите, это не «Jon Jin 2», а кто-то другой. Утром военные приперли «Arctic Sea» к стенке: вы не «Jon Jin 2», вы «Arctic Sea», – и в доказательство предъявили шифровку МИДа. Пираты рвали от отчаяния на себе волосы, военная хитрость не сработала...

Господа, если СКР «Ладный» для выяснения деталей по какому-то судну требуется слать шифровку в МИД, то это значит, его боеготовность находится на почти нулевом уровне. Что надо для того, чтобы в течение 3, максимум 5 минут опознать судно, находясь в любой точке Мирового океана? Не рацию с шифровальщиком и радистом, а человека на корабле, который понимал бы: а) в гражданском флоте и базах данных по гражданскому мировому флоту; б) компьютер; в) спутниковую связь. За эти 3–5 минут он бы получил все данные по «Jon Jin 2», в том числе фотографию. Северокорейский балкер в 5 с лишним раз больше «Arctic Sea», у него другая архитектура, у него название на английском дублируется корейским написанием. Если на СКР «Ладный» нет такого человека, то он должен быть в Главштабе ВМФ. Если его нет и там, можно было позвонить оперативному дежурному Госморспасслужбы, можно было позвонить мне, и я бы за те же самые 5 минут все выяснил и уверенно бы военным ответил – нет, это не «Jon Jin 2». Но, как видим, главные специалисты по флоту в России сидят в МИДе. За ночь они всё узнали. С такой информатикой и такими информаторами можно было успешно воевать разве что в первой половине прошлого века. Хотя, честно говоря, сомневаюсь, что вся эта захватывающая шифровально-шпионская история имела место. Мне кажется, её изобрели именно те самые ребята, о которых писано выше.

Тут есть одно светлое пятно, что ли. Это поведение военных. Никто из них нигде и никогда не говорил, что про местонахождение «Arctic Sea» всё было известно, что ситуация была под любимым нашими властями «контролем». Рубили по-военному – ничего не знаем, приказали найти, пошли, нашли и освободили. Мне кажется (хочу надеяться), что военные что-то сохранили, что не дает им вот настолько уже на брюхе, отрывая в неистовом вилении куцые облезлые хвостики, слизывать с чьих-то ботинок чью-то очень вонючую блевотину.

Перехожу, наконец, к заключительной части. Сравню три версии захвата судна и последующих событий, изложенных тремя разными СМИ на основе интервью разных людей. В первой версии журналист допрашивал рядовых моряков из тех 11, которых увезли с судна сразу после его освобождения/захвата. Во второй тайнами «Arctic Sea» делится офицер СКР «Ладный». И в третьей появляется интервьюируемый с именем и должностью, это капитан. Первая самая ранняя, вторая вышла значительно позже, третья – совсем недавняя, январская, издание дополненное и переработанное. Версии излагались, повторяю, разными СМИ в разное время, отчего ещё интереснее наблюдать как за эволюцией версий, так и за несоответствиями между ними. Несоответствия таковы, что сами по себе, без учета того, что я писал выше, не оставляют от пиратской версии камня на камне. Хотя все трое говорят именно о пиратском захвате.

Согласно первой версии, изложенной в «The Sunday Times», судно захватили в Балтийском море один раз, захватчики вели себя по отношению к экипажу очень жестко. Капитан ухитрился отправить по мобильному SMS судовладельцу, – кто его знает, как бы всё повернулось, если бы не эта эсэмэска. Судно захватили очень лихо: вдруг «в 2 часа 10 минут ночи в его рубке появились восемь человек в масках, вооруженные автоматами АК-47 и пистолетами». Потом цитируют слова судовладельца: «Сообщение от Зарецкого (капитана) было очень странное. Откуда нам было знать, что судно захватили вооруженные люди? – говорит

Матвеев, – если бы у нас возникли подозрения в захвате, мы бы немедленно оповестили об этом береговую охрану и начали спасательную операцию. А я вместо этого начал названивать на судно и в итоге дозвонился до Зарецкого». После описания захвата и того, как стало известно о захвате, судовладелец переходит к живописным деталям, рассказывая про звонки и требования. Ему и его семье даже угрожали. Потом судовладелец ошарашивает заявлением о том, что о месте судна всегда знали – те, кому следовало. Более того, в этом и других интервью судовладелец ни словом не упоминает про свои отчаянные послания в адрес правительства России в то время, когда судно таскали по Атлантическому океану и Средиземному морю, – чем дальше по времени интервью от событий, тем больше похвал в адрес России и ее властей.

Вторая версия поведена анонимным офицером СКР «Ладный». Говорится, что «...на сухогруз напали почти сразу, как он вышел из порта Калининграда, еще в Балтийских водах. Моряки рассказали нам, что к ним на борт поднялись неизвестные, сказали, что отныне судно меняет ход. В случае самовольных действий, оно взлетит на воздух, так как заминировано, а бомбы управляются дистанционно. Неизвестные сказали экипажу, что дальнейшие указания им будут давать по радию, и покинули судно. Этим же вечером поступил первый приказ – подобрать в условленном месте “группу экологов”».

Итак, нападений было два, одно с бомбами, другое без. Или рассказавшие первую версию не заметили первое нападение, а также бомбы, или кто-то в чём-то ошибся и не согласовал версии.

Версия номер три, поведенная нам со слов капитана, вообще повергает, говоря модным нынче словом, в шок:

« – Была ли у Вас возможность связаться со своим руководством?

– Только один раз удалось позвонить директору. В каюте я случайно нашёл не обнаруженный пиратами мобильный телефон 2-го помощника капитана. Телефон висел на занавеске, и за складкой ткани его не было видно. Тихо, чтобы меня не услышали из-за двери, я позвонил и вкратце, насколько понимал, что происходит, рассказал, что нас захватили и судно обыскивают. Первое, что мне ответили с «земли»: «Вы там что, все перепились, что ли?» Да и как можно было поверить в захват? Мы находились в одной из самых спокойных водных зон, где таких инцидентов никогда и не было».

То есть все всегда говорили об отправленном SMS. И судовладелец тоже говорил об SMS. Теперь вдруг выяснилось, что был звонок. В котором обо всём было рассказано. И значит, о захвате судна знали ещё тогда, когда оно было в Балтийском море. Тогда почему только 8 августа с подачи ФСБ и ВМФ начались отчаянные поиски информации о судне? Почему вплоть до 11 августа судовладелец упорно говорил, что ситуация под контролем, а затем вдруг запросил помощи в поисках судна у России и Финляндии? Почему судовладелец рассказывает нам, что неладное он заподозрил тогда, когда связь с судном окончательно прервалась, 2 августа, и при этом тут же говорит, что о месте судна знали постоянно?

Не слишком ли много несоответствий и неувязок? Причем не мелочи, не цвет глаз и волос, а по-крупному, так, что одна версия опровергает другую. Если не лениться, взять все опубликованные интервью и версии и посидеть над ними с карандашиком, то несоответствий и взаимоисключающих рассказов можно будет найти еще больше.

Впрочем, интервью капитана интересно не только этим. Пираты вели себя корректно, говорит он. Что это было и зачем, капитан не знает. Милая подроб-

ность – когда судно освободили (м-да) российские военные, он купил у них мобильный телефон, чтобы позвонить домой.

«– Каким образом Вы передавали сообщения родным?»

– Пока на корабле были захватчики, никак не передавал. Уже потом, после освобождения судна, я купил у российских моряков мобильный телефон (деньги у нас не отобрали) и, как только появлялась возможность выйти в Интернет, когда были у тех или иных берегов, пересылал сообщения по электронной почте».

Итак, российский военный корабль освободил российских граждан, и чтобы этим наконец-то свободным людям срочно позвонить домой, им пришлось покупать у освободителей мобильный телефон. Вдумайтесь! Впрочем, за этой мелкой торговлишкой, по-моему, стоит кое-что другое, но не буду, это уже версии, гадания...

Завершаю. Версия капитана, на мой взгляд, самая умная, впитавшая в себя опыт всех прочих, откровенно неправдоподобных или заметно сомнительных. Она почти совершенна. Она построена по схеме рассказа одного из героев комедии «Бриллиантовая рука»: «Шел, споткнулся, потерял сознание, очнулся – гипс». Все правильно, так и надо было с самого начала. Напали, повязали, заперли по каютам, и дальше мы ничего не видели и не знаем, пока нас наконец не освободили торговцы мобильными телефонами...

А что касается общественности – в большей своей части, если судить по СМИ, блогосфере и форумам, она готова принять любую нелепость, любую бессмыслицу, спущенную сверху. И, пожалуй, это самый тревожный вывод, который можно сделать из этой истории.

ВМЕСТО ПОСЛЕСЛОВИЯ

11 июня 2010 г.

Российские власти пробуют себя в жанре палп-фикшн

СКП и в его лице российские власти решили попробовать себя в жанре палп-фикшн – криминального остросюжетного пиратско-авантюрного романа. На свет появилась новая версия захвата «Arctic Sea», изобилующая потрясающими фактами и деталями. Лесовоз захватил выходец из диссидентов, автор монографий и бизнесмен Эрик Кросс, решивший поправить свои дела пиратским бизнесом. Версия настолько смешная, что я просто не знаю, с чего начать разговор. Наверное, с самой новости:

МОСКВА, 11 июня – РИА Новости. Выходец из семьи эстонских диссидентов, предприниматель и автор научных монографий о истории «Лесных братьев» Эрик Нейлис Кросс является заказчиком и организатором захвата сухогруза «Arctic Sea» летом 2009 года, сообщил в пятницу на заседании по делу одного из обвиняемых в пиратстве Дмитрия Савинса прокурор.

Савинс дал признательные показания, согласно которым, он выступил организатором захвата сухогруза по заказу Кросса и в сотрудничестве с другим организатором – предпринимателем из Германии Сергеем Демченко.

Захватчики сухогруза «Arctic Sea» в случае успеха предприятия должны были получить по 20 тысяч евро, а глава банды Савинс рассчитывал на 200 тысяч

евро, следует из показаний самого Савинса, оглашенных в пятницу на заседании Мосгорсуда.

Савинс – второй фигурант дела, полностью признавший вину. Ранее другой захватчик «Arctic Sea» Андрей Лунев был приговорен к пяти годам в колонии общего режима по статье «пиратство». Остальные шесть фигурантов уголовного дела продолжают настаивать на своей невиновности, в их отношении продолжаются следственные действия. Срок содержания под стражей обвиняемым продлен до 18 августа.

В ходе заседания, судья огласил протоколы признательных показаний, которые Савинс дал следствию. Из них следует, что Савинс занимался предпринимательской деятельностью в Таллине и имел деловые контакты с Кроссом. У них были планы создания мореходной компании с целью её последующей перепродажи.

Савинс утверждает, что Кросс вел бизнес в нефтегазовой сфере, а также занимался строительством пансионатов и деловых центров. В связи с наступлением экономического кризиса у Кросса якобы возникли финансовые трудности, вследствие чего он решил пойти на захват судна для получения последующего выкупа.

Савинс согласился возглавить захват судна и в течение десяти месяцев, с сентября 2008 года, занимался подбором участников преступления и их подготовкой. Отбор членов группы производился по принципу привлечения «авантюрных личностей, имеющих криминальное прошлое».

В течение длительного времени группа проводила теоретические и практические занятия, в том числе трехдневную тренировку на базе эстонской армии под Таллинном.

В процессе подготовки план захвата судна в Атлантическом океане у берегов Португалии был заменен на более простой, связанный с проведением акции в Балтийском море. Для этого участники группы вооружились учебным автоматом Калашникова, пистолетом системы «Вальтер» и несколькими гладкоствольными ружьями.

Савинс утверждает, что сухогруз «Арктик Си» в качестве объекта захвата был избран в последний момент. Ключевыми критериями такого выбора послужили его тихоходность и низкие борты. Следить за передвижением судна группе помогал гражданин Израиля Алексей Керцбург.

В своих показаниях Савинс подробно описывает обстоятельства захвата сухогруза и его дальнейшие передвижения по мировому океану.

При захвате корабля произошло нарушение заранее подготовленного плана, так как капитан успел связаться с владельцем судна и предупредить его о произошедшем. По плану при таком сценарии предусматривалась эвакуация пиратов с судна, однако Кросс не выполнил взятых на себя обязательств. Савинс заявляет, что был вынужден вести «Арктик Си» в Атлантический океан, несколько раз «переименовывать судно и самостоятельно связываться с его владельцем, требуя выкуп в 1,5 миллиона долларов».

Как рассказал далее Савинс, владелец сухогруза, как и страховая компания «Ренессанс», отказывались платить выкуп, время тянулось, захватчики судна «морально разлагались и пили».

Савинс заключает свои показания тем, что за день до прихода российских военных моряков, он звонил своей жене, и сказал ей, что «всё скоро закончится».

Сухогруз с российским экипажем из 15 человек, который следовал из Финляндии в Алжир, после исчезновения в конце июля минувшего года был обнаружен 16 августа в Атлантике недалеко от африканского островного государства Кабо-Верде. По данным следствия, «Arctic Sea» был захвачен восемью гражданами Эстонии, Латвии и России. Операцию по освобождению экипажа провели моряки Черноморского флота РФ.

Постараюсь как-то по порядку, что ли. Уж больно неожиданно: пятница, вечер, сижу себе спокойно и не жду сюрпризов, и вдруг на тебе – тайна «Arctic Sea» раскрыта, виновные несут заслуженное наказание...

Ну-с, давайте поставим себя на место знатока истории «Лесных братьев» Эрика Кросса.

На что расчет подлеца и негодяя? На то, что:

А) судовладелец убоится гибели судна и груза;

Б) судовладелец убоится гибели экипажа;

Г) судовладелец согласится на молчание и выплату выкупа в кратчайшие сроки.

Почему в кратчайшие сроки? Потому что в данном случае это не захват судна сомалийскими пиратами. Сомалийским пиратам благодать: у них в распоряжении всё побережье Сомали и есть возможность держать там захваченное судно хоть до скончания века. У эстонских пиратов такой возможности нет, и вся ставка может быть только на тайну и на то, что судовладелец скорее обанкротится, чем позволит себе рискнуть жизнью хотя бы одного своего моряка. Если факт захвата судна обнаружится, то его быстро найдут и окружают военными, захватчикам с судна не уйти. Самому Кроссу, может, на это и наплевать, а непосредственным исполнителям? Надеялись уйти вплавь, затаиться в прибрежных камышах? Далее – расчет на моральные качества судовладельца. Он должен быть именно таким – готовым отдать последнее ради жизни своего последнего матроса. Если он не такой, то сообщит о захвате судна тут же властям и СМИ, потому что гибели судна он не боится – оно застраховано, а убытки от задержки в доставке груза ему уже не грозят. И на этом вся дерзкая операция основателя эстонского пиратства автоматически заканчивается: вместо выкупа ему светят пуля при задержании или пожизненное заключение. Это я про организатора говорю – у исполнителей, находящихся на борту, шансов нет вообще.

Но предположим, судовладелец каким-то чудом с первой попытки оказался именно таким – жизни моряков для него важнее всего прочего. Дальше-то что? Он должен сразу согласиться на требуемую сумму или может поторговаться? Но предположим, сговорились за пару часов или дней. Каким образом судовладелец выплатит Кроссу миллионы долларов или евро? Наличными? А как он их в банке возьмет, в Европе-то, при нынешних строгостях в борьбе с террором, наркотиками и отмыванием денег? Владельцы захваченных сомалийскими пиратами судов берут в банках деньги на выкуп гласно, да и то не все банки дают. На саму организацию сбора выкупа требуется немалое время, не одна неделя. Каждый день увеличивает риск того, что история будет раскрыта и станет известной, а тогда, повторяю, вся идея захвата с целью выкупа сразу теряет смысл, никто никакого выкупа не получит. Не будем забывать о родственниках моряков, которые, как в нашем случае, быстро поднимают тревогу.

Спрашивается, на что рассчитывал Кросс? На то, что у низкосидящего тихоходного судна окажется трепетный владделец, что удастся захватить и договориться в кратчайшие сроки, что владделец сможет быстро получить наличные миллионы, что похитители благополучно скроются, что всё это останется тайной? В центре Европы? Даже теоретически у Кросса не было никаких шансов.

Но дальше ещё смешнее. Кросс, узнав, что капитан успел сообщить о захвате, отказывается от операции и не выполняет своего обязательства эвакуировать пиратов. Судно в Балтийском море. Только что пираты захватили его с помощью лодки «Зодиак», которая никуда не делась. Балтика – это вам не Атлантика. Сели

в лодку, пожелали морякам приятного плавания и отправились себе, откуда пришли. Что за эвакуацию имели в виду наши писатели? Вертолетом? Подводной лодкой?

Я уже не берусь подсчитывать, сколько Кросс потратил на подготовку заведомо безнадежной, совершенно не просчитанной операции: это надо же – из простых людей с «криминальными склонностями» сделать в кратчайшие сроки спаянную команду, которая заткнет за пояс любой морской спецназ! Сколько он надеялся получить в виде выкупа, если так сорил деньгами при подготовке? Неужели каких-нибудь 2–3 миллиона?..

Но ладно, предположим, что черная натура Кросса проявилась во всей красе, он бросил своих подельников, и они решили провернуть операцию сами. Те, кто писал этот сценарий, со свойственными им непрофессионализмом и невежеством не утруждали себя вопросом: как пираты планировали покинуть судно с добычей, куда направиться дальше?

Остается предположить, что все 8 пиратов были полнейшими идиотами. Только идиоты могли звонить страховщикам в этот «Ренессанс» и требовать от них выкупа. Только идиоты могли перекрашивать судно – ведь они слушали хотя бы радио и хорошо знали, что про захват стало известно, что на их поиски брошены военно-морские силы России и не только. Что нормальный человек сделает? Рванет к ближайшему берегу и попытается спастись. Но не таковы пираты нашего эскапешного разлива. Они идут до конца и безропотно сдаются в плен.

Вот только как идиоты смогли осуществить сложнейшую операцию по захвату судна и угону его в Атлантику?..

На сегодня хватит.

Бангкок.

Елена Соколова

О себе:

Немного поработав после школы, поступила на географический факультет МГУ. Писать начала в аспирантуре. В настоящее время вынуждена жить в Подмоскowie (в сорока минутах езды от Киевского вокзала), здесь имею возможность зарабатывать на жизнь, однако чувствую себя костромичкой. Да и квартира с пропиской у меня в Костроме. А вообще моя родина – крохотный городок Нея в центре Костромской области. Это самое чудесное место на земле, самое волшебное и таинственное. Поэтому мечтаю когда-нибудь написать «Сказки костромского леса».

Публиковалась в журналах «Литературная учёба», «Работница», «Литературные незнакомцы», «Московский вестник», «Современная драматургия», а также в детских «Клёпе» и «Свирельке».

ВНЕШТАТНАЯ СИТУАЦИЯ

Неожиданные ситуации происходят не каждый день, а, скажем, раз в год или, у особо везучих, раз в жизни. Но всё-таки они случаются – вдруг, неожиданно, внезапно. И если человек, попав в переделку, не найдёт выхода, правильного и возможного, то его жизнь может перевернуться.

Вихрастый мальчишка нёсся сквозь редкий строй спешащих прохожих. Мы были для него флажками, которые требуется обогнуть, желательно не задев. И вдруг что-то случилось – с жутким грохотом мальчик рухнул на асфальт. Скорая помощь оказалась действительно скорой, и незадачливый лихач был увезён в больницу. Проводив машину долгими взглядами, бывшие флажки, и я в их числе, заспешили по делам. Однако происшествие, не изменив маршрута движения, поменяло ход мыслей.

Совсем маленькой, лет до десяти, я была по-мальчишечьи отчаянной, и если адреналиновых ситуаций долго не происходило, то я их создавала. А ещё не могла пройти мимо какого-нибудь заманчивого объекта, и всё тут! Впрочем, лазанье по деревьям и стройкам, полёты через руль с велосипеда, прыжки с сараев особого ущерба моему здоровью не приносили. А значит, и не огорчали. Ну не расстраиваться же из-за жалкого синяка или ссадины!

Но однажды во время купания мне наскучило просто плавать и нырять, поэтому я решила заплыть подальше, нырнуть поглубже и там перевернуться. Как в каком-нибудь боевике. Однако вскоре выяснилось – ориентироваться в толще воды дано не всем. И если бы я, закружившись среди мягких, словно вата, пугающе зелёных пространств, таких невероятно одинаковых, заметалась и закричала или, опустившись на дно, испугалась того, что в лёгких совсем не осталось кислорода, то моя история могла оказаться весьма короткой.

Через некоторое время опыт с перекувыркиванием был повторен, правда, мне хватило ума нырять на мелководье. После второй неудачной попытки, выбравшись на берег, я решила больше на воде не экспериментировать.

Потом, через много лет, способность сохранять спокойствие в шаге от смерти, обусловленная замедленной реакцией организма на опасность, спасла меня ещё раз.

Дело было в горах. Наша компания выбралась на обычную для обычных туристов прогулку. Но в горах, как и на воде, опасность повсюду, и маленький камешек, такой безобидный на первый взгляд, может оказаться роковым. В тот день я, падая долго и тягуче, летела в пропасть и думала лишь об одном: только бы никто не оглянулся! Мне повезло – все смотрели вперёд. Я – тоже, хотя почему-то видела не только свой последний маршрут, но и величественные хребты, застывшие траурными шеренгами, прощальные кудряшки облаков и даже бодро шагающих друзей. И уже на самом краю, перед тем как ухнуть вниз, я заметила кустик. Хилые прутики казались хрупкими, однако они выдержали мой вес.

Если с тобой случаются рискованные неожиданности, то ты начинаешь думать о них и однажды понимаешь: спастись можно лишь благодаря чему-то, что, прячась от повседневности, живёт в тебе и, словно игрушка на пружинке, выскакивает в критический момент. Тут либо пан, либо пропал. Приказы отдаёт подсознание. Мгновения решают всё. А испуг, слёзы, удивление приходят после. Если останется к кому приходиться.

Гораздо сложнее совершать ответственные шаги под руководством сознания, когда есть время подумать и – сказать, сделать, решиться.

Я впервые ехала в поезде. Одна. В купе. Поступать в институт. С попутчиками повезло: они оказались доброжелательными балагурами. Только после прогулки по вагону мне почему-то стало казаться, что мужчина, прежде весело шутивший, начал избегать моего взгляда. Не знаю, с чего вдруг, но, дождавшись, когда он выйдет покурить, я полезла в карман. Денег в кошельке не было. И что дальше? Возвращаться домой?

Чтобы обдумать ситуацию, потребовалось полчаса, не меньше.

– Мой кошелек в кармане плаща, – сказала я, удивляясь появившемуся в голосе металлу и тому, каким жёстким, это чувствовалось без зеркала, стал мой взгляд. – Сейчас я выйду на пять минут, а когда вернусь, то в нём должны быть мои деньги. Иначе я вызываю милицию.

И пусть после этого в купе повисло тягостное молчание, зато я поступила. И вернулась домой с подарками. Какой же счастливой я была тогда!

Когда человек вспоминает свою жизнь, спешка ни к чему. Погрузившись во все эти экстремальные события, которыми, словно вехами, размечена моя дорога, я однажды поняла, что самые страшные истории происходят не по вине стихии, а по людской небрежности.

Был тёплый вечер. Мы с подругой возвращались с концерта, радостные и оживлённые. Об опасности не думали: ведь было ещё не поздно, дорогу освещали фонари, и по улице ходили люди.

– Эй, вы, стойте!

Заболтавшись, мы не смотрели по сторонам, а потому удивились, увидев рядом с собой трёх незнакомок.

– Давайте сюда ваши сумочки! – потребовали они. – И серёжки с кольцами снимайте!

Любой нормальной девушке расстаться с сумочкой невероятно тяжело. Поэтому мы колебались. Однако грабительницы показали торчащие из кулаков лезвия ножей, на краткий миг блеснувшие отражённым электрическим светом. Не согласиться с подобным аргументом было глупо, но мы оказались неграмотными жертвами, к тому же загибнутыми блеском металла. И продолжали стоять, глядя в чужие кулаки и недоумевая: неужели это и есть ограбление? Такое неожиданное и такое обыденное.

К нашему счастью, девицы, видимо, тоже были неопытными. Или их удивило, что на свете живут дуры, которые могут колебаться между сумкой и жизнью. И тут внезапно до меня дошло, что от грабительниц вполне можно убежать. Если рвануть, то никто за нами не погонится.

– Ира, бежим! – шепнула я подруге, но та застыла каменным истуканом.

Пришлось свернуть крылья. И бег, который мог стать лучшим бегом моей жизни, не состоялся: оставить подругу одну было нельзя. И в этот момент словно рухнули невидимые стены, которые ножи воздвигли между нами и миром, я снова стала видеть и слышать. Боже, вокруг нас были люди!

– Мужчина, помогите! – заорала я, заметив проходившего невдалеке случайно прохожего.

– А в чём дело? – удивился тот, приостанавливаясь. Ещё бы, ведь со стороны мы казались компанией девушек, мирно обсуждающих свои девичьи проблемы.

– Они на нас напали! – наябедничала я, тыкая в сторону оторопевших грабительниц. Впрочем, в отличие от нас, они быстро сориентировались и бросились наутёк.

А однажды на меня чуть не набросился бульдог. Может, был он добрым и никого кусать не собирался, но на его морде читались серьёзные намерения. Мне повезло – я догадалась закричать:

– Какая симпатичная собачка!

Бульдог остановился, хотя скалить зубы не перестал.

– Хороший пёсик, красивый! И умный! – продолжила я. – А какие у пёсика карие глазки, чёрный носик, белые зубки!

Дифирамбы собачьим внешним и внутренним достоинствам пришлось петь до тех пор, пока не подоспела хозяйка. Уходил бульдог довольный, рывкнув на прощанье ласковое: «Гав!»

У собаководов я потом узнала, что бульдоги очень падки на лесть, только говорить надо убедительно, так, чтобы даже Станиславский сказал: «Верю!»

А ещё... Впрочем, хватит. Что-то и так набирается слишком много интересных воспоминаний. Видимо, жила я неправильно, а потому моя дорога оказалась забуренной, словно расчёска. Но, в конце концов, не такой экстремальной, как у одной моей подруги. Её уже избивали и грабили два раза. Выходит, жизненный путь некоторых людей может не единожды пересекаться с трассой, по которой шлёпают отморозки?

Стоп! Почему мне вспоминаются лишь благополучно завершившиеся эпизоды? Ведь если время от времени попадаешь в проблемные ситуации, то иногда ошибаешься. Случалось, я молчала, когда надо было говорить, и кричала, когда лучше было промолчать, плакала от обиды и злилась, обманутая. Порой выдержка мне изменяла, а реакция была неадекватной. Но ведь такова жизнь! К тому же система самозащиты, в отличие от инстинкта самосохранения, не является врождённой, а наращивается, словно мускулы, благодаря победам и поражениям. Так мне кажется. Поэтому из поражений я делала выводы, и не хотела о них больше вспоминать.

А все мои случаи... Наверно, кто-нибудь скажет: «Фу! Какая ерунда! Она просто не попадала в настоящие переделки!» Действительно, все эти моменты незначительны, однако любой из них мог стоить жизни. Или хотя бы здоровья. Но из всех внештатных ситуаций я вышла невредимой. И теперь знаю, что гораздо правильнее избегать опасности, чем находить выход и становиться победителем.

Вспомнив сегодняшнее происшествие, я подумала: «Бывает!», однако на всякий случай поплевала и постучала – за себя и за того вихрастого мальчишку.

КОГДА РАК СВИСТНЕТ

Андрею Мартыночку посвящается

– Почему это случилось? Почему это случилось со мной?

Опомнившись, я тревожно посмотрела направо, налево, стараясь понять по лицам окружающих: вслух были произнесены эти вопросы или они прозвучали лишь в моей голове. Однако народ держался спокойно, насколько это возможно после длительного стояния на автобусной остановке. В мою сторону не поглядывали исподтишка, как обычно смотрят на сумасшедших, любящих разговаривать на улице с невидимыми собеседниками. «Уф, кажется, пронесло!» – вздохнула я, и тут же в моей голове вновь запульсировало:

– Господи, за что?!

Однако не на всякий вопрос есть ответ. Некоторые вопросы только кажутся простыми.

Вот уже который день светит солнце, небо синее, словно после генеральной помывки, трава предательски зеленеет изумрудной свежестью, и даже облака, похожие на полупрозрачные клочки ваты, примостились на краю неба. Дождя, под который можно подставить лицо, нет. А потому, несмотря на вывернувшийся из-за поворота рейсовый автобус, мне приходится развернуться и поспешить назад, к зданию поликлиники, в скромный больничный скверик, туда, где меня никто не увидит...

Позавчера, когда врач равнодушно сказал, что у меня – опухоль, я, конечно, расстроилась, но как-то так, не очень – в тот день предстояло переделать кучу дел и голова отказалась думать на всякие посторонние темы. Проблемы я решала по мере поступления, и их было много без всяких докторов. Я так и не смогла найти нормальную работу. После того как наша жизнь полетела вверх тормашками, университетский диплом перестал что-либо значить, а у меня за время учёбы не образовалось нужных связей. Поэтому приходилось курьерствовать, трудиться уборщицей и фасовщицей, вкалывать на разных однодневных подработках. Но что поделаешь? Если и было в нашем тихом городе учреждение, где с людьми разговаривали грубо, так это биржа труда, куда меня тогда вызвали. Но, как выяснилось, вызвали по пустяку, а не для того чтобы предложить достойную вакансию. Я не успела выйти из кабинета, как специалисты по кадрам, две упитанные тётки с губами одинакового цвета, принялись болтать:

– Чистенькую работу им подавай! А где её на всех набрать?!

– Да уж, образование получают, а делать ничего не научатся.

До общения с ними я верила, что жизнь наконец налаживается, и потому диагноз прозвучал траурным маршем, тоскливым, печальным, но не моим. Словно идёшь по улице и вдруг встретишь похоронную процессию, проводишь её взгля-

дом и тут же, подавив душевный трепет, появляющийся при виде гроба и толпы скорбящих родственников, заспешешь дальше по своим бесконечным делам.

На следующее утро, посмотрев сначала в окно, а потом – в зеркало, я поняла: «Доктор ошибся». Яркий свет благотворен для оптимистических прогнозов. Но терапевт, ничуть не усомнившись в результатах УЗИ, послал меня к онкологу, а тот сразу начал говорить об операции.

– Откладывать на потом не стоит... – несколько раз повторил он, выводя в моей карте зигзагообразные каракули. У меня даже появилось чувство, будто он готов резать хоть сейчас.

Всё же есть у нашего времени и положительные моменты: например, рентген стал делом добровольным. Потому как дорогим. И если ты – безработная, то никто ни на чём не настаивает.

Из больницы я ушла с невысказанным, хотя и с подразумеваемым, напутствием – думайте! То есть ищите деньги! Однако в начале пути неподтверждённый диагноз лучше смертного приговора; да и, когда считаешь каждую копейку, трудно расстаться с несколькими сотнями.

Вернувшись домой, я приготовила ужин, посмотрела телевизор, поговорила с бабушкой. Так, ни о чём. Прежде мы не находили общего языка, не находили его и сейчас, просто она постарела и стала нуждаться в помощи, а я повзрослела и научилась не реагировать на её глупое брюзжание. Я даже быстро уснула, а проснувшись, неожиданно почувствовала: отныне моя жизнь станет иной.

Выдержки мне хватило лишь на завтрак.

– Куда это ты собралась? – сразу же насторожилась бабушка, приподнимаясь на постели. Уж не знаю, почему, но любую мою попытку выйти из квартиры она воспринимала в штыки. – Дома тебе не сидится!

– У нас закончилась картошка, – соврала я.

Как всегда, бабушка со мной не согласилась:

– И не нужна нам картошка. На обед я макарончиков хочу!

– Но ты ещё и ужинать привыкла! – отозвалась я от уже двери, лишая старушку удовольствия ежедневно-бесполезных пререканий.

«Только бы не встретиться с соседками», – молила я небо, сбегаю по лестнице. А слёзы, переполнив душу, заструились уже по щекам, и остановить их сил не было. Иногда человек способен выдержать нечеловеческое напряжение, но едва равновесие нарушится, как эмоции берут верх, и тогда не остановить жуткого срыва.

Говорят, что преступники любят возвращаться на место преступления. Я тоже поспешила к поликлинике, около которой почти всегда пустовал маленький больничный скверик.

Отгородившись от улицы белыми стволами берёз, я дала волю тупому отчаянию. И тихие слёзы перешли в рыдания – я заплакала навзрыд, во весь голос, без оглядки на то, что меня могут услышать.

Приступ продолжался долго, больше часа, затем я успокоилась, вытерла лицо и собралась покинуть своё ненадёжное убежище. Но тут из глубин подсознания всплыл роковой вопрос: почему? И слёзы полились вновь. Носовые платки, и из кармана, и из сумочки, давно были мокрыми, однако ручьи всё текли и текли.

Истерика – не лучшее времяпрепровождение. Пора было успокаиваться.

– Перестань! Хватит! – обратилась я сама к себе.

Однако скромная просьба не подействовала. Тогда я взмолилась:

– Успокойся, ну, пожалуйста!

Только та, сидящая внутри меня, успокоиться не пожелала. Она даже чуть не завывала истошно и утробно: «У-у-у!»

– Да что же это такое! – разозлилась я. – Разве можно реветь два часа?!

Вполне можно, как оказалось. Прежде я совершенно не предполагала, что в женщине таится такая масса слёз!

– Не плачь! – продолжала я увещевать свой непослушный организм. – На кого ты стала похожа?! Хочешь, чтобы появились морщины?!

Но и этот безотказный аргумент не подействовал. Наоборот, он вызвал новый приступ отчаяния. Когда подумала: «Не всё ли равно, какой лежать...» – я, прижавшись щекой к берёзовому стволу, зарыдала ещё безутешней.

Некоторые доживают до глубокой старости и умирают в своей постели, окружённые детьми и внуками. Несчастья происходят не со всеми. И никто не знает, почему одним везёт, а на других, как из рога изобилия, сыплются проблемы, неудачи, болезни... Отчего такая несправедливость? Нет, я совсем не хотела, чтобы рок переадресовал мою болезнь кому-то другому. И я знала, что никто и никогда не ответит на эти вопросы, однако продолжала шептать, истово и отчаянно: почему? за что?

Пора было возвращаться домой, но как появишься перед бабушкой плачущей и несчастной? Сказать ей правду? Ни за что. Хотя о несчастье говорить хочется. Ведь у нас, у женщин, горе, выплеснутое со словами, уменьшается. Только бабушка была не тем слушателем... К тому же в словах утешения или ободрения я пока не нуждалась. Если беда слишком велика, то её, прежде чем обнародовать, нужно сначала перемолоть, словно зерно, между жерновами собственной души.

«Сколько ещё проживёт бабушка – полгода, год, – думала я. – Не стоит её огорчать. Пусть она так и не узнает плохих новостей».

И снова, будто кого-то постороннего, я принялась уговаривать себя – успокойся! Но доводами разума слёзы не остановить. Отчаяние сильнее слов.

Наступил ужасный период – я могла заплакать в любой момент. Уговоры и внушения не помогали. И у судьбы я стала просить лишь об одном – чтобы слёзы прорывались не дома. Это только вначале имеет значение, что будут думать люди о плаксе, одетой в мою одежду и с похожим на меня лицом, а потом понимаешь: мой долг – скрыть от бабушки страшный диагноз. Пусть продолжает, если ей от этого становится легче, укорять меня не гарантирующим работу образованием и находить многочисленные недостатки.

В один из вечеров, который мы с бабушкой коротали дома, сидя каждая в своём углу, в квартире раздался телефонный звонок. От неожиданности я даже вздрогнула. Вот ведь какая штука: если у тебя всё хорошо, то телефон трезвонит без умолку, а стоит произойти неприятности, как он замолкает.

– Ты куда исчезла? Уж не на Багамы ли махнула?

Голос подруги вибрировал ехидными модуляциями, а я, вцепившись в трубку, испугалась – как бы мой не задрожал.

– Собираемся в шесть, как обычно, – сказала Таня.

– Что? – растерялась я. Крохи земных удовольствий, сгорев, серым дымом растаяли в небе. Увы, я совершенно забыла, что у людей бывают дни рождения. – Ах, да! Что ты, я всё помню! И даже подарок приготовила. Нет, не скажу, ты увидишь его только в субботу.

Это была наглая ложь. Подарок лежал где-то на магазинной полке, и мне, страшащейся выходить в места скопления людей, теперь предстояло его найти.

Таня встретила меня возгласом удивления и не отстала до тех пор, пока я не призналась, отчего выгляжу распухшей ведьмой.

– Ну ты даёшь! – протянула она. – А что говорят врачи? Можно ли надеяться на выздоровление?

Меня всегда удивляло, почему бабушка и Таня – не родственницы. Они были странно похожи и часто говорили так, что сквозь ткань обычных слов проглядывала грубая, злая изнанка. Но я слишком долго молчала – и меня понесло. С воодушевлением принялась я пересказывать, что говорил мой лечащий врач и какие процедуры нужно будет пройти, но тут глаза у подруги стали отсутствующими, и она выпорхнула на кухню. «Проверить, не сбежала ли жареная курица», – поморщилась я. Но Таня была права.

Первые десять минут застолья внимание гостей было целиком приковано к моей персоне: на меня смотрели, кто с сочувствием, кто испуганно, и спрашивали, как я себя чувствую.

– У тебя ничего не болит? Совсем ничего?

Потом хозяйка, видимо, решив напомнить, чей сегодня праздник, авторитетно изрекла:

– Синие круги под глазами у тебя и раньше были. И ты ничуть не похудела. Как была плюшкой, так ей и осталась.

Это стало ушатом ледяной воды, отрезвляющей и укрепляющей дух. Возмущение вытеснило жалость к себе, к тому же гости уже смеялись над очередной Таниной колкостью. И рядом с ними всё плохое забылось. Моего настроения хватило даже на то, чтобы прокричать тост за именинницу. Но едва из динамика зазвучал голос Джо Дассена, поющего о падающем снеге, как отчаяние вернулось. Сначала я ринулась в ванну, где попыталась переждать слёзный ливень, а затем, когда поняла бесполезность всех усилий, тихо проскользнула к двери. И никто не заметил моего исчезновения.

Больше мне не звонили и в гости не звали. Да я и сама не хотела ни с кем встречаться. Зачем позориться? Чьи-то печальные глаза, слово, мелодия – и я начинала реветь. А ведь это всё-таки ужасно, когда друзья или просто знакомые видят, как от набегающих слёз твоё лицо начинает скукоживаться.

За всеми этими переживаниями я совершенно забыла о Диме, а он, оказывается, приехал домой. Наверное, как всегда, ненадолго. Теперь многим в поисках работы приходится покидать родные места. Я увидела его на улице; он стоял с Таней, и они весело смеялись. Я тотчас дёрнулась, чтобы выйти, но потом плюхнулась назад на сиденье. С какой стати выскакивать из автобуса, если спешишь? Впрочем, и если не спешишь – тоже. Раз не звонит, то зачем напоминать о себе?

А ведь совсем недавно всё было иначе. Наш роман начался под Новый год, и моя душа пела. Я строила обычные женские планы, но теперь об устройстве личной жизни можно было забыть. К тому же стало понятно: Дима – не тот мужчина, на поддержку которого могла бы рассчитывать больная женщина. Когда слышишь слово «опухоль», то всё ненужное, словно хвоя с ёлки, простоявшей в доме до марта, осыпается, и ты становишься мудрым, как древнее божество, пронизывающее людей своим третьим глазом.

Сейчас я нуждалась не в любовном приключении, а в надёжном плече. У Димы были накачанные плечи, а также бицепсы и трицепсы. Он нравился женщинам, таким же дурёхам, как и я. И брось он меня прежде, до диагноза, я бы долго страдала. А теперь это не выжало из меня даже пары слабосолёных слезинок. Я только вздохнула, что вот опять увлеклась неподходящим мужчиной, и вспомнила о Толике.

Толик был из тех, кого называют хорошими семьянинами – с оттенком пренебрежения, особенно юные девушки, ещё не успевшие обжечься на роковых красавцах, с которыми так весело гулять, но жить с которыми – невозможно. Я тоже была глупой и больше смотрела на то, что снаружи. И где теперь мой Толик, искренне любящий и мечтающий о семье? Он бы никогда не бросил... Но что жалеть об упущенном? Упущенного не воротить. С того дня я стала думать о Толике и о том, как сложилась бы моя жизнь, если бы я не обидела хорошего человека.

Дни шелестели страничками из медицинской карты и были такими же непонятными, как и почерк врачей. Я жила и слышала только свой внутренний голос, который бесконечно повторял: ты скоро умрёшь. Однако что значит умереть – сколько я ни старалась, понять не могла. Как может этот мир не исчезнуть вместе со мной? Меня не будет, а он останется? Такой же прекрасный, как сегодня, только без меня?

Как-то совершенно незаметно я научилась смотреть на себя глазами постороннего. Жаль, что такое зрение проявилось слишком поздно. Это ведь ужасно – вдруг осознать: я неправильно жила, не с теми дружила, не тех любила – и не иметь возможности исправить.

Нужно было строить жизнь, как каменщик – дом, а не ждать птицу счастья.

Однажды ночью я долго мучилась, пытаюсь уснуть, и вместо того, чтобы считать баранов, принялась представлять себя лежащей в гробу... Однако, сколько я ни напрягалась, воображение отказалось рисовать картину собственной смерти. Поэтому в ближайшее воскресенье, сказав бабушке, что иду на рынок, я отправилась на городское кладбище. Только вот поверить, будто здесь скоро появится холмик, на дощечке над которым напишут мои имя-фамилию, было невозможно. Вот она я! Живая и невредимая! Вечная! Я ходила между могил, читала эпитафии и подсчитывала, сколько лет прожили нашедшие тут пристанище люди. Это занятие оказалось невероятно интересным. Вскоре я заметила странную закономерность: чем дальше были могилы от входа, тем больше молодых лежало в земле, словно лет десять назад всякие аварии и болезни начали активно размножаться.

Около памятника однофамилице, умершей в двадцать лет, мои ноги притормозили. «Она была моложе меня...», – испугалась я, и на мгновение мне стало стыдно. А потом жажда жизни победила, и я тихо заплакала, жалея себя и эту незнакомку, уже два года как ушедшую на небо. Красивая и весёлая. Наверное, мечтала о счастье. И могилка ухоженная, видно, сюда часто ходят. А кто будет ходить ко мне?.. И вдруг – совершенно неуместно – мне вспомнилась сказка о жадном радже и антилопе, из-под копыт которой летели монетки. Раджа, засыпанный золотом, не выдержал и закричал: «Хватит!». В детстве я любила рассматривать картинки из этой книжки, а сейчас подумала: «Человек должен умирать лишь тогда, когда решит – всё, хватит, я устал жить!»

С моим чувством жалости произошли странные метаморфозы.

– До чего дожили, – ворчала на ночь глядя бабушка, – самолёты падают чуть не каждый день. То ураган, то авария. Скоро людей на земле не останется.

А я лежала и завидовала погибшим – им не пришлось мучиться, стоя в очереди к смерти. Раз – и тебя не стало. Возможно, они даже не успели понять, что сейчас умрут. «Жалеть надо не их...», – мысленно стонала я, вгрызаясь в комковатую, сырую подушку. И тут где-то на самом доньшке души появилось чувство сладости – сладости от боли, от жалости к себе, от чего-то ещё неведомого и расплывчатого, что не понимаешь, что не хочешь понимать.

Хотя праздник 9 Мая уже прошёл, я всё чаще стала думать о войне. Когда была маленькой, то знала: если что – пойду защищать Родину. Но теперь в своей храбрости я уже сомневалась. Расстаться даже с тем огрызком жизни, которым располагала, было невозможно. Поставить тело под пулю, броситься на гранату – и умереть... «Нет, не смогу».

Начала приглядываться к старикам, особенно к тем, чей возраст перевалил за восемьдесят. Им пришлось жить в страшное время – время братских могил, хлебных пайков и ватных телогреек, а они по-прежнему цеплялись за жизнь, ради нескольких сэкономленных копеек ездили за хлебом на другой конец города, собирали бутылки... Они боролись. И я тоже готова была биться за каждую секунду своего существования, а ветеранов – жалела, потому что их, переживших Вторую мировую, нещадно трамбовали, и они, обессиленные и больные, могли лишь издалека наблюдать за роскошью новой жизни. Это было несправедливо, а любая несправедливость была для меня отныне всё равно что слезоточивый газ.

Случилось непредвиденное, но обычное для последнего времени нововведение – врачи перестали принимать больных без медицинского полиса. Боли меня пока не беспокоили, зато анализы и рентгены уже подточили мои и без того хилые сбережения, поэтому пришлось бегать по учреждениям, брать позорные справки о своей ненужности, то есть о том, что я – безработная, но зачем-то жаждущая оформить полис.

В глазах бабушки, с дивана наблюдающей за моей суетой, стало появляться некое всезнание. Глядя, как я несу ей поднос с ужином, она могла задать какой-нибудь каверзный вопрос:

– Почему перестали звонить твои подруги? И что это ты на витамины налегаешь?

Либо ещё того хуже – поймав мой взгляд, бабушка произносила:

– Побледнела-то как! Видать, загар к тебе не пристаёт! И похудела – одни рёбра торчат!

Очень любила она поговорить с соседкой, и я была для неё не главной, но одной из обязательных тем.

– Все дни где-то пропадает, – жаловалась бабушка. – И молчит, как бука. Со мной словечком не перемолвится.

Что я могла сказать в своё оправдание? То, что подругам не интересны медицинские байки, а мне – их обычный женский треп? Или то, что стараюсь прятаться от солнца? Но уж точно не то, что боюсь с ней говорить, потому что мои слёзные железы функционируют по неведомым мне законам.

И всё-таки мир не без добрых людей! Мой давнишний друг, живущий в Москве, договорился со знакомым врачом, и у меня появился шанс узнать свою судьбу у лучших в нашей стране специалистов.

Когда я объявила, что еду в Москву, бабушка запрочитала. Наверное, сделать это надо было за час до поезда. Впрочем, может, я и действительно стала чёртовой и неблагодарной... К тому же надежда сделала меня ещё и бесчувственной. По крайней мере, от бабушкиных слов в слёзы меня не бросило, хотя виноватые глаза бездомной собачонки, инвалид в коляске или сломанная у берёзы ветка по-прежнему вызывали жуткие приступы рыданий.

Состояние щемящей жалости к себе закончилось так же внезапно, как и началось. В центре онкологии нас, получивших вызов на тот свет, было так много, что мой организм наконец-то успокоился. Я нашла нужную дверь, заняла очередь, и тут пожилая медсестра провезла по коридору противно дребезжащую каталку,

на которой лежало маленькое укрытое одеялом тельце. Девочка ещё оставалась здесь, с нами, хотя уже шагнула и туда. Она лежала, откинув правую ручку в сторону, и безразлично смотрела в потолок. Думают ли в таком состоянии, и если думают, то о чём, – я пока не знала. Потому что живым этого знать не нужно.

Около онкоцентра тоже был маленький скверик. Наверное, их разбивают специально, чтобы человек, вдруг превратившись из пациента в больного, мог прижаться к тёплому, шершавому стволу и, не боясь, что его не дослушают, посетовать на судьбу, отмерившую испытание болезнью. Плакать не хотелось. Я прошла по аллее – под ногами зашуршали сухие листья. «Осень, – удивилась я. – Когда она успела наступить?» Ведь буквально вчера, когда, словно колокол набата, прозвучало это страшное слово – «рак», была весна!

Мы, как листья, как всё на земле, приходим в этот мир, а потом уходим. И пусть отпущенный нам срок кажется иногда слишком коротким, пусть. Но это не так. Даже год может стать вечностью. А если хотел совершить что-то грандиозное, но не успел... печально, но не смертельно.

Ведь жизнь продолжается!

Кострома.

Ольга Андреева

О себе:

Родилась на юге Украины. Закончила факультет «Мосты и тоннели», сейчас проектирую автодороги в Ростове-на-Дону. Автор четырёх поэтических сборников, лауреат конкурса «Перекрёсток-2009» (Дюссельдорф), финалист конкурса «Литературная Вена – 2009». Публиковалась в журналах «Нева», «Дети Ра», «Ковчег» (Ростов-на-Дону), «День и ночь» (Красноярск), «Дон и Кубань» (Ростов-на-Дону), в газете «Труд», в альманахе «45-я параллель» (Москва), в газете «Зарубежные задворки» (Дюссельдорф), в альманахе «Светочъ – 2009» (Рига), в областной печати, в различных электронных изданиях.

Ростов – Москва

ПОЕЗД «РОСТОВ – МОСКВА»

Что ты нахмурилось, лето? Гляди веселей –
рябью запуганной тихой реки-недотроги,
ровным пробором лимонно-зелёных полей,
схваченных узкой серебряной лентой дороги.

Я разгляжу торичеллеву нищету,
мокрые избы и церкви, забытые Богом,
словно в плохой мелодраме – возьму и сойду
где-то на маленькой станции Сбоку Припёка.

Выброшу сборник сканвордов «Реши для души».
Где-то под горкой пронзительно вспыхнули маки.
В этом раю, в обойдённой странею глуши
что-то о вечности ведают даже собаки.

Я разыщу под Рязанью заброшенный пруд,
дрянь заросший – и время замедлит скольженье,
и полюблю монотонный бессмысленный труд –
тот, для которого в мире используют женщин –

надо же что-то любить в этой жизни. Весну,
шок половодья, березки, ромашки, колодцы,
буду грибы собирать, ежедневно тонуть
в сладко-дремучем алёнушкином болотце.

Что-то библейское в лицах людей на заре.
Только меня недозревшее солнце не греет.
Эти леса, заливные снега в ноябре,
видно, уже никогда не признают свою,

выбросят – в скорый, грохочущий мимо судьбы,
в рокот метро, формирующий клиповость мысли.
Буду колодцы и маки, пруды и грибы
переключать на экране компьютерной мышью...

* * *

Под насыпью, во рву некошеном...

А. Блок

А снег так и не выпал. Он кружил
над городом в сомненье и смятенье,
носился над землёй неверной тенью,
но не упал. Лишь холодом до жил
ночь пробрало. Жестокая звезда
бесстрастно щекотала гладь бетонки,
а снег, потупясь, отлетел в сторонку
и выпал в Нальчике. Чужие поезда

вдруг осветили – человек лежит
в кювете. Но такому контингенту
не вызвать «скорую», как будто чья-то жизнь
отмечена печатью секунд-хенда.
Я откуплюсь от нищих и бомжей,
всем – по монетке. Спи, больная совесть.
Сам виноват. Смеркается уже,
пора домой, пока есть дом. А повесть

его проста. Сам виноват. Не я.
Перед собой. А я – не виновата
перед собой? Тащить – тяжеловато.
Невыносима лёгкость бытия*.
А снег нас не прощает. Наши сны
не смяты ни виною, ни любовью.
Он где-то засыпает – до весны –
и ангел засыпает в изголовье.

* * *

День такой, что, возможно, случится –
сбросить ношу и встать в полный рост.

* «Невыносимая лёгкость бытия» – роман Милана Кундеры.

Странным зрением видишь жар-птицу –
и хватаешь за радужный хвост,
ускользающий. Пёрышко вьётся
на ветру, исчезает в заре,
но сиянье в тебе остаётся –
ты был нужен ей в этой игре,
завербован, уже несвободен –
зреет плод в изумлённой душе,
может, только на это и годен,
не скупись, ты ведь понял уже –
изначальный посыл неприемлем,
мир под нас не заточен никем,
но особый твой месседж не дремлет –
что-то вертится на языке,
чуть горчит, будто корень имбирный,
забирает щенячьей тоской,
а потом прирастает – сибирью,
ниагарой, судьбой, лепестком...
Из пелёнок, сомнений, простуды
вырываешься на полчаса,
на просторах нетяпанной тундры
разведёшь полыхающий сад.

* * *

Я тогда умерла, я всегда умираю по-честному,
не рисуюсь, не прячу надежду в прикрытых глазах,
не подсматриваю. Ведь и впрямь ничего интересного –
как он там без меня отпускает свои тормоза.
С наслаждением использую всё превосходство неведенья,
оба метра его обаяния глубже загнав
в подсознание. Лысый пейзаж из бетона, созвездия
в перевёрнутой бочке вселенной – до скользкого дна.

Ты меня не хвали, я не сильная, это инерция
воспитанья и страха – меня наградили волхвы
щедрым даром притворства. Послушай – секунды и терции
рассекают эфир с космодрома моей головы.
Овладей мелкой техникой шага и сердцебиения,
есть одну чечевичу и яйца – учиться молчать
даже в мыслях. Чтоб мир не взорвался – принять с упоением
ежедневной кровавой развязки заката печать.

Наковальнями да колокольнями близится раннее,
беспризорное утро. И вижу, очнувшись от сна, –
что-то выше распятия, выше святого сияния,
выше сетки паучьей в небеленом своде окна

* * *

Простой и вечный – в генокод записан
 закат над морем – где мне удержаться?
 Уловлена. На этом мокром пирсе,
 на облаках – нечитанных скрижалях –
 оно пройдёт, оно уже проходит,
 твоё земное, – так не стой, иди же,
 волна всё смоеет, время переписшет
 твой черновик – но чайки нервный хохот,
 упругость гальки – цепко держат взгляды,
 и годовые кольца свежих срубов
 так ждут руки, твои шаги – награда
 для волнорезов варварских и грубых.

Увы, мы предсказуемы. Сверяйте
 все даты и законы, сны, приметы –
 всё сходится. Всё будет повторяться
 в веках – и так до будущего лета,
 пока опять пронзит – и ток по мозгу,
*и станет львом верблюд, а лев – ребёнком**
 с волшебной флейтой, и на голос тонкий
 пойдёшь по недостроенному мосту.

* Из Ницше.

* * *

Ты можешь подвести коня к реке,
но ты не можешь заставить его пить.

Восточная мудрость

Воскресение. Чайно-ореховый омут
глаз напротив. Как редко играем мы с ней!
Наши шахматы можно назвать по-другому,
потому что Алёнка жалеет коней –
и своих, и моих. Отдаёт, не колеблясь,
и красавца ферзя, и тупую ладью,
но четыре лошадки, изящных, как лебеди,
неизменно должны оставаться в строю.

От волнения у пешки затылок искусан,
в каждой партии странные строим миры.
Я иду вслед за ней в этом важном искусстве,
я учусь выходить за пределы игры.
Надо выдержать паузу, выдержать спину
и подробно прожить откровения дня.
Эта партия сыграна наполовину.

В ферзи я не хочу. Отыграю коня.
Торжество справедливости – странная помесь
пустоты и досады – сквозь пальцы улов.
Выхожу на спираль – если вовремя вспомню,
что *великий квадрат не имеет углов**
Ни корон, ни дворцов, ни слонов, ни пехоты,
перейду чёрно-белых границ череду,
распущу свою армию за поворотом
и коня вороного к реке поведу.

* * *

Лапкой куриной начертаны в мокром песке
шесть иероглифов – Сэй-Сёнагон отдыхает.
Где эта вздорная курица ныне порхает?
Вольного неба тебе и дыханья в строке!
Это не лестница вверх и не соты пчелы,
подвиг трёхмерный творящей с упорством завидным,
это попытка нащупать в пространстве узлы,
точки прорыва, каналы. Снаружи не видно
вечной готовности всем пренебречь и пролечь
вдоль по лучу, растворив анфиладу засовов,
словно стрела Одиссея – двенадцать колец
словом пройти и найти потрясённое слово,
волка с луною роднящее... Главное – быть.
Нам не дожить до конца фельетонной эпохи,
но спасены навсегда от нелепой судьбы
жертвой безмолвной стоять на краю катастрофы.

* * *

Вишня – в собственной пене, в стыдливом огне,
в нереальном мерцанье зелёного с белым,
вся в себе, и поэтому только – во мне,
этот свет, эта боль, этот зов... Это – Белла,
потому что мосты кружевами и сон
над рекою, и время мороженым тает.
Я опомнюсь, спасусь, отвлекусь, опоздаю,
неизбежно ударюсь о землю лицом.

Ежеутренний бег от себя и к себе,
ежедневное рабство почти добровольно,
ежеутренний бес ухмыльнётся в толпе –
то ли клык, то ли пирсинг на нижней губе.
Лепестки осыпаются – разве не больно?
Что-то веточка чертит на голубизне,

*Из «Дао-де-цзин».

словно Сэй-Сёнагон в заповедной тетради –
 многомерное, хрупкое, вскользь... Это – Надя
 смелым лучиком. Утро приходит извне
 и кривить не умеет. Покроюсь корой,
 но оставлю открытым рубец на востоке.
 В инстинктивной попытке согреть свою кровь
 бледной ящеркой вытянусь на солнцепёке.

* * *

Пусти меня погреться, Диоген!

Э. Леончик

мой зонт –
 мой надёжный и маленький дом
 потом
 будут стены и дверь, а пока –
 кап – кап
 японской эстетики «просто цветка»
 не стоит менять
 всё равно не понять
 излишества юрты, вигвама, дворца
 зачем? Я сегодня не прячу лица
 входи!
 бомжи?
 бездомности как состоянья души
 в нас нет... почти
 мы храним *постоянство пути*
 мой зонт –
 батискаф, уплывающий в мир (иной?)
 смотри –
 в нём по кругу одно
 окно
 и слегка
 сыроваты полы
 из веток, песка
 и сосновой иглы
 циновка из клёна
 и хокку Басё
 и всё...
 улитка?
 не хлопать калиткой,
 не щёлкать замком...
 в мой дом для счастья
 я немного
 озона возьму и часть
 притяженья земного...

* * *

«Я тебя отпускаю».
На самое дно?
Как из лодки младенца –
пусть учится плавать.
Или учится плакать –
не всё ли равно,
как взрослеть?
Так и ты, нахлебавшись по праву
молока и просоленной горькой воды,
шепчешь скованным ртом –
«далеко ль до беды?»
Ну и что? Ты ведь тоже рождён от любви –
Не цепляйся за лодку! Пльви!

Никого не зови – не спасут.
В этом суть.
Ни одной безопасной тропинки в лесу,
безобидной травинки в лесу ни одной –
но когда золотой колокольной стеной
встанет клён, и легко задрожат на весу
сотни пальчиков-листьев –
забудешь спросить,
справедливо ль настроены эти весы...

Это только свобода, речная вода
без пути и следа.

* * *

Я глазами люблю. Ты мне на уши вешай-не вешай
серпантин и спагетти – тебя я не вижу пока.
(Посмотри «Аватар»!) Я приму этот вечер на веру
и беспечно сгорю в травоядном огне языка.

Я волнуюсь всегда. У меня волновая природа,
не прими на свой счёт. Я почти не бываю собой,
я ведь многое знаю о страхе. Тапёр, не юродствуй,
постыдись, приглуши, лучше вовсе по-русски не пой.

Ты красиво хрипишь – хоть фальшиво, зато неритмично,
и не мне тут камнями кидаться – я, что ли, не вру?
Я смирюсь с негативной модальностью этого китча,
Устаканится наше цунами, отпустит к утру.

Взгляд направлен на юг, как китайского компаса стрелка.
Там сейчас водопады и крокусы – глубже дыши!

Я глупею на солнце – до искренней радости мелкой,
до песчаного дна непрактичной славянской души.

Всё идёт под откос – хоть замешено серо и прочно.
Мир причешет беззубой гребёнкой, стремясь к простоте.
Только я ну никак не впишусь в пищевую цепочку.
Всё идёт под откос, но пока... Говори, что хотел.

* * *

Говоришь, Тебя нет?
Тогда чей это след на воде?
Чей упрямый отрывистый почерк на белом листе?
Я пройду, отражаясь, по зеркалу веры, паркету
мелких волн и сомнений, стараясь не думать – а где
твердь расступится и рассмеётся в глаза мои, где
уличишь меня в тягостном непониманье предмета?

Это город детей.
Их хотел погубить Крысолов,
только Ты не позволил.
Вдали от унылости взрослой
начинается детство пленительной негой цветов –
что же злым стариком вырастает твой трудный подросток?

Этот город не страшный.
Он просто смертельно устал
от возни мародёрской в его ослеплённых кварталах.
И глаза изумлённых оттенков тускнеют, как сталь
на морозе, в себя принимая смиренность и старость.

Победила неправда.
А правда в дырявом пальто
шла по голому лесу за скудным своим интересом.
Роковую бездарность к пленительной жизни цветов
в словаре целомудренном мы называем прогрессом.

* * *

Узнаю тебя, жизнь, принимаю...

А. Блок

И кризис, и холодная зима –
но есть БГ. Семь бед – за все отвечу.
Наушники не стоит вынимать –
без них так страшно. Нелогичен вечер,
негармоничен – этот лягз и визг

недружественный, слякоть, оригами
двумерных ёлок, плоских, грузовик
наполнивших рядами, штабелями,

и радио в маршрутке. Стёб да стёб
кругом. И кризис бродит по Европе.
Бьёт склянку колокол. И музыка растёт
в наушниках. Свободна от оброка
произнести, не применяя ямб,
тот монолог, что сам в меня вселился.
Мороз крепчал – надёжный старый штамп,
мороз крепчал – и Чехов веселился.

Её материал – сплошной бетон,
а ты в него вгрызаешься зубами,
пока не разглядишь, что небосклон
не над тобой уже, а под ногами,
вкруг, везде... И призраки мостов
встают в тумане. Встречных глаз унынье.
Звезда над филармонией. Ростов –
сверхперенаселённая пустыня.

По мне звонит в кармане телефон.
Спасибо. Доживём до новых вёсен.
Я принимаю, узнаю, и звон
мобильника приветствует – прорвёмся.

Ростов-на-Дону.

Елена Зайцева

Сияние

Первой из работ по звукоцвету мне попала статья А.П. Журавлёва (что понятно, – его «статистический метод» уже классика, по нему считают и считают):

*«...Не жаль мне лет, растраченных
напрасно,
Не жаль души сиреневую цветъ.
В саду горит костёр рябины красной,
Но никого не может он согреть.»*

В этом месте стихотворения собрано самое большое количество ударных А подряд. Их пять, считая конец предыдущей строфы. Сверкание красных А, поддержанное звукоподражанием (растраченных напрасно звучит как раскаты грома), разыгрывается на мрачном фоне, созданном нагнетанием У в словах души, сиреневую, в саду...»¹.

Красиво, конечно, – если видеть «А» красными (как, по Журавлёву, большинство видит). Но у меня-то они белые, и это всё портит – речь ведь не столько о сверканиях, сколько о драматизме, контрасте, страстно-красной буре. Мой белый таких бурь не

даёт, выхожу я «дальтонином». Но это ещё ничего, ведь есть и «незрячие», те, у кого этих связей звук-цвет просто не возникает. Получается разброд какой-то и куча инвалидов по зрению. И это при том, что автор хотел как раз обратного, сфокусировать, сказать: вот такую картинку мы видим...

Но не видим. Такую – нет. Не может эта картинка расти из того, кому какого цвета «А» или «Б» покажется, скорее наоборот, это наши А/Б-ассоциации, попадая в текст, попадают в зависимое положение. Они как бы редактируются (значением, настроением, окружением), и вот это-то «редактирование» понастоящему и важно.

Громы и молнии – хорошие оправдания для красной «А», но нужны ли они в этой «Роще...»? Стихотворение-то пассивное, усталое, «сожаленческое».

Эта безвозвратность, тупиковость заволакивает любые цвета. Картинка вряд ли будет сверкать или громами раскатываться, она получается приглушённой, сниженной – эмоционально и по цвету, что, в общем-то, одно и то же (в конце концов, цветное в стихах – это чувство, больше ничего, больше ни для чего оно не нужно)...

«Личные цвета» подчинены общему тону. Такое подчинение и позволяет

¹ В кн.: «Звук и смысл». – М., Просвещение, 1981. В Интернете: <http://www.classes.ru/grammar/169.Zhuravlev/source/worddocuments/28.htm>

нам понимать, а не выдумывать, не растаскивать на «личные ассоциации». Это своего рода координаты, заданности, и если мы их не видим, не улавливаем, то стих насмарку, всё мимо, и не поможет тут никакой «цветной слух»...

Настоящая роща, та, по которой я иду, – не может быть «мимо». У меня хорошее настроение, день солнечный, вот и роща замечательная, а когда наоборот – так и роща унылая, каждое дерево не на месте. Настоящая роща – она *любая*. Есенинская «Роща...» конкретна, она *именно*: не протест, а сетование, не молнии, а седина. Что тут происходит с моим «личным цветом»: мои белые «А» становятся седыми, туманными, сероватыми. В «*растраченных напрасно*» ничего не рычит – не грохает, это печальная растрата, утрата. Соответственно и звучат и «выглядят» эти «Р» – не ярко, не красочно. Даже в «*костре рябины красной*», – ведь он «*не может согреть*», это какая-то тень костра, то, про что говорят – одно название. То есть рябина-то как рябина, конечно, просто из этого нашего состояния уже невозможно воспринимать что бы то ни было в чистом и сильном цвете. Если мы впустим, «пририсуюем» сюда какую-то экспрессию (вспышки, громы-молнии, бурное негодование какое-то), это будет искажение, фотоп. Картинка «с потерями», уже не Есенин, что-то «по мотивам»...

Искусство конкретно, оно тяжело своей конкретностью, – поэтому его и не любят. Любят эти «по мотивам», где становится всё можно.

– Да я, в конце концов, так понимаю! Да ведь и автор как-то по-своему понимал!

Автор, конечно, по-своему понимал, – и по рощам бродил, и всё на себя перекраивал, – в общем, жил. Но всё его письмо – разворот этого узенького «по-своему» на что-то большее (об этом и «произведение лучше автора», об этом и «вдохновение»)...

А что такое этот «тандем» – автор-читатель? Они ведь не друг на друга настраиваются, а на что-то третье, на *вовне*, или, скорее, на *над*, – это «третье» больше, выше обоих, и тому и другому дотягиваться надо. Зато такая «вертикальная связь» не требует совпадений «по горизонтали», межличностных каких-то соответствий. В случае звукоцвета: нет никакой необходимости, чтобы совпадали «алфавитные» ассоциации автора и читателя. Наше белое-чёрное-зелёное становится текстом, и тон задаёт уже он...

У Ольги Абакумовой есть рассказ «Служанка»². Это «рассказ-имя», там много отношений, оттенков отношений, цветов, оттенков цветов – и много этого имени: Лика, Личка, Ликуля. Когда Лика появляется, она «красная» («*одетая почему-то во всё красное – красный, домашней вязки, джемпер, красная длинная юбка, красные полуботинки, красное стёганое пальто, красный крестьянский платок*»). А надо сказать, в имени «Лика» – для меня – ни одной красной буквы (голубая, синяя, тёмно-синяя, белая). Что происходит: «К» нагревается, буквально как металлическая раскаляется, становится этим красным, который и освещает, окрашивает всё имя. Хорошо, прекрасно, что всё это происходит, и это *обязательно*. Обязательно что-то должно было произойти, иначе бы я ничего не поняла, ничего не увидела: Лика приходит именно «красной» – и эмоционально тоже. Напряжённой, яркой, *отличающейся и поэтому замеченной*.

Но вот Личка довольна. Расслаблена, ласкова, благодатна. Одета во что-то лёгкое, ситцевое, в синий цветочек. И тут же моя «К» перестаёт гореть. Возвращается в своё тёмно-синее состояние, в своё рядовое, обычное, не главенствующее состояние. Я вижу

² В Интернете: <http://topos.ru/article/6703>

голубое, синее, белое, свои привычные «Л», «И», «К», «А» (плюс «Ч», когда «Личка», – смягчение, растушёвка)...

Текст ведёт, он показывает, он – порядок, который соблюдаю я, который соблюдает автор. Мы знаем, что значит «Лица», а что – «Личка», это наше общее на территории текста, наше *вместе*. Может быть, это общее – самая большая наша ценность. За территорией-то бардак, невнятность, отдельность. Я не знаю, что значит «Леньчик», ласково оно или иронично. Для меня, ко мне – это вообще не обращение, я никак себя с этим «Леньчиком» не соотношу. А ты не знаешь, что значит *даже* *не* *называние имени* (психолог утверждает: не называя имени ребёнка, мать выказывает холод, отстранение; нет, я не называю ребёнка, потому что хочу защитить, скрыть, не назван = не виден). Наши «горизонтальные сообщения» – клубок недоразумений, мы не знаем, от чего считать, и каждый считает от себя. Когда общего тона нет, «личные цвета» кто куда разбегаются...

Интересно, что те же слявишные, жизненные, «разбегательные» законы работают и в письмах. Хотя это как будто и не вполне личное общение – заочное, заличное. Текст. Там-то что случается?

Случается – всё-таки случается – вот это межличностное «не знаю и даже не догадываюсь». Мы пытаемся настроиться друг на друга – и конечно промаживаемся. И даже не догадываемся, где промахнулись...

Для меня эта ваша финальная «...а?» весь вопрос обесцвечивает, практически обнуляет.

Для меня все глаголы на «-ла» – не вполне свершившееся, иллюзорно-недействительное, они обесцениваются, падают в это «А» – бесконечное, никакое, белое. У них нет опоры. «Пришёл, плакал» – это правда, это

так; «пришла, плакала» – неясно, не утвердилось, не осталось... Но мигни эта «а» зелёным, пропажи бы не было. Действительность, *нормальная* цена всех-превсех «ла»-глаголов! Другой мир. Всего по одному звуку...

Моё «Выканье» – не затянувшаяся вежливость, не беготня от «сердечного ты», а только просьба: не ставьте меня на эту ненастоящую, обвальную «ла»-линию. Чтоб я не получалась «ты читала», пусть уж лучше «Вы читали».

Заочности обманывают нас так же легко, как и наличности. И так же постоянно. Иногда это выливается в какие-то яркие запоминающиеся формочки, а вообще это наши «серые будни», наше всегда.

Я всё время вспоминаю лифт. Он не работает, я иду по лестнице. Рядом (уже не рядом, отстала) поднимается женщина. Она грузная, ей явно тяжело. И я говорю – чтобы не молчать, чтобы «разбавить» голосом её пыхтенье, из солидарности:

– И когда уже лифт починят?

– Да лифты – это вообще не к нам! У них там лифтёрша есть, пусть и занимается! Я-то тут при чём! Чуть что, все к нам, я вообще не понимаю!.. и т.д.

Если бы я даже очень захотела объяснить, что бы я ей сказала?..

«Лифт» у меня, как и «Лица», – в синих тонах. Он бы меня больше удивил, если б пришёл, работал. Весь интерьер бежево-коричневый какой-то, – «лифт» не вписывается, вообще откуда-то неотсюда. *Не ждать*. То есть у меня преимуществ ещё больше было, я не только не задыхалась, но и не заморачивалась: пусть странным образом, но знала. И ничего из этих преимуществ передать не могла. И сейчас не могу. Не знаю, как.

Мы *по разным лестницам* идём, и боюсь, что нет между ними «горизонтальных» переходов. Просто негде объясняться, нет такого места.

Но таким местом может быть текст. Не личный, не письмо. Очень упрощая: 1) напиши я ей записку, это будет записка идиотки, усугубление; 2) но если бы это был рассказ, она – пусть никого не узнавая, пусть не согласившись, при своём в итоге оставшись – на какой-то момент оказалась бы в другом, отличном от родного коридора месте, во всяком случае, у неё бы появилась такая возможность; 3) и чем лучше рассказ, тем больше возможность...

Только не надо бы ожидать, что такое «оказывание» непременно Клуб Хороших Дел организует. Это... *оказия*, она просто в другое место переносит, даёт, дарит другое. Видел ты в жёлтых, коричневых тонах – и вдруг увидел в зелёных, синих... Только граф Толстой мог сокрушаться, что мадам, рыдающая на спектаклях, не снабдила тёплой одежкой кучера. «По Толстому, сострадательность этой дамы фальшива» (см. «Между чарой силы и чарой духа» Николая Болдырева³). По Толстому только так и может быть – он же хотел «хорошести» как куличи лепить. А «хорошесть» эта скорее случайно получается – неизвестно как, *почему-то*. И так же почему-то не получается. Выдала барыня кучеру тулупчик – а он продал, запил, заболел, умер. Хорошо ему теперь? Зато барыне хорошо. Она-то с чистой совестью благодетельница, всё по-настоящему...

Есть у меня одна задачка про «плохое-хорошее», которую никто пока не решил.

Представьте, что некий человек хочет, чтобы вы относились к нему плохо. Очень плохо, прямо-таки по-свински. Мало ли зачем ему это надо – может, жаловаться приятно, может, какую-то пустоту заполнять своими по этому поводу переживаниями, – в общем, надо и всё. Но вы не собирались ничего плохого делать. И чем дальше

не собираетесь, тем ему хуже. А если соберётесь и сделаете, то, понятно, тоже хорошо не будет! Вопрос классический: что делать?

Мой день беспутен и нелеп:
У нищего прошу на хлеб,
Богатому даю на бедность,

В иголку продеваю – луч,
Грабителю вручаю – ключ,
Белилами румяню бледность.

Мне нищий хлеба не даёт,
Богатый хлеба не берёт,
Луч не вдевается в иголку,

Грабитель входит без ключа,
А дура плачет в три ручья –
Над днём без славы и без толку.

(М.И. Цветаева)

Жизнь не упорядочивается, она всё то же «кто куда». Поэтому-то нас так успокаивают сплетни/пересуды – они создают «уют», иллюзию, что всё вокруг цельно, гладко, что это норма, а взрывает эту ровную норму только чья-то персональная дурость, частная неправильность.

У Натальи Воронцовой-Юрьевой есть замечательная статья⁴, она тем и замечательна, что автор чётко проговаривает: есть железобетонная правда, факты (жизнь) – и некая эфемерность (литература). Эту эфемерность всегда можно промерить железной линейкой фактов и сказать, просто ли это «пшик» или ещё и лживый. Линейка говорит, что Цветаева «злодейка», что она двулична («...Значит, письма к П. Эфрону, вся её забота о нём – ложь? Эффектная поза? Литературное произведение?»; «Иногда обыкновенные даты, автоматически представленные в конце письма или стихотворения, способны откровенно рассказать о

³ Письма из России, № 2, 2008.

⁴ В Интернете: <http://www.stihi.ru/2003/08/07-864>

том, что автору хотелось бы скрыть, и это не новость. Иногда, основываясь за отсутствием прямых доказательств исключительно на косвенных фактах, им с ужасом веришь. Потому что факты, называемые косвенными по отношению к рассматриваемым обстоятельствам, являются прямыми свидетельствами другого событийного ряда, образуя неумолимую логическую цепь – не слов, но поступков...»).

Я не знаю, никогда не видела (а мне 35 лет) ни одного «жизненного факта», который мог бы сказать о правдивости или лживости события, поступка, жеста. Кто может сказать, фальшива или нет моя улыбка? Искренен ли мой подарок? Дрогнула ли рука? А ведь только в этом всё и дело (если уж мы говорим о правдивости-лживости, а не о размере подарка, цене, пользе и т.п.)...

Звуки упорядочиваются, а факты нет. Это даже не мячики, которые каждый пинает со своей стороны, а медузы какие-то, не знаешь, куда и пнуть. Один тот факт, что я прибыла из пункта А в пункт Б, включает, как минимум, ещё и путь. Путь – как минимум – что угодно...

Если бы мы могли сказать, являлась ли чья-то забота сто лет назад «ложью», даже не знаю, чего бы мы тогда не могли. Наверно, и не нужно было бы никаких «литературных произведений»...

Для стихотворения нефальшивость – условие существования. Да оно всё сплошь из этих «дрогнула или нет», из вот этих оттенков, ответов, которые поймали – и обозначили. («Поймали» не как птичку в клетку. Это обозначивание значит освобождение – от власти минуты, минуемости, исчезновения. То, что «поймано», теперь есть, а не было.)

Цветаева звуком обозначает. Своё (чувство, знание) она доводит до этого над, до звука. Складываются такие чёт-

кие соотношения (просто сращения какие-то), что получается и обратное: из звука – чувство. Это уже музыка. Когда М.И. говорит о «партитурах», это не метафора, это тоже буквально. Попробуйте как-нибудь вот что: читать «по-заговорщицки». Как заговор, речитативом, оставляя только звук, не играя (не моделируя ситуаций, – только расположение звуков). Просто слышно, как смысл из звука следует.

...Между Зюдом и Нордом –
Поставщик суеты!
Ваши «форды» (рекорды
Быстроты: пустоты),

Ваши «рольсы» и «ройсы» –
Змея ветхая лесть!
Сыне! Господа бойся,
Ноги давшего – бресть.

Это формулы. Они описывают закон. «Быстроты» значит «пустоты», и это нам звук дал. Как? И почему раньше не давал?

Да потому что М.И. захватила такое пространство, обустроила такое место, где это можно взять – как ясный смысл, как внятное чувство. Раньше это были «дебри», не вполне наша территория. М.И. её *прирастила*. Она строитель, пространственник. Но это-то и даёт «психологию» – такую точность, такое схватывание. В конце концов ведь *всё* – пространство, место. «Жизнь есть *пригород*». И люди – пространство:

...В шкафу – двустворчатом, как храм,
Гляди: все книги по местам.
В строке – все буквы налицо.
Твоё лицо – куда ушло?

Твоё лицо,
Твоё тепло,
Твоё плечо –
Куда ушло?

«Считающие лингвисты», кстати, Цветаеву не жалуют. Трудно её считать. Она может сказать: «*Слава тебе, допустившему бреши: Большие не вешу*», – вовсе и не думая «звукоподражать». Или: «*синева*», – учёные наши обрадуются: «эксплицитно выраженная цветовая номинация!», а не такая уж она и «эксплицитная»:

...В воздухе, который синь, –
Жажда, которой дна нет.
Так дети, в синеве простынь,
Всматриваются в память...

Воздух, *который синь*, не становится более ярким, более прокрашенным. Он становится *более воздухом*. И простыни эти не настолько синие, чтобы быть *цветными*, не полощутся они этим цветом, не цветут. Просто они не белые (не белоснежные, не лёгонькие), и они – небеса (дети отчасти в небесах, оттуда и всматриваются). «*Дна нет*» – это вниз, это как Алиса в кроличью нору и лететь бесконечно, «*в синеве*» – вверх. Движение. И «*синева*» здесь только искрит, никакой насыщенности, выраженности и пр.

Цветаевский цвет – это отсверки, отблески. Видимо, как раз потому, что «строительство» (строитель, а не маляр!). Как здесь ведут себя мои «личные цвета»?

Атакиведут–строятся. Звукобукровки почти всегда своего родного цвета остаются, но он по ним перераспределяется, постоянно какие-то перегруппировки идут – выше-ниже, шире-уже, быстрее-медленней...

Бог – прав
Тлением трав,
Сухостью рек,
Вошлем калек...

«Б» – розовая, «о» – жёлтая, «г» – оранжевая, но всё это как-то боковым зрением, цвет строительной пыли, вся-

кий разный, незначащий. Не важно и не ярко. *Не явно*. Явно то, что «О» здесь строгое, собранное (Бог не Тимошка). А в «прав» собранность распадается, размыкается (правота – отношенческое, направленное качество, луч вовне, в чью-то сторону, а здесь – так и *во все стороны*), и происходит это размыкание на «А». То есть «А» здесь не провал, не зияние, а скорее сияние, распускание. Было зерно («О»), а потом моментально проросло, распустилось («А»). В этом действительно нет и не может быть неправоты, только правота, только «да».

И есть ещё «опоры» – «Б»/«П». Это серьёзные опоры. Твёрдая, упрямая, «приземляющая» пара. Они и эту «О»-собранность прекрасно держат, и «А»-лепестки не улетят, не денутся никуда. Всё твёрдо, устойчиво. То есть это не умиление, это утверждение... Очень красивый участок. Вместе с вот этим «*тлением трав*» – просто формулка опять же. А потом формулка как-то... раскачивается, новые «значения», всё более странные, добавляются, а заканчивается всё и вовсе откровенной чушью («*плем царёвым, вставшим народом*»), но я всё равно этот текстик люблю. Просто не удалось этот «растительный участок» на людей перевести, лес на город. У М.И. бывают такие «подскальзывания». Люди всё-таки подпорченное пространство...

Или:

Минута: мающая! Мнимость
Вскачь – медлящая! В прах и в хлам
Нас мелящая! Ты, что минешь:
Минута – милостыня псам!

«М» у меня зеленоватая. Но здесь важно только то, что она такая широкая, медленная, раздвоенная... (Поясню. Даже произнося, а не читая глазами, я продолжаю видеть графику, форму буквы. Если это разные изоб-

ражения («А»-большая и «а»-маленькая), они как бы «наслаиваются» друг на друга, равноправны. До школы я видела звуки речи как бесформенные цветные пятна, а грамотность их оформила, «обуквила»...) И вот эту «М» – медленную, никуда обычно не спешащую толстуху – в этой «минуте» что-то неумолимое тащит с бешеной скоростью, по каким-то кочкам («вскачь»), тащит так, что она буквально раскалывается. На этом «медлящая» она просто когтищами вцепилась, а её утаскивает. Страшный бардак, всё кувырком. И ещё это «*в прах и в хлам*» – как мука, порошок, прямо в глаза. И ещё эта «*милостыня псам*» – выбрасывание, «нате!»...

Можно ли тут что-то «посчитать»? Имеют ли к этому отношение какие-то тёмные «глубины подсознания», которые ещё на свет божий надо вынуть, «дешифровать» и только потом выводы делать? Я вспоминаю Честертона, когда слышу что-нибудь вроде «*Фоносемантика – это оценка восприятия звуков на уровне подсознания*». Времена не меняются, сто лет назад он недоумевал, почему господ психоаналитиков так волнует подсознание Гамлета, тогда как вовсе не подсознание владело им, а слишком ясное сознание («*Он сам объяснял свои действия, он даже слишком этим увлекался*»)...

В «Википедии»: «*В результате докторской диссертации А.П. Журавлёва было установлено фоносемантическое значение каждого звука русской речи*». О, это было бы замечательным результатом. Произошло бы чудо: таких значений не установишь даже для неподвижного алфавита, не то что для потока – речи. Тем более для «художественной речи», которую так любят считать по Журавлёву. Текст пишет свой алфавит, свой словарь. Устанавливает свои яркости/тусклости, свои светотени и

расположения. «*У меня к тебе наклон слуха*» – совершенно невозможное, невиданное, очень нежное расположение. Чудеса возможны, – только если это золотые яблоки, а не груши на вербе...

Ну, и немного «чудес синестезии» напоследок. Синестезия – это и есть двойное восприятие «по-научному», а цветной слух, соответственно, – его частный случай. Бывают весьма экзотические «связывания» – шелест запахов, звучание вкуса... У меня, кроме «звукобукв», ещё и цифры цветные. И мне даже нравится в этом признаваться. Это, по-моему, проясняет один нюанс: не собираюсь я выводить себе какую-то «волшебную литпредрасположенность» из этих моих цветных буквочек. Иначе, с моими-то цифрами, пришлось бы мне и математиком представляться!

Цифры, а не буквы окрашивают у меня и дни недели:

Понедельник (1) – чёрный;

Вторник (2) – жёлтый;

Среда (3) – розовая;

Четверг (4) – оранжевый;

Пятница (5) – зелёная;

Суббота (6) – серая, серебристая какая-то;

Воскресенье (7) – что-то переливчатое, голубоватое.

И есть такая песенка «цветонедельная» – «На той стороне...»⁵. Это я не уменьшительно говорю «песенка», это любя, – а вообще она такая... эпическая. Всю я цитировать не буду – не то чтобы текста много, просто *всего много*, надо слушать, но вот так примерно (без музыки, поэтому и примерно):

Белый-белый понедельник

– завсегда последний день.

⁵ Егор Летов, альбом «Долгая счастливая жизнь», 2004.

Молодой зелёный вторник
– раскалённо-ясный день.

Желтоватая среда
– бессвязный воспалённый
день.

Фиолетовый четверг
– такой огромный вечный
день...

В итоге, на строчке *«Желтоватая среда»* я вижу желтоватый и розовый, на *«фиолетовом четверге»* – фиолетовый и оранжевый и т.д., – т.е. авторская радуга у меня двоится. И здесь это не искаже-

ние, не стаскивание на «по мотивам» – радуга остаётся радугой, «цветосбором», набором красок, раскрашивающих всё на свете. Просто в этом наборе рядом с называемым, перечисляемым в данный момент фиолетовым оказывается мой оранжевый. Как может оказаться любой другой – ваш. Или не оказаться никакого, не имей вы этих ассоциаций, – тогда бы и авторского варианта хватило. «Общий тон» тут – сияние, и оно есть, оно будет в любом случае.

Владивосток.

Ольга Никонова

О себе:

Родилась в Ярославле в 1975 году. Первое образование экономическое (Ярославский госуниверситет, год выпуска 1997-й), работала секретарём в ярославской газете, потом бухгалтером, аудитором, главным бухгалтером в разных компаниях. Второе образование – журналистика (ИЖЛТ), диплом писала у Бориса Евсеева по классу прозы. С 2004 года работала в Киеве и Одессе, с октября 2009 года нахожусь в Словении, потому что сюда перевели работать моего мужа. Публикаций – кот наплакал...

Привет из Любима

1

В начале марта почтальон принёс открытку. Написано было неловкими дутыми буквами, с нажимом, – так что бумага глубоко процарапалась кое-где поверх бледных карандашных линеек.

А отправителем была баба Лиза из Любима. Над её открыткой тогда поохали – ну слава Богу, раз написала, значит, простила нас, дураков! – и сунули её куда-то в стол: там уже три ящика со всяким ненужным было.

За ужином решили, что надо будет к Лизавете съездить. Но договорились, что лучше летом, когда у них дороги подсохнут, чтоб машина не села, да и малины заодно побрать: баба Лиза ведь говорила, у них там ягодные места-то, так может на варенье наберём – ну хоть бидона три-четыре...

Но летом в Любим не поехали – забыли. Да и вообще, раздумалось как-то. (А малину, как всегда, на Белинском базаре купили). И на другой год не поехали, и ещё через один тоже.

Так прожилось незаметно, суетно несколько лет. Никто уже о бабе Лизе не вспоминал.

2

...Обыкновенная история: умерла в Закобякине старуха мать. Старшая сестра – моя бабушка – давным-давно, с конца войны, прописана была городе, у мужа. Младшая же, Лизавета, так и жила в половине барака с краю Любима и, пока мать семь лет лежала парализованная, моталась к ней в это Закобякино.

После маминой смерти старшая, Надежда, о доме, может, и не думала. Но муж недобро подзуживал: деловая, мол, у тебя Лизка-то, всё себе ухватила, а ты ходи без порток!

И стала в бабушкиной душе копиться обида и злость на сестру. Помалу – как горошина к горошине. По правде, кое-какая обида была у неё и до того: больно уж

видным рос сын у сестры, Пётр. (Таких кудрей ни у кого в нашем роду не было!) И вот постепенно, наверное, сестрина жизнь стала казаться бабушке чуть не райской, хотя жила та в тесноте барака на отшибе Любима и работала на мужиковой работе в колхозе – брёвна ворочала. Завидовать-то было нечему.

Что домик материн был уже совсем кривой, дряхлый – Надежда не знала, не ездила же туда давно. Да ещё чёрт-те где – в Закобякине! Еле-еле его удалось Лизавете тогда продать, не ахти сколько было охотников.

Вот так и поссорились.

Дважды потом Лизавета приезжала к сестре мириться. Старшая же не желала мира, пока Лизавета не отдаст половину денег за материн дом. Так постепенно науськал её муж, и она привыкла, что это справедливое требование.

Старшая, Надежда, всяко задевала, обижала Лизку – только так её и звали в нашей семье. Она приезжала из своего Любима почти под вечер, и было ясно, что непременно останется ночевать. Стелили ей на полу, в прихожей: комнаты были карликовые и без свободного пола, кроме как по пустой, густо крашеной заплатке в прихожей и кухне. Но в квадратной кухне Лизавета по росту бы не поместилась: там негде и ноги вытянуть.

Бабушка находила самое ненужное, застиранное бельё – и сама, с видом горестным, оскорблённым, застилала Лизке его на матрасик: короткий, почти детский. Каждым движением бабушка словно давала сестре понять – вот как мы тут, Лизка, живём, а ты там, в своём Любимее небось в масле катаешься на деньгито с материнного дома!

3

Лизавета в масле не каталась. Остатки с закобякинского дома пропил кудрявый Пётр. Материно наследство было спущено за год. Лизавета положила, конечно, деньги на книжку, но Пётр то и дело требовал их и буянил, страшно грозя с

похмелья матери. А мужа в тот же год придавило вагоном на станции: работал путеобходчиком. Так деньги и потекли... Осенью дочь замуж выдавала. Справили свадьбу, муж увёз Татьяну далеко, в Углич. Так и та тоже на мать обиделась – что плохое приданое ей дала, бедное.

Вот так и жили. Дочь годами не приезжала. Пётр спился, состарился. Голова у него рано поседела и от вина валилась набок, тряслась. Сама Лизавета по-прежнему работала в колхозе, хоть давно была на пенсии.

...Пока сестра ей стелила, Лизавета стояла рядом, у самой стены, словно вжимаясь в неё, зная, что лучше с сестрой не пререкаются: зацепится – понесёт! Бабушка же с подчёркнутым тщанием заворачивала под Лизаветин матрасик края трёпаной простыни и бросала подушку – конечно, самую тощую из многочисленных имевшихся в доме.

Потом она молча уходила, поджав белые губы и глядя в несуществующую в тесной квартирке даль, а Лизавета неловко, тяжело опускалась наконец на постель, как будто складываясь вниз со своей вышины, и ещё какое-то время пребывала в глубокой задумчивости, вытянув ноги к входной двери. Она дышала сухо и громко, словно сильно забегавшись, пока уж бабушка сердито не одёргивала её из комнаты: «Ну, дождётся ли, когда уляжешься-то?» Тогда Лизавета еле-еле, с кряхтением подымалась к выключателю, словно разбуженная бабушкой от какого-то полуоцепенения, полусна, которого та не понимала и оттого сердилась, и уже в темноте принималась медленно, долго раздеваться – снимала кофты, юбки, скручивала бумажные чулки с длинных ног с большими, мужскими ступнями. Потом занавешивала плюшевую штору с бомбошками, отделив свою постель от комнаты, и наконец ложилась. Плюшевые бомбошки секунду-другую покачивались в наступившей тишине, чуть слышно шурша и задевая друг друга, потом всё стихало и наступала ночь.

4

Помириться не получалось. Лизавета, может, и сама уж не рада была, что закобякинский домик продала. А велики разве были деньги? Но самое обидное – разошлись они совершенно ни на что: на вино Петру, Таньке на барахло разное перед свадьбой. А дети обиделись на Лизавету. Дочь – что мать плохую, небогатую свадьбу справила, а Пётр обиделся, что мать ему жизнь испортила: вот не давала бы на вино, так он, может, и женился бы на той учительше. «А теперь уж всё, – ревел, – вся жизнь моя дурацкая пропита, кому я такой нужен!»

Вот так кругом Лизавета оказалась виноватой.

...О чём она думала, лёжа в нашей прихожей на коротком матрасике, ёрзая сухими ступнями по крашеному холодному полу? Я слышала, как она вздохала, и мне нравилось представлять, что это большая белая лошадь – как из мультика про ёжика и туман – очутилась у нас в прихожей и укладывается на ночлег; а как очутилась, неведомо, может, тоже приплыла по узкой реке, над которой клубы холодного ватного тумана... Казалось, баба Лиза знает что-то такое тайное, что днём, в делах, забывает, а в темноте ночью вспоминает и радуется, пока никто не видит. Так и представлялось, что она прядает молочными ушами, как-то сумрачно светящимися в тесноте прихожей, и перебирает крепкими задними ногами, шевелит копытами. Мне страшно нравилось мечтать, что ночью баба Лиза – это белая большая лошадь. Только уже старая и очень ото всего уставшая. И я никому этого не говорила.

Лизавета, лёжа на матрасике, видно, долго не могла заснуть – всё что-то шуршала себе под нос, ворочалась, вздыхала отрывисто, как будто стараясь остановить

вдох, загнать его назад, внутрь. Потом уж бабушка не выдерживала и окрикивала Лизавету – долго ли, мол, вертеться будешь, Лизка, мы тут натопались за день, спать хотим! – или начинал храпеть на своём диване дед и заглупал Лизаветино шебурианье. А может, она тоже уже засыпала.

5

Первый раз Лизавета приехала, когда мне было четыре. Я смутно запомнила тот её приезд, больше по рассказам мамы.

В тот вечер мы с отцом собирались на охоту. Лизавета этому ужаснулась и стала отговаривать маму пускать меня. Мама удивлённо махнула рукой – да он всё время её таскает, тётъ Лиз, пускай едут! А Лизавета весь вечер обнимала меня горячими руками, словно прощаясь навсегда, жалела и сухим, жарким полушёпотом охала мне в лицо: «Осподи, куда девку-то отпускаешь? Заблудится там с им, потонет!» А я вырывалась из её хватких ладоней и хмурилась – боялась, как бы мама, наслушавшись эту бабу Лизу, и правда не оставила меня дома.

Когда рано утром собирались и выходили, то перешагивали через неподвижно лежавшую Лизавету на её матрасике. Она лежала на боку, сложив под головой руки, прямо к двери вытянув ноги с огромными ступнями в овечьих носках. Она не пошевелилась и не открыла глаза.

Выезжали мы задолго до рассвета, в прохладе. По росистым тропкам шли в гараж за лесопосадки, в ещё тихое с ночи Пятовское, потом ехали по совершенно пустому городу с сонно мигавшими светофорными глазами; там, за Волгой, петляли в полях, густо укрытых низкими пластами тумана, пока отец не определял наконец нужное место.

В то утро ехали специально на ток. Отец хотел показать мне, как токуют тетерева, и тыкал в них пальцем, больно прихватывая меня за шею, чтоб не отворачивалась, пока сидели в кустах. Он хотел, чтобы я тоже навсегда полюбила его мокрые холодные поля и охоту («Здесь же Некрасов охотился, коз-з-зявка!»). Но мне было не ахти интересно, да и Некрасова я не любила – я-то ездила на охоту ради картошки в котелке и ещё потому, что отец рассеянно позволял мне побродить босиком по берегу глубокого узкого озера Яхробол и даже зайти в воду по колено. Вода в августе уже не летняя, мама бы ни за что в озеро не пустила.

Когда сидели в кустах, он постепенно свирепел, оттого что я ёрзаю и шуршу ветками, – видел, что мне скучно и скорее не терпится вылезти. Щёлкая меня по затылку сложенными пальцами, рассерженно дул в ухо: «Коз-з-зявка, никогда больше тебя не возьму!»

...Когда мы вернулись, Лизаветы уже не было. Матрасик был скручен кое-как, из него торчал угол простыни. А бабушка лежала на своей высоченной кровати, отвернувшись к узорчатому ковру во всю стену, и крупно вздрагивала. Дед молча сидел у раскрытого балкона, уставившись в пол. С улицы густо тянуло щедрым растеплившимся днём, низкое солнце сделало стёкла мутными. В квартире застыла, как сваренный и почему-то забытый кисель, тишина.

Стало ясно, что перемирие не состоялось.

6

Вторую попытку Лизавета сделала только через три года – видно, долго ей пришлось копить силы. Бабушка уже доживала свои последние месяцы в здоровом рассудке: вскорости после этого она заболела страшной, разъедающей память

болезнью. Она забудет себя, свою жизнь, забудет имена пропавших без вести братьев, перестанет нас узнавать, лишь на некоторые, очень редкие минуты вновь становясь самой собой. Она забудет даже троих своих детей – но не сестру Елизавету! За несколько часов до смерти она неожиданно придёт в себя, позовёт старшую дочь, у которой будет жить в то время, и твёрдо скажет: «Лизку на похороны чтоб не пускать! Телеграмму не давать, и смотрите у меня!»

Потом она снова впадёт в беспамятство и к вечеру умрёт.

Старшая дочь выполнит просьбу матери: Лизавета не узнает о смерти сестры и не приедет с ней проститься.

Так вот, вторая Лизаветина попытка, она же последняя...

Баба Лиза приехала к нам опять неожиданно – сославшись на какую-то приятельницу, которую якобы навещала здесь, в областной онкологии. Бабушка сразу поняла, что это враньё, и не постеснялась объявить об этом сестре, ужасно её смутив. Однако встретила она на этот раз Лизку по-доброму, даже ласково.

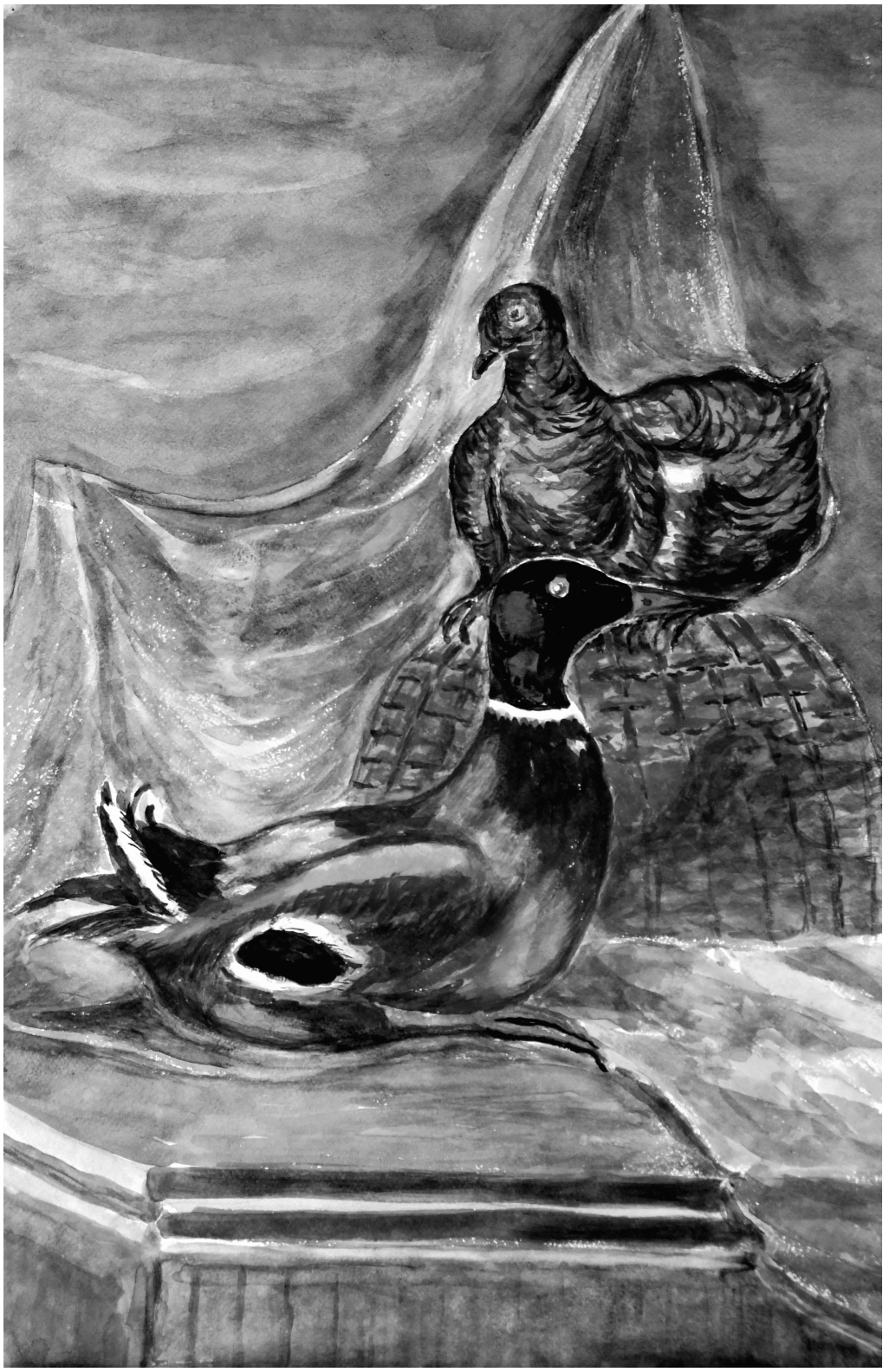
Они сидели вдвоём на дедушкином диване и болтали, смеялись. Все мы обрадовались, ходили чуть не на цыпочках, боясь спугнуть наступающий мир и боясь поверить ему. Сёстры же вспоминали кого-то из Закобякино, из молодости, из далёкого прошлого. Про какую-то пожарную каланчу в центре села всё говорили, про богатый купчин дом чай-то, в коллективизацию сожжённый, но о материнском домике – ни-ни, ни полслова!

Мы слышали, как Лизавета уже приглашает сестру и всех нас к себе в гости, в Любим, а бабушка обещает обязательно приехать – на будущий год, Лизка, как потеплеет, жди!

Потом вдруг бабушка вспомнила, что надо ведь напоить сестру чаем, та же с дороги... Уж лучше бы они обошлись в тот раз вовсе без него!

Когда был заварен чай, в высоких гранёных стаканах – иначе у нас почему-то не пили, – выяснилось, что подать-то к чаю нечего кроме залежалого фруктового

сахару. И тут Лизавета всплеснула своими длиннющими руками, едва не опрокинув на клеёнку стакан, и вспомнила, что у неё же в сумке гостинец лежит, она нарочно для Олюшки везла! Но ничего, сказала, сейчас вот все вместе с чаем и съедим, и Олюшке на уже штука останется!

И принесла она из прихожей сетку, а из сетки, порывшись и суетливо оттеснив множество загадочных мелких свёртков, вынула мятый-перемятый бумажный пакет. Потом ловко сыпанула из него мелкие кругляшки печенин на поданную бабушкой тарелку.

Первой печенину протянули мне, как адресату гостинца. Я положила её в рот, хотела куснуть... и мне стало ясно, что примирения не видать и на этот раз. Печенина была как каменная! Я так и застыла с ней в зубах, не зная, что теперь делать. Руки от подступившего густого страха мгновенно налились пустым весом и не слушались, как у набитого ватой зайца; я сидела, лишившись возможности движения, обречённо уткнулась в свой стакан и понемногу набирала чаю в рот, держа кругляш печенины за щекой – может, ещё размочится? А тут и бабушка взяла печенинку – и едва, конечно, не сломала об неё вставной клык.

И началось ужасное: как будто наплыло оно откуда-то из темноты, где только и дожидалось подходящей минуты, и вот – полезло вовсю! Ну как будто чёрт насовал это печенье в бумажный пакет! Лучше бы Лизавета совсем без гостинца приехала, поели бы мы и фруктового сахару.

Это ужасное помнится мне как-то растянуто: как если бы бабушка и Лизавета были актёрами и по команде, очень послушно, стали двигаться в сто раз медленнее.

Бабушка кинула всё печенье вместе с тарелкой прямо сестре в лицо, оно у той мученически перекопилось, вытянулось, отчего она ещё больше стала походить на лошадь, и на какую-то секунду мне даже показалось, что она вот-вот запрокинет в истерике голову да и заржёт, застучит передними копытами ко клеёнке. Какой-то душный жёлтый туман обволок меня, и сделалось ясно – вот только что, сию секунду, случилось то, после чего не возможен будет никакой мир, и совсем ничего невозможно. Тьма вылезла из того бумажного пакетика, хранящего ещё крошки сахара, когда-то в нём бывшего, и расплывалась по кухне, заставляя теперь бабушку делать невообразимое и говорить сестре чертовские слова.

Все мы окоченели на своих табуретах перед наполненными горячим чаем стаканами.

Я запомнила ту страшную сцену беззвучной. Может, у меня тогда со страху и правда временно отняло слух? Отчётливо помню закат, солнце садилось за тополя, помню себя рядом с растерянной, перепуганной Лизаветой, по лицу и лиловой кофточке у которой осыпается печенье, на коленях лежит тарелка, а сбоку бабушка стоит, загородив собой вдруг целый космос, весь свет из окна – такой огромной она запомнилась мне в своей злобе! – машет руками, как ветряная мельница в ураган, задевая Лизаветины волосы, и вдруг хватает со стола смятый бумажный пакет и сильно, резко начинает снова и снова тыкать им прямо сестре в морщинистое лицо, в глаза, в разинутый рот, держа её другой рукой за седой пучок на затылке. А Лизавета сидит, не отворачиваясь, только зажмурилась и вцепилась тёмными пальцами что есть силы в края столешницы, сминая клеёнку.

Вдруг, как буран, возник в кухне отец, схватил меня за руку и поволол к дверям, и мы с ним фантастически быстро очутились в коридоре, а в другую секунду уже на лестнице, и прямо на ходу он умудрился виртуозно натянуть на

меня колючую кофту, и тут уже – бац! – я услышала звуки, как будто их включили тумблером где-то внутри моей головы: звон колотящейся об пол посуды, грохот табурета и крики бабушки: «Да как ты смеешь, жаба любимская, ей свою дрянь чёрствую совать?»

Отец не хотел, чтоб я такое слышала, и торопливо тянул вниз, на улицу, а я после этой «жабы любимской» не могла переставлять ноги, они опять ослабели – как у ватного зайца из кладовки, – и я как будто плыла, волшебным образом скользила по ступеням, как по натянутой верёвке. Внезапно, перед последним пролётом, эта невидимая верёвка куда-то ухнула и скольжение прекратилось – я на повороте со всего маху врезалась коленкой в перила и только тогда, очнувшись, на весь подъезд заревела.

И всё-таки я слышала, пока отец тащил меня вниз, как кричала бабушка Лизавете: «На гостинец ребёнку рубль пожалела, а прожрала целый материн дом! Всё прожрала! Да чтоб имени твоего рядом с моим никогда не называли!» Я слушала, и мне не верилось, что этот чужой чудовищный голос принадлежит моей бабушке – ласковой, тихой, с которой по вечерам мы читали сказки про Полботинка и Моховую Бороду и часто гуляли в лесопосадках, тайком от деда уходили к речке за Пятовское, плели друг другу венки из одуванчиков и собирали в клетчатые сумки на зиму липовый цвет, который никогда не заваривали, потому что забывали мешочки в подкроватной тьме...

В моей памяти, признаюсь, так никогда и не соединились эти две бабушки.

С отцом тогда гуляли долго: до усталости, до жажды. Он как-то сумел занять, отвлечь меня. Увёл за линию, к гаражам, где мы бродили до самых сумерек и смотрели, как распустилась верба, какая стала мохнатенькая.

Когда вернулись домой, уже пришла с работы мама и что-то ожесточённо отскабливала между конфорок, не оборачиваясь к нам, спина её была хмурой, прямой. Лизаветы уже, конечно, не было. И словно никогда её здесь не бывало – даже крошки с полу были кем-то тщательно подметены. Отец быстро провёл меня, крепко держа за плечи и не давая оглядеться, в нашу комнату, но я скосила со всей силы глаза и заметила, что бабушка лежит на кровати прямо в тапках и смотрит в потолок.

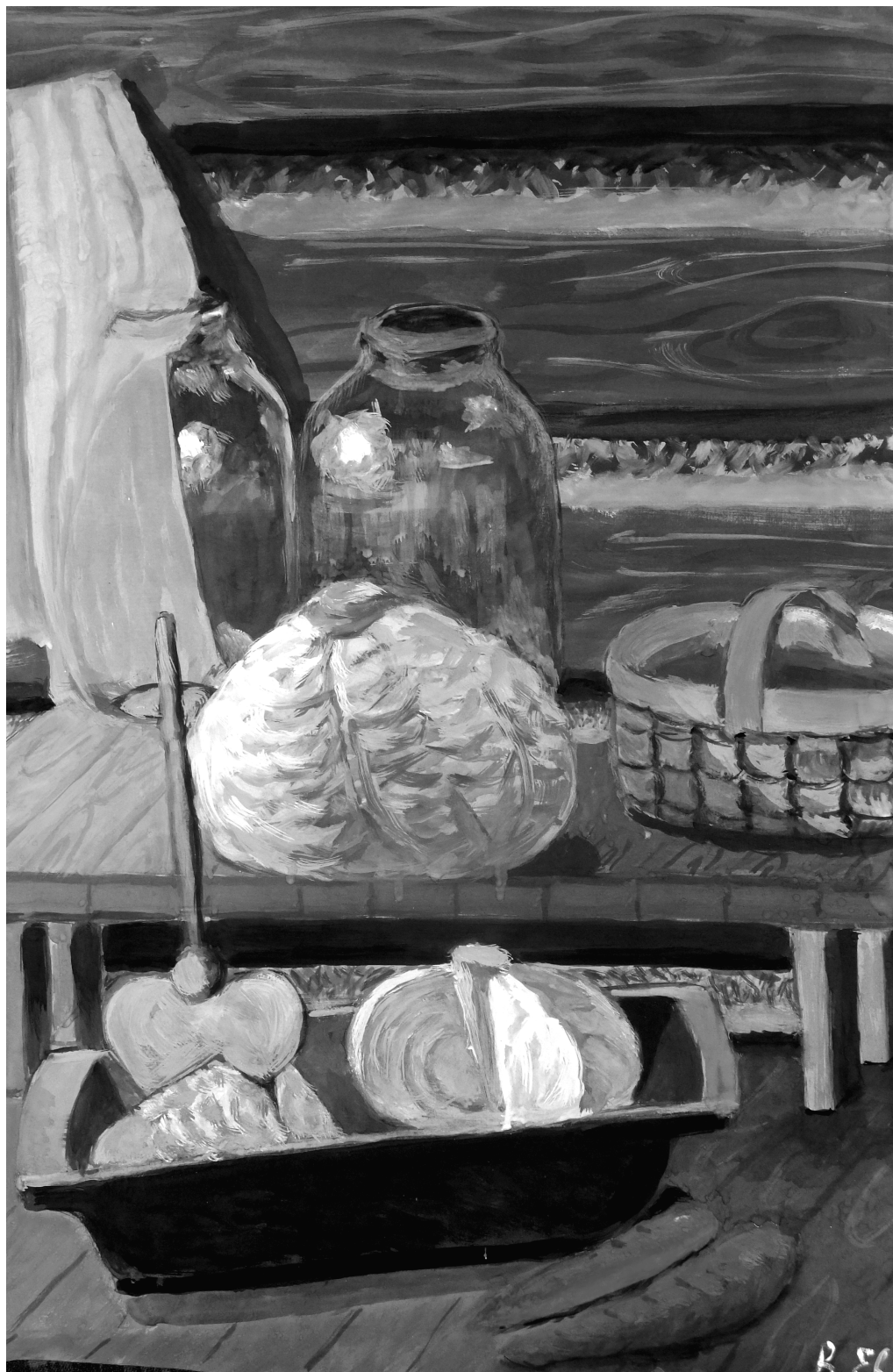
7

Никогда мы больше не видели Лизавету. Она вернулась в свой Любим и ни разу не появилась в нашем доме. Она не писала, не слала открыток по праздникам и не звонила. Как она там жила, мы не знали.

Только однажды, когда бабушка уже заболела и стала всё забывать, я услышала, как она, сидя в кухне, тихонько сказала деду: «Написать, что ль, Лизке-то, узнать, как там старуха одна, жива ли, померла?» Дед в это время помешивал на плите овсяный кисель и только вздохнул – знал, что никто Лизке писать не станет. Может, уже и сам жалел, что когда-то подзуживал бабушку насчёт этого закобякинского дома, пропади он теперь пропадом!

И правда, Лизавете не написали. Да как-то и вспоминать о ней постепенно перестали.

И вот уж только перед самой смертью бабушка вдруг сестру вспомнила – но, увы, не прощением, а новым проклятьем. Позвала старшую дочь и строго, грозя жёлтым кривым пальцем, наказала: «Чтобы Лизку ко мне на похороны не пускать!»

Вот так и умерла бабушка, не простив сестру за давнишнюю продажу маминого дома... Старшая дочь обещание выполнила в точности, и Лизавете никто о смерти сестры не сообщил. Да и не знал никто, жива ли она, – может, сама-то уж давно померла? А может, так и жила в своём Любиме – в половине барака недалеко от автобусной станции, на краю высокого и тёмного леса, где ухают по ночам старые филины.

Уже после сороковин моя мама, младшая из бабушкиных детей, не выдержала и отправила Лизавете письмо. Долго-долго, до самой весны – а бабушка умерла в сентябре – не было от Лизаветы ответа, и мы уже думали, что нет и её в живых. Но жить, ходить по земле нам стало легче – мама своим письмом к Лизавете словно сняла с нас всех страшный груз, освободила от тяжести, от чудовищности своей и не своей вины.

8

И вот весной пришла от Лизаветы эта открытка. Скупой написанная нескладными круглыми буквами – почерк похож на бабушкин. Конверт, пока ездил в почтовых сумках, измялся, углы потёрлись и затемнились, запачкались. Над открыткой повздыхали, и всё гладили её, отбирая друг у друга, водили пальцами по коротким сухим строчкам, переворачивали, как будто ища чего-то ещё там, на обороте, и, не находя, растерянно потирали праздничную картинку, и снова читали, клоня головы, каждый уж для себя.

Изредка мне, бывало, думалось потом – ну как она там одна? Помогают ли ей как-нибудь дети? Или всё так же злятся на мать за свою нескладную жизнь?

Мне представлялось, как старая высокая Лизавета выходит по утрам во дворик и кормит своих цыплят, а сразу за её забором – лес, и в нём живут филины. А когда я думала о ней спящей, мне по-прежнему виделась усталая белая лошадь...

Прошлым летом я тайком от всех всё-таки съездила в Любим: надеялась, баба Лиза ещё жива – всё-таки она была младше бабушки на целых десять лет. Дома переписала с измятой Лизаветиной открытки адрес, а наутро встала пораньше и пошла на автобус.

Отыскала в Любиме её дом, тот самый барак на окраине. Оказалось, в нём давно живут чужие люди, а Елизавету Петровну похоронили четыре года назад. Сказали, что сын её, Пётр, живёт теперь далеко – на Заречной, но очень напутствовали: «Разыщите, не поленитесь, раз всё равно из такого далёка приехали!»

Я не знала и не помнила дядю Петра, даже из детства не выплыло ни единого воспоминания – может, я и не видела его никогда? И всё же пошла пешком через весь пыльный, сухой, пустынный Любим, удивляясь себе – зачем иду? И всё думалось – а не завернуть ли лучше на станцию, не уехать ли сразу? Но казалось невозможным уехать из Любима вот так. После известия о давней Лизаветиной смерти в душе что-то потемнело и сжалось.

Я легко отыскала Заречную – маленькую улицу на другом краю Любима. Оттуда виднелся пригорок с голубой беседкой и лес. Дом дяди Петра оказался велик, ровен, в окошках пышно цвели герани. Из высокой будки на меня покосилась собака, но не залаяла. Я подёргала запертую калитку. Никто не отозвался, не вышел. Тогда я крикнула: «Дядь Петя!» – и тут же показалось мне это грубо, чужо, и я замолчала.

Жалко теперь было уходить, ничего не узнав. Я побродила рядом, кликнула соседку – та копалась возле на огороде. Оказалось, что этот большой дом Пётр

продал почти сразу после смерти матери, Лизаветы. Большую часть пропил, а на остаток купил домик в конце той же Заречной, за неглубоким сырым оврагом, поменьше и похуже. Но и тот домик скоро пропил и половину зимы жил по соседям, а то и на улице ночевал – как не замёрз! Тогда колхоз чудом выделил ему крохотный домишко неподалёку – на вид не то голубятня, не то сарай.

Соседка – оплывшая, неопрятная женщина в засаленном халате из фланели – отвела меня и показала тот домик. А показав, дёрнула за руку и стыдливо, отведя в сторону взгляд, попросила «за добро» десятку.

Мне стало вдруг страшно всего: увиделось какое-то запредельное, вовсе не человеческое существование чужого, совсем незнакомого мне дяди Петра. Но я почему-то и тогда не ушла, а по поросшему колючками и репьем разломанному гнилому крыльцу поднялась, хотела постучать в дверь, но та вдруг лязгнула и сама поплыла внутрь. И передо мной разверзлась чернота и непроглядность неизвестного чужого бытия, густо шибануло в нос пылью и какой-то кислятиной, потом коротко ухнуло, стукнуло где-то в глубине.

Я так и не вошла в дом. Не двигаясь с места – чтоб оставаться на живом солнечном свете – нагнулась вперёд и поймала дверь, осторожно прикрыла на прибитую гвоздём тряпочку – замка там никакого не было. Уходя, заглянула в окно, стараясь не шуметь и ничем не выдать себя. Внутри было серо, сумрачно. Кроме матраса и каких-то чёрных наваленных на него тряпок в комнатке ничего не было. Возле другого окна валялись обломки узких досок и жестяные банки из-под консервов. Мне сделалось так одиноко и жутко, будто это моя собственная, а не чья-то чужая, жизнь проходит день за днём в этом убогом месте за оврагом...

Я едва не задохнулась от явственной воплощённости этого настоящего моего бытия и, ничего вокруг не видя, оглушённая, пошла назад, прочь от страшного домика.

Близко сидела у канавы лохматая девчонка, окликнула меня – тётя, тётя, не уходи, дяденька Петя скоро вернётся! Я остановилась и вернулась к девочке, присела рядом. Та играла с грязным шнурком на ботинке – словно и не кричала мне только что, теперь вовсе не замечала меня. Мне сделалось неловко перед нею, как перед взрослой и умной, и я спросила, боясь поймать её взгляд: «А давно ли Пётр-то ушёл?» Девочка, не отрываясь от шнурка, ответила громко и зло: «Когда надо ушёл! Он стул понёс на станцию продавать!»

Я пошла прочь. Девочка молчала. Мне казалось, что она подняла голову и теперь глядит мне в спину, а может, встала из канавы и уже идёт за мной.

Только за речкой, почти у самой станции, я оглянулась. Дорога позади была совершенно пуста, в нагретой пыли у деревянного мостика через ручей сидел с зажмуренными глазами бесхвостый белый кот.

В автобусе я заняла место сзади и всю дорогу смотрела в окно...

9

Прошлой осенью стол, где много лет лежали в трёх набитых ящиках открытки и письма, скопившиеся за жизнь, мама отнесла в комиссионку. Открытки потом всю зиму валялись в коробке на балконе. Там я отыскала среди прочих Лизаветину – ту самую, полученную в ответ на мамино письмо. Я забрала её и храню теперь у себя.

Всегда, вспоминая бабушку, я вспоминаю и Лизавету, и тогда достаю эту открытку из книжки, где она у меня спрятана, и перечитываю её медленно, по

слову, – словно надеясь уловить, поймать какой-то новый смысл, угадать что-то ещё, чего Лизавета нам так и не написала. Но в открытке нет ничего кроме очень простых и прямых слов, сказанных в ответ на весть о смерти сестры:

«Привет из Любима. Очень жаль, вот и моя очередь подходит, вот и жись такая. Плоховато моё здоровье, не очень. Дел много – печь топи, снег гребь. Не привыкать, вся жись тяжела. Так что всё так, да и года уже, печаль. Ваша Лиза Кондакова».

Ярославль – Люблина.

Валентин Курбатов

Эти строки о внезапно ушедшем летом 2009 года из жизни нашем товарище, штатном сотруднике журнала «Письма из России», знаменитом иркутском издателе, подвижнике русской культуры ГЕННАДИИ КОНСТАНТИНОВИЧЕ САПРОНОВЕ написаны одним из самых близких его друзей.

Издатель жизни

Как входят в нашу жизнь друзья? Почему-то кажется, что если они настоящие, то мы никогда не можем вспомнить мгновение встречи. Они как-то сразу «оказываются». Ты опоминаешься сразу посреди дружбы.

Кажется, впервые он по «наводке» Виктора Петровича Астафьева попросил меня о предисловии к сборнику военных повестей «Вернитесь живыми», который сам составил к шестидесятилетию начала войны «в благодарность родителям, вынесшим главное испытание века», как было написано в посвящении.

Я ничего не знал о нём к той поре, кроме того, что он был некогда журналистом «Комсомолки», потом гонял машины то ли в Монголию, то ли из неё, пробовал себя в разных бизнесах и не отчаивался. Всё было обыкновенно. Мешала сознанию только «Комсомолка», потому что сотрудничество с нею в начальные дни перестройки означало полную противоположность тому, чем жил я, чем жил Распутин, чем жили все мы – старые консерваторы, не торопившиеся вместе с «Комсомолкой» сдавать свое отечество суетной новизне. Но нас сводил Виктор Петрович, и это уже было свидетельством духовной близости. Да и сам Геннадий давно жил иной, не «комсомольской» жизнью, а мы только донашивали свои старые предубеждения. Его издательство поначалу тоже, вероятно, было «бизнесом». Он издал военные повести Астафьева и потерпел поражение – умные сотоварищи прокатили его, лишив тиража. Но он чему-то научился, издал много разной разности, набивая руку, пока не явился однажды замысел этой книги военных повестей, к которой я и должен был написать предисловие и которая стала первым настоящим его успехом и событием в издательской жизни Иркутска. И не одного Иркутска.

Вероятно, он тогда впервые подумал и о своей марке, о том, что пора принимать личную ответственность за каждую книгу и без страха писать «Издатель Сапронов». До этого издательство звалось «Вектор» и было ещё не очень отчетливо в позиции, как само слово «вектор», которое не показывает стрелки, а только сам процесс движения – без определения, куда. На переломе лет и времен, когда порыв Горбачева побуждал «начать и углубить» что-то первых предприимчивых людей, кто уловил необходимость движения, но тоже ещё не знал, куда двинуть-

ся, это было бессознательной хитростью. Точно знаю, что у Геннадия расчета тут не было, а именно чутье – умное ощущение общего движения во все стороны, желание движения, чтобы только не стоять на месте, потому что были силы, всё куда-то шло, и самому времени не стоялось на месте и тоже, после долгого «сидения», хотелось идти. Вот и явился «Вектор». А за ним скоро пришла пора издавать газету «Зелёная лампа», которая освещала уже более отчетливый круг стола с высокими и духовно верными книгами, этической чистотой и эстетической разборчивостью. Опыт работы с Астафьевым и военными повестями, когда надо было говорить с Носовым и Быковым, после горячих поэтических праздников, где верховодили громкий Евтушенко и тихий Анатолий Кобенков, стремительно вооружал и разнообразил его слух. Да ведь он и жил в Иркутске, а там, какие ты тонкости ни исповедай, всё равно знаешь о существенно вернейшем камертоне, которым является В.Г. Распутин.

«Комсомолка» поначалу мешала услышать Геннадия и Валентину Григорьевичу. И это после знакомства с Геней ещё долго было его и моей занозой. Мне не работалось «по полной», пока они не были вместе. Да и Гене тоже. Мы уже сделали несколько работ. Кроме военных повестей, я написал предисловие к «Пролётному гусю» Виктора Петровича – последней книге, которую он, уже безнадежно больной, успел подержать в руках и которой успел обрадоваться. А потом, по Гениному настоянию, согласился и на издание своей переписки с Виктором Петровичем, когда Виктора Петровича уже не было. Геннадий ломал моё сопротивление, потому что вернее слышал время и уже понимал, что прежние законы, по которым переписка должна стать историей, дожидаться часа, когда она не заденет живых, уже не работали. Время сжимается с агрессивной стремительностью, и то, что не будет показано сегодня, завтра безнадежно устареет, а послезавтра вовсе будет никому не нужно. И чутьё не подвело его: «Крест бесконечный» (название было Генино, и оно было прекрасно) выдержал три издания. Угадка радовала его, и он гордился книгой, кажется, больше, чем я, и торопился представить её в Красноярске, Москве, Иркутске.

Вот тогда, в Иркутске, я и попросил Валентина Григорьевича, чтобы мы встретились втроём, что мне тяжело, что они не работают вместе. Валентин Григорьевич отговорился было, что они, в общем, и не расходились – хотя бы потому, что и не сходились. И мы встретились.

А потом всё уже просто летело. Это были лебединые издания Геннадия и счастливые работы его неизменного товарища и настоящего открытия в книжной графике и дизайне Сергея Элояна. Геннадий ввёл в книгу и этого блестящего и широко известного станковиста, который тоже решил попробовать себя в новой области, и это было победой обоих. В них билось одно сердце, и оттого и четырёхтомник прозы Распутина, и его «Сибирь, Сибирь», и «Земля у Байкала» сразу становились издательскими событиями года России. И Гена только успевал получать дипломы.

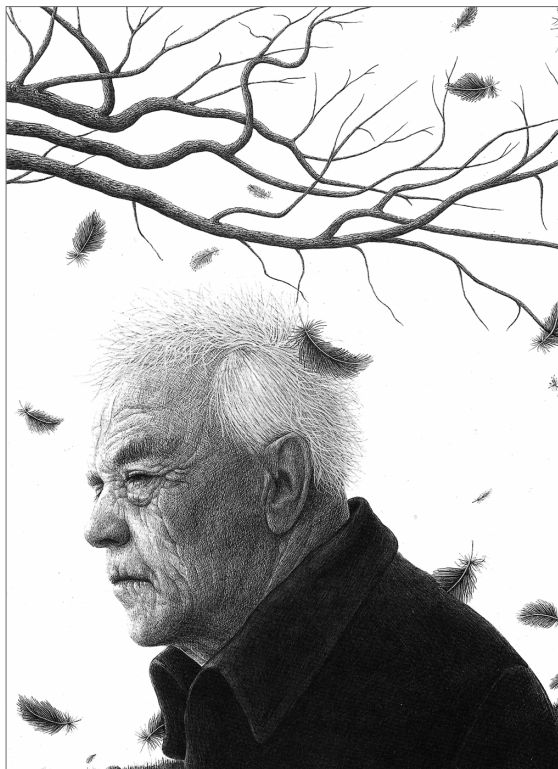
Он с детской ненасытностью почти для каждой книги искал новые решения и технологии в переплётах, шрифтах, полях. Не для игры, а для того, чтобы предельно подчеркнуть существо каждой новой работы, все стороны её красоты. А уж какой ценой давались эти красота, мера, художественное совершенство и как они сопрягались с хищными законами рынка, которому не до духовной чистоплотности, – об этом знало только сердце издателя. И усталость немногих его сотрудников.

Его основной бизнес был прозаичен – это были железные двери из Китая. Конкуренция в этой области огромна и беспощадна. Круг забот немислим – таможни, товарные станции, задержанные отгрузки, опаздывающие контейнеры, бесконечные поездки в Китай, договоры, технологии, конкуренты... Чтобы потом каждая копейка ушла в счастье книги, где тоже законы не пряник: типографии (а он работал с ними в Новосибирске, Екатеринбурге, Москве, Китае), которые своего не упустят, другие товарные станции и контейнеры, книгопродавцы и высокие инстанции, в которых надо напоминать о достоинстве и свете культуры, чтобы хоть часть тиражей уходила в библиотеки Красноярска и Иркутска, Омска и Новосибирска.

Зато как отрадны были и как восстанавливали сердце презентации книг и книжные выставки. Я бывал на некоторых представлениях в Иркутске и в Ассоциации книгоиздателей России в Москве. Везде было не поспеть. Это был ритм полёта. Вот увидел в старом письме 2003 года, как он показывает астафьевскую «Царь-рыбу»: «27 ноября запланировали представить книгу в Овсянке и Дивногорске. 28-го в Литературном музее. 29-го помянем Виктора Петровича и переедем с Серёжей в Новосибирск. 1-го покажем её в Новосибирске, второго улетим в Москву и 4-го–5-го покажем в Ассоциации книгоиздателей».

Таким же горячим праздником была ежегодная зимняя выставка «Нон-фикшн» на Крымском валу, где ничего не стоило утонуть – так огромен был этот книжный океан, где кипел муравейник честолюбив лучших издательских фирм, где властвовали империи «Молодой гвардии» и «Азбуки-классики», ЭКСМО и «Вагриуса». Но читательская воронка вокруг малого островка «Издатель Сапронов» кружилась весело и неостановимо. И тут скоро являлись договоры, обмены, новые контакты и теперь уже естественный постоянный интерес к тому, что выйдет у «Издателя Сапронова».

Мы возвращались вечерами к его неизменному редактору Агнессе Федоровне Гремицкой, радостно-усталые садились за рюмочку. Геннадий открывал книги, которые успел высмотреть у «соперников», и отыскивал лучшее, чтобы применить в своих новых идеях и замыслах. А потом, чтобы ослабла пружина дня и нашлись силы для завтра, он читал только что купленного Георгия Кружкова с его иронической лирикой («Но розы Севера не страшны русской деве, особенно когда она живёт в Женеве») или «митька» Сапегу с его русскими «хайку» («Заболею. Умру. А пока солнце, ветер, весна, трали-вали...»). Читал с такой артистической тонкостью и смеющимся умом, что и мы смеялись с ним до усталости. И не было в

Иллюстрации Сергея Элояна к книге Виктора Астафьева «Царь-рыба», выпущенной Издателем Сапроновым.

тот час людей счастливее нас и нежнее друг к другу и увереннее, что завтра мы издадим ещё чего получше. И ещё посмотрим (тайно имея в виду разные ЭКСМО и Вагриусы), кто кого!

А ведь были ещё его литературные вечера «Этим летом в Иркутске» – как устные книги, как доверчивые беседы, как лаборатории мысли, когда академический театр имени Охлопкова был полон не на артистических вечерах, даже не на литературных чтениях, а на простых разговорах о ремесле и искусстве, о Пушкине и Гоголе, об Астафьеве и Колобове. Три лета радости и труда. Когда на сцене стоял один человек и зал тоже чувствовал себя одним человеком, и они были вдвоём с Михаилом Кураевым, Владимиром Толстым, Алексеем Варламовым, Игорем Золотусским, Владимиром Костровым, Александром Шолоховым. И с Геной, и с Геной, который держал «весло» этих бесед и правил к любви и единству. И, конечно, явилась и книжная серия «Этим летом в Иркутске»,

чтобы вечера не кончались в читательском сердце.

И вот не знаю, как перейти к последней странице жизни Геннадия. Это был его лучший замысел и лучшая книга, которая только начинает жить и уйдёт в жизнь, чтобы стать самой жизнью.

В конце июня – начале июля 2009 года он запланировал провести целую экспедицию с Валентином Григорьевичем Распутиным, Сергеем Элояном, съёмочной группой студии «Остров» во главе с Сергеем Мирошниченко, с участием Красноярского педагогического университета имени Астафьева. Предстояло пройти по Ангаре сначала от Иркутска до Братска и Усть-Илимска, где жизнь худо-бедно (часто и худо, и бедно) всё-таки устраивалась, и распутинская Матёра уже не ранила слух, потому что была горьким, но уже зарубцевавшимся воспоминанием. А дальше пересечь на катера и пройти от Усть-Илимска до Кодинска по ложу затопления будущей Богучанской ГЭС, где Матёре только предстояло тонуть. Где двух- и трёхсотлетние села ждали большой воды и торопились, торопились проститься со своей домашней историей, памятью, родовыми кладбищами, налаженным бытом и самой жизнью.

Наверно, это были самые тяжёлые две недели в жизни всех участников поездки.

Геннадий хотел видеть рождение книги от самого зачатия и искал нового качества существования текста, потому что книгой были уже сами встречи с усталыми и уже равнодушными ко всему жителями давно перевезённых деревень до Братска. Книгой были резкие диалоги с начальниками Братской и Усть-Илимской ГЭС. Текстом становились лоции, фото- и киноматериалы,

плач старых людей и нетерпение молодых, отказ высоких начальников от встречи с экспедицией и хлеб-соль местных властей, которые ещё надеялись что-то удержать.

Исподволь делалось ясно, что и сама эта тяжелейшая поездка (труднее всего дававшаяся Валентину Григорьевичу, которому люди торопились выговорить сердце, чтобы самим стало полегче), и с надеждой глядящие на нас берега, и прекрасные даже в угасании, на глазах умирающие, пустеющие деревни, и, кажется, даже ненаглядные облака и травы, кресты кладбищ, и всякое провожавшее нас окно, – всё уже было каждую минуту готовой, сейчас работающей книгой. Злая беспмятная новь и экономическая бесчеловечность так торопились извести жизнь, что до классической книги дело просто могло не дойти. Жизнь становилась прошлым прямо на наших глазах, и писать её надо было каждой минутой и каждым днём. И так хотелось, чтобы дни были подольше.

Как великая старуха Анна из распутинского «Последнего срока», учившая дочь, как «обвыть» её по-человечески, мы прощались с обречёнными селами, приговаривая: «Ой, ты, Кежма, родима матушка... Ой, ты, Едарма, Кеуль, Недокура...» Только уж не «на кого вы нас оставляете», а на кого мы бросаем вас, как неблагоприятные дети своих матерей, надеясь после этого по-прежнему считаться людьми.

Геннадий глядел во все глаза, снимал, торопился вязаться во все диалоги, выпрашивал по деревням старые фотографии, словно ощупывал каждый день и час и принимал их в сердце, где они становились какими-то ещё небывальными страницами. Он вынашивал Книгу и слушал её движение в себе с любовью, волнением, тревогой. Он был печален и он был счастлив, если такое соединение возможно. Рождалось что-то необыкновенно значительное, совсем новое, не бывшее в мире. И его издательское сердце горело этой новизной, болью, тревогой и догадкой о совершенно сегодняшнем, технологически едва рождающемся в новом времени книжным деланием. Каждый день был книгой, и он был автором, который мог на ходу уточнять «текст» жизни. И мы волновались, чувствуя это рождение и ещё не умея назвать его.

Мы расстались в Красноярске, договорившись на будущий год пройти остаток Ангары до Енисея, уже зная свои силы и свои возможности, уже предчувствуя, что мир можно если не образумить, то хоть задержать его падение. Я вернулся в Псков, чтобы начать обдумывать дневник поездки. Через день мне позвонил Сергей Элоян и, захлебнувшись слезами, сказал: «Гена умер»...

Нельзя было даже закричать, чтобы понять это. Надо было только так же умереть. Мир не захотел останавливаться в своём падении. Он почувствовал врага в рождающейся книге, в силе восстающей жизни, в брошенном ею вызове.

Но участники поездки уже работают над маршрутом продолжения экспедиции. Лоции собраны, кинокамеры заряжены, перья очинены, сердце укреплено сознанием правоты и необходимости продолжения.

Издатель Сапронов продолжает своё святое человеческое дело. Теперь он издает Жизнь.

Александр Ороев

О себе:

Родился в селе Улаган Горно-Алтайской области в 1949 году. В поисках романтики объехал Дальний Восток и юг Казахстана, был моряком, работал в геологических экспедициях. В 1980 году поступил на заочное отделение Литинститута (семинар прозы В.П. Рослякова – А.И. Приставкина). В 1984 году осел в г. Львов Курской области, работал корреспондентом местной газеты.

Прогулки с Валентином Овечкиным

НЕКТО ХОДИТ ПО ПЯТАМ

Надо бы сказать: вот, мол, наваждение какое-то, просто мистика – преследует меня некто Овечкин В.В., ходит по пятам, дышит в затылок, выскакивает неожиданно из-за углов, мешает жить спокойно в буднях развивающегося (или уже – развитого?) капитализма, отвлекает от насущных задач дня.

Хорошо бы добавить и про то, как пошел в храм (к бабке-заговорнице), поставил свечу (употребил зелье) – и отступил бес.

Но тут сразу на ум приходит очередная связанная с Овечкиным мысль: а как бы поступил в сегодняшних обстоятельствах сам Валентин Владимирович? Пошёл бы он в церковь, чтобы там стать в первых рядах с бывшими дамочками от партидеологии? Сдается мне, что эти «дамочки» обоего пола, всегда и везде стремящиеся оказаться в самых первых рядах, в свое время немало кровушки овечкинской попили.

Но дело даже не в них, дело, конечно же, в принципе. Ну не мог Овечкин, как эти, из первых рядов, поступиться принципом, служить сегодня – идее всеобщего счастья, завтра – маммоне, а послезавтра – богу; не такой был человек, за что и претерпел немалые муки.

Отставим мистику в сторону. Тут всё дело в топографии.

Стоит мне утром, направляясь на службу, выйти из дома, пройти по топиной аллее, насаженной в своё время кем-то из князей Барятинских, пересечь трассу (продолжение улицы Красной г. Льгова), стать на автобусной остановке лицом к проезжающему транспорту, и – вот он, повод вспомнить Овечкина, символ былой эпохи: раскидистые «шесть сестёр», упомянутые публицистом в

«Районных буднях». Тех самых очерках, что очень громко нашумели в советском обществе в пятидесятые годы прошлого века, сильно повлияли на общественное сознание в шестидесятые-семидесятые и были благополучно забыты чуть ли не с первого дня капиталистических преобразований в стране.

За косыми потоками дождя перед машиной в неярком свете фар забелели хаты.

– Ровно половину проехали, Ногаевка, – сказал шофер. – «Шесть сестёр», – кивнул он на огромное дерево – липу, распростёршую могучую ветвистую крону над окраинными строениями придорожного села. Казалось, что это одно дерево с густым сплетением веток – летом под его листвою в тени укрылась бы целая рота солдат, – но это были шесть лип, выросших ствол к стволу, в родственных объятиях. Так и прозвали их проезжающие через село путники, всякий раз любовавшиеся этим чудом природы: «Шесть сестёр».

Автор в очерке «Трудная весна» перенес эти липы в вымышленную Ногаевку. В действительности же они находятся во Льгове, в самом центре территории, окруженной топографическими точками, которые связаны с пребыванием Овечкина в этом городке.

Напротив «шести сестер», через дорогу, стоят избушки-развалюшки льговской МТС, директором которой был некий бывший большой московский начальник, сменивший столичный кабинет на директорский стул во Льгове. Некоторые исследователи считают его прототипом излюбленного героя «Районных будней» Долгушина.

Стоит задержаться на этом месте. В полусотне метров отсюда, построенная в позапрошлом веке фельдмаршалом А.И. Барятинским, высится Башня Шамяля, вероятно, самый первый в России памятник мятежному имаму. А напротив неё, через дорогу и речку Сейм, то самое место, где Овечкин пережил однажды серьёзнейший экзистенциальный момент своей жизни – последствие творческого кризиса. Мы ещё вернёмся к нему, к этому кризису-то.

Взглянув в другую сторону, видишь конец улицы Красной, где стоит домик того самого льговского жителя Михаила Фролова, из которого Овечкин безуспешно пытался сделать писателя, потому что восхитился его приключениями в тылу врага в годы войны.

Наконец, оглянувшись назад, можно увидеть мостки через речку Бык, на которых льговчанин Е.К. Маслов встретил однажды разгоряченных бегом Овечкина и поэта Дмитрия Ковалёва. Друзья бежали в местный райком ВКП(б) «выяснить отношения» с первым секретарем С.М. Данковым (прототипом овечкинского Борзова), обвинившим их в антисоветской деятельности. Мы и к этому скандалу ещё вернёмся.

Вот почему, оказавшись на остановке автобуса почти напротив этих самых «шести сестёр», которые, конечно же, были изображены Овечкиным в «Районных буднях» не как достопримечательность некой вымышленной Ногаевки, а как вполне осознанный автором символ колхозной жизни, невольно вспоминаешь писателя. И после этого никакая прогулка по Льгову и его окрестностям, никакая встреча не проходят без Овечкина.

Я смотрю в очередной раз на этих самых «сестёр», мимо которых мчат, игнорируя знак ограничения скорости, автомобили, на высокую траву, покрывшую за последние годы некогда очень широкую тропинку под липами. Теперь никто не отдыхает под ними, никто не любит этим чудом природы, никто не ищет в нём символов коллективизма, дружного совместного жития. Другая на дворе эпоха!

Не такова ли была и писательская слава Овечкина: сначала – возведение на пьедестал, четыре десятилетия безусловного поклонения, присвоение высоких титулов, а потом – забвение? Почитатели или вымерли окончательно, или, пересев с телеги на автомобиль, несутся куда-то мимо.

Ради сбережения этого живого памятника культуры тиснула районная газета несколько публикаций о «шести сёстрах». Бесполезно! Строители, прокладывая трассу газопровода, провели его прямо по корням деревьев. Подумаешь, какие-то там «сёстры»!

Да что там «сёстры». Вся усадьба разгромлена. Это надо было слышать, как по ночам гремело железо – тащили некие граждане жёсть с крыши бывшего санатория, простоявшего с тридцатых годов и брошенного на произвол судьбы. А потом дошла очередь и до княжеского дома – осталась от него гряда кирпичей.

«ДОВЕСТИ ДО КОНДИЦИИ...»

В мемуарах о Валентине Овечкине¹ сплошь – восхищение умом, деловитостью, честностью этого человека.

Михаил Ковалёв, сын Дмитрия Ковалёва, прислал из Москвы выписки из дневника поэта, посвященные Льгову. И среди них одна оказалась такая, что полностью разрушает тщательно создаваемый мемуаристами образ директора МТС.

Сняли, говорят, Н. (овечкинское Долгушина). О нём много я слышал разного. Видать, фигура всё-таки интересная. Одни говорят, что он был умнее районного и даже областного начальства, и потому его не терпели. Но и эти не могут не заметить, что трактористы его не любили. Штрафами замучил их, а некоторых штрафовал трижды, даже будто был.

Махинации с железом (брали в Туле, а тут сплавляли) и др.

Другое: колхозники будто за советом к нему ходили, даже по семейным делам. Опять же – в своем отечестве пророка нет! Он-то из столицы приехал. И без прописки был до последнего времени, сохраняя квартиру в Москве. Ни одной своей заслуги не забывал записать (записывал ли ошибки, промахи или просто неприглядные дела). А впрочем, надо разобраться в нём не понаслышке. Он этого заслуживает.

По нашему времени считая, больших грехов у директора МТС не было. Просто был человек природным коммерсантом, добывал себе торговлей средства на большой кусок масла к куску хлеба. Что с того, что прятал от государства свои дела и доходы! Кто из деловых людей в наше время в таких грешках не замешан?

А по тем временам коммерция эта была делом крамольным и потому – опаснейшим. В конце сороковых годов во Льгове состоялся громкий судебный процесс, на котором к большим срокам заключения приговорены были руководители санатория, расположенного в той самой бывшей усадьбе князей Барятинских. Осудили их за то, что сбывли частным образом на каком-то рынке Москвы автомашину яблук из санаторского сада. История эта нанесла непоправимый урон репутации льговских коммунистов, о ней потом частенько вспоминали на собраниях и конференциях, призывая к бдительности против частнособственнических

¹ Воспоминания о В. Овечкине. – М.: «Советский писатель», 1982. Далее в тексте: ВОВО. – *Примеч. автора.*

происков. Районная газета в те же годы опубликовала заметку – донос какого-то селькора о том, что в селе Марица у некоторых колхозников имеются в собственности дрожки, которые надо бы обобществить.

Неподалеку от останков бывшей МТС, как уже говорилось, находится дом Михаила Фролова.

О рукописи Фролова пишет в своих воспоминаниях бывший ответственный секретарь журнала «Новый мир» Алексей Кондратович. Главный редактор «Нового мира» А.Т. Твардовский эту рукопись, вероятно, присланную или доставленную в Москву Овечкиным, читал и сокрушался, что время для таких произведений ещё не пришло.

Есть сведения о Михаиле Фролове и в воспоминаниях прозаика Михаила Колосова.

Овечкин загорелся довести роман «до кондиции» и добиться его опубликования. Он вызвал к себе автора, оставил жить у себя (Овечкин уже переехал из Льгова в Курск), работал с ним день и ночь над рукописью. Помню, крупный мужик-здоровяк и Овечкин, будто одной верёвочкой кто связал их, как сиамские близнецы – везде вместе: и в редакцию, и на рынок, и на рыбалку – всюду вдвоём...

Работа Овечкина над этой рукописью не увенчалась успехом, роман так и не был опубликован: тогда ещё было не время для таких романов, а потом оно, наверно, прошло... (ОВО. С. 278.)

Я держал в руках рукопись Фролова, полученную от его семьи. Если это тот вариант, который был некогда отослан в «Новый мир», то нет ничего удивительного, что Твардовский не опубликовал «Записки партизана-десантника». Это, конечно, не роман, а воспоминания о приключениях десантника, сброшенного с самолёта далеко в стороне от назначенного места: несколько схематично изображённых эпизодов, большое количество присущих военной и послевоенной публицистике идеологических штампов. Удивляет, что Овечкин, автор повести «С фронтовым приветом», не «довёл» рукопись «до кондиции». Вполне возможно, что эта рукопись, сегодня хранящаяся во Львовском краеведческом музее, лишь один из ранних вариантов записок Фролова.

«АНТИСОВЕТЧИК» КОВАЛЁВ

Встрече льговчанина Евгения Маслова с писателями Овечкиным и Ковалёвым на мосту через речку Бык предшествовали события, в которых участвовали сотни людей: сотрудники районного партаппарата, милиционеры, коммунисты и простые жители города и района.

У Овечкина, приехавшего во Льгов в 1948 году, через два-три года отношения с местными правителями были испорчены до предела, а с назначением на пост персека льговского райкома ВКП(б) С.М. Данкова между писателем и местной партноменклатурой началась настоящая война.

Попытаемся этих ребят из номенклатуры понять!

Стоит только мысленно стать на их место, представить, что вот именно вам доверено труднейшее и ответственнейшее государственное дело, отданы в подчинение десятки тысяч людей, сто организаций, учреждений и заводов, полторы сотни колхозов. Вы круглые сутки думаете о государстве, об общественном интересе,

трясёте колхозных председателей, требуете больше хлеба для страны, строгого выполнения плана заготовок. Но ведь надо ещё заставить всё своё колхозное княжество землю вспахать, сев провести вовремя и неукоснительно с заданием из области, проследить, чтобы ни одно возвращённое зернышко не утекло на сторону.

Тут не спишь ночами, бьёшься с утра до ночи (или до очередного утра) на собраниях и совещаниях, мучаешься над извечными проблемами: как не оказаться среди худших, среди отстающих, не уронить показатели урожайности, надоев, вывозки на поля навоза... А внизу (поскольку вы на посту высоком) путаются под ногами какие-то откровенные бездельники, совершенно безответственные людишки! Ну, конечно, обидно до слёз, до ломоты в костях и скрежета зубового.

Есть среди прочих бездельников трое самых отъявленных, что называется, оторви и брось. Но оторвать не просто – все коммунисты, все со стажем партийным, один и вовсе на виду у всей области. Овечкин, Ковалев и Гололобов – на каждом пленуме рвутся на трибуну поразглагольствовать, развести демагогию среди суровых боевых будней.

Проще всего с Гололобовым. Отставной военный, подполковник. Сколько их, таких подполковников да майоров, полковников и даже генералов, после войны не при службе оказалось!? Не нужны армии – могут пригодиться в народном хозяйстве. Тяжело, конечно, если ты полком командовал, оказаться вдруг на гражданке, не имея никакой специальности, один только навык – командовать.

С Гололобовым в районе обошлись по-доброму. Чтобы не скучал вояка старый от безделья, и в райком членом выбрали, и в райсовет депутатом от промкомбината провели. Действуй, подполковник, помогай авторитетом своего военного звания держать генеральную линию партии! А он вместо благодарности лезет с критикой, самого первого секретаря не щадит, недостатки находит в управлении районом. Зарвался! Забыл, что тут не армия, где звёзды на твоих погонах что-то значили!

И однажды получает гражданин В.Д. Гололобов повестку – вызов из милиции. А там хорошо проинструктированный товарищ, тоже, кстати, при погонах, простенький вопрос задаёт: «Вы, гражданин Гололобов, по имеющимся у нас сведениям, недавно кабанчика прирезали. Дело, конечно, ваше... Но вот шкуру вы государству сдать обязаны. Есть такой закон». И бумажку ему, подполковнику, под нос. «Где шкура убиенного вами кабанчика? Не было никакого кабанчика? А чем докажешь?» И на восьмом допросе (опять по повестке вызвали), запросто, уж очень близкими знакомыми стали: «Где шкура?» И на двадцать восьмом допросе: «Не любишь ты, подполковник, государство наше социалистическое. Не хочешь содействовать расцвету промышленности, раз сырьё от неё утаиваешь. Но государство у нас зоркое, всё видит благодаря бдительности милиции и отдельных граждан. Где, гад, шкура!?»

Второй демагог и бездельник – некто М.Д. Ковалёв, поэт. Что он там насочинял – неведомо. Но вред от него льговской районной парторганизации и лично первому секретарю товарищу С.М. Данкову тоже немалый. Живёт где-то далеко, но, поскольку бездельник, по полгода во Льгове проводит. Приедет и сразу в райком, на учёт стать, поскольку член ВКП(б). Стал на учёт: полгода – льговский коммунист. Критикует везде, где только может, стремясь даже и на пленумы райкома проникнуть. Собирает вокруг себя всех обиженных советской властью (таких много – война позади), составляет за них письма, а дружок его, Овечкин, во всей троице главный, письма те в Курск отвозит и разносит по областным партийным и советским органам.

Самый из самых, конечно, Овечкин. Принесло его с юга на львовские чернозёмы. Хотел воспеть деяния Курского обкома, опорочившую себя звеньевую систему организации труда в растениеводстве. Покровителя его, первого секретаря обкома Доронина, с должности сняли, отправили куда-то. А этот здесь остался. Но и тронуть его не могли! Не в том дело, что тоже член райкома, а в том, что писатель, член Союза. Это не номенклатура, а вообще неизвестно что. Их где-то в другом месте учитывают, на самом верху. Ты его сегодня тронешь, а он к этому времени вдруг окажется в чести и почете у вышестоящих органов.

Одна морока с этими членами СП, Овечиным и Ковалёвым. И вдруг – подфартило. Слух прошёл, что сочинил Овечкин какую-то несусветную крамолу, буквальный подкоп под органы власти и партию, за что и получил соответствующую нахлобучку от курских партийных вождей. Он, кстати, давно нарывался: всё статьи сочинял, фельетоны, высмеивал руководящий состав. Вот и нарвался! Стоит на самом краешке – того и гляди свалится. Надо бы только подтолкнуть. И повод есть хороший – очередная конференция райпарторганизации на июль 1952 года назначена. Нужно только подготовиться как следует!

И подготовились...

Овечкин выступил на конференции с известной речью (её обширно, но, к сожалению, не полностью цитировал Ю.Г. Черниченко). Гололобов рассказал о «семидесяти допросах» из-за шкуры кабанчика. А Данков и иже с ним разыграли против «овечкинцев» многоходовую комбинацию. Атаке подверглась деятельность во Льгове публициста Овечкина «со товарищи», из которых крайним оказался Ковалёв.

Член Союза писателей СССР, русский поэт Дмитрий Ковалёв жил в Минске, но ежегодно подолгу гостил во Льгове у родственников жены. Естественно, что между двумя литераторами, оказавшимися в замкнутом пространстве маленького городка, завязалась горячая дружба. В этих двух носителях очень по тем временам высокого звания члена Союза писателей обиженные местной властью жители увидели своих защитников. И литераторы охотно помогали каждому: составляли им письма, хлопотали по их делам перед областными руководителями.

Вся эта деятельность не могла остаться незамеченной. Но к «боевым действиям» привело то, что литераторы заняли крайне негативную позицию по отношению к секретарям райкома, критиковали их за просчеты в руководстве районом при каждом удобном случае.

На конференции 12–13 июля 1952 года один из местных железнодорожников, явно с подачи предводителей райкома, выступил с критикой Овечкина и Ковалёва, указав, что они берут под защиту даже тех граждан (названы две школьные учительницы), что сотрудничали с оккупантами в годы войны.

Сказано было с расчётом на горячий характер Ковалёва, который не мог оставить такое выступление без последствий.

(О классовой борьбе львовские коммунисты не забывали, начальник милиции, сменивший на посту Голубева (речь о нём впереди), доложил конференции, что в деревне Речица посеяли рожь «с признаками вредительства».)

Поэт, конечно же, захотел объясниться с человеком, которого он, возможно, даже и не знал, но который о нём на партфоруме высказался доносительно. Спустя несколько дней после конференции Ковалёв пришел на железнодорожный узел в локомотивное депо, встретился с этим преданным «генеральной линии» райкома коммунистом. Завести горячего поэта, в годы войны матроса-подводника, было просто. Разговор прошёл на самых высоких тонах, возможно, что и круче про-

стого скандала. Те, кто знал Ковалёва (курский поэт Вадим Корнеев, например), считают, что любые «неожиданности» были возможны.

Вскоре бюро райкома получило жалобу на оскорбление коммунистом Ковалёвым своего собеседника. В бюро райкома именно такой реакции и ожидали. Состоялся суд скорый и неправый. Бюро, по инициативе первого секретаря С.М. Данкова, объявило Д.М. Ковалёву строгий выговор с занесением в учётную карточку. В минский обком отправлен был сигнал об его антисоветской деятельности во Льгове. Местными партократами сделано было всё, чтобы уничтожить Ковалёва как литератора.

Узнав каким-то образом о письме львовского парткомитета в Минск, друзья-писатели и помчались в райком разбираться с персеком Данковым...

Ходить бы Ковалёву долгие годы по инстанциям, отмываясь от пришлёпнутого львовским райкомом клейма антисоветчика, если бы не оглушительный успех овечкинских «Районных будней», опубликованных в сентябре 1952 года. На Данкова, на Львовский райком обратили внимание в областных верхах. 4 декабря 1952 года бюро курского обкома КПСС (переименование партии произошло в октябре того же года на XIX съезде) исключило из партии Данкова и некоторых его соратников за «зажим критики и месть коммунистам за критику».

Не обошлось в этом деле и без обычного партаппаратного издевательства над С.М. Данковым. За неделю до заседания бюро обкома он выступил во Льгове на пленуме райкома с докладом о подборе, расстановке и воспитании кадров. Тема доклада, естественно, была спущена сверху.

Лишь после изгнания Данкова из рядов коммунистов, 9 декабря 1952 года, бюро обкома рассмотрело апелляцию Ковалёва по поводу решения бюро Львовского райкома ВКП(б) от 7 августа 1952 года. Ковалёву указали на нетактичность его поведения на железнодорожном узле 26 июля, а решение Львовского райкома об его «антисоветской деятельности» отменили.

О трагическом конце человека, послужившего прообразом антигероя «Районных будней» партсекретаря Борзова, в дневнике Д.М. Ковалева сделана такая запись:

1967 год. Женя (вероятно, Е. К. Маслов. – А.О.) привез новость из Льгова: Данков (овечкинский Борзов) и его жена приехали в места, где он царствовал когда-то и портил мне кровь. Изрядно выпили, закрыли трубу не вовремя и угорели насмерть во сне.

В истории львовской журналистики С.М. Данков тоже оставил свой след: он был единственным партсекретарем, требовавшим, чтобы перед отсылкой в печать каждый номер районной газеты приносили ему на проверку.

ПЕРЕКВАЛИФИЦИРОВАТЬСЯ В УПРАВДОМЫ!

Не могу заподозрить прозаика Фёдора Голубева, бывшего начальника львовской милиции, бывшего офицера НКВД–МВД, в желании выставить героя своих мемуаров – публициста Валентина Овечкина в несколько пародийном виде. Воспоминания «Человек с пламенным сердцем» написаны Голубевым с таким пиететом перед главным героем, что никакой мысли о пародировании не должно возникнуть.

И все же...

Однажды, это было весной 1950 года, он (Овечкин. – А.О.) пришёл ко мне вечером, часов в одиннадцать. Очень мрачный, с плотно сжатыми губами.

– Ты не спишь? Пойдём, пройдемся...

Около разрушенного немцами моста мы спустились к самой воде, немного прошли по влажному песку вверх по течению и, заметив выброшенную половодьем корягу, чем-то схожую в темноте с огромным спрутом, сели на неё и стали смотреть на сонное течение реки. На другой стороне реки, в старом, когда-то принадлежавшем царскому сатрапу князю Барятинскому парке свистели, чекали и сыпали горохом знаменитые курские соловьи... Но Овечкин смотрел на всё это равнодушно.

– Ты что-то не в настроении, – не вытерпел я.

– Да, – вздохнул Валентин Владимирович. – Ты знаешь, меня в последние дни замучили кошмары. Мне кажется, что я запутался и иду не туда, куда нужно. И делаю совсем не то, что нужно...

– Почему же, – начал, было, я, – ты написал пьесу...

– Написал, написал, – повысил голос Валентин Владимирович, – но это всё не то. Я думаю, не податься ли мне в колхоз. Сейчас хороший председатель колхоза значительно важнее плохого писателя.

Я изумленно охнул.

– Да, да. Писатель, писатель! А что писать, – сердито продолжал он. – Что? Ты помнишь Некрасова:

*И получше нас были витии,
Да не сделали пользы пером...*

Мы просидели у реки до самого рассвета. Говорили о человеческих обязанностях на земле... И потом долго вспоминали эту тревожную ночь.

После этого Овечкин с какой-то жадностью набросился на изучение колхозной жизни. (ОВО. С. 141.)

Чем-то очень знакомым веет от всей этой истории. И берег реки, и смысл высказывания героя – явный результат крушения каких-то надежд – всё знакомо! Что называется – экзистенциальный момент!

Где-то всё это уже было. Где?..

Так это же заключительный эпизод «Золотого теленка» Ильфа и Петрова! Место действия то же – берег реки! Тот же смысл высказывания главного героя: «Графа Монте-Кристо из меня не вышло. Пора переквалифицироваться в управдомы».

Усиливает сходство упоминание о «царском сатрапе князе Барятинском». У Остапа на другом берегу тоже не друзья-приятели, а «сигуранца проклятая», «эксплуататоры трудового народа» – лексика из того же набора коммуниста-агитатора...

Вложив в уста Остапа «эксплуататоров трудового народа», авторы романа получили комический эффект. Получилась пародия на каноническую в советской литературе сцену из художественного произведения о борце за народное счастье. В романе Ильфа и Петрова словами героя-революционера говорит индивидуалист, «бескорыстно любящий денежные знаки». Пародия для своего времени была очень острая и рискованная.

Голубев, конечно, не предполагал пародировать сатирический роман, делать пародию на пародию, у него это вышло произвольно. Автор мемуаров исполъ-

зует известный штамп. Герой многих произведений соцреализма, запутавшись в каких-то перипетиях, встречается на своем жизненном пути коммуниста-партсекретаря (в вариантах могут быть: директор, милиционер, начальник лагеря или следователь, старый большевик), открывает ему душу и, просветлённый мудрым партийным словом, накачанный марксистско-ленинскими идеями, с сияющими глазами бежит совершать трудовые или боевые подвиги. Познакомившись с воспоминаниями Голубева (кстати, в те годы начальник районной милиции – непременно член или кандидат в члены бюро райкома КПСС), мы придём к выводу, что Овечкин, запутавшийся в своих литературных делах, даже решивший бросить ремесло писателя, именно от беседы с ним, опытным коммунистом, получил просветление души, подвигнувшее его «наброситься на изучение колхозной жизни». А результат – знаменитый цикл очерков «Районные будни».

Таких «идеологически выверенных» штампов в сборнике воспоминаний о В.В. Овечкине много. Иногда, в обычной житейской ситуации, он вдруг говорит словно фразами из стандартного заявления о приеме в члены ВКП(б) – КПСС: «Хочу быть полезным участником наступления партии и народа». Авторы очень постарались, чтобы Валентин Владимирович вполне отвечал образу писателя-коммуниста, каким его хотела видеть партноменклатура. А этот образ, в свою очередь, вызвал в годы перестройки старательное оплёвывание памяти публициста некоторыми взошедшими на обломках недавнего прошлого сочинителями.

Овечкинский символ дружного колхозного бытия, те самые «шесть сестёр», никому сегодня не нужен и не интересен. Так же мало кому интересны и доживающие свой век бывшие колхозники. Весь уклад крестьянской колхозной жизни не поломан – снесён начисто. И если цепляются ещё люди за привычные символы, как в СПК «Колхоз имени Черняховского» здесь же, во Львовском районе Курской области, то это всего лишь видимость старого при абсолютно новом содержании.

Воспользовавшись излюбленной советскими агропублицистами военной лексикой («Битва за урожай», «Животноводство – ударный фронт» и т.п.), можно сказать, что во всех последних сражениях истории не только колхозное, но и всё российское крестьянство потерпело жестокое поражение, практически полный разгром. Занятно отметить, что маршалами победы над советской властью стали «ярославский крестьянин» А.Н. Яковлев и «ставропольский комбайнёр» М.С. Горбачев, то есть те же колхозники. А первой, кстати, дезертировала с поля боя агропублицистика, «генералы» которой (если не все, то многие) разбежались по белу свету, мимоходом охаивая своё собственное прошлое и своего предтечу – Овечкина.

Арьергардные бои за последние деревушки безуспешно ведут сегодня районные газеты, также обречённые на исчезновение. В пока ещё многочисленных, но быстро уходящих в небытие Ногаевках, Борисовках, Надеждовках и Горностаевках, рассыпанных по всей стране, средний возраст жителей под 80 лет. Это доживают свой век те, о ком и для кого писал Валентин Овечкин, о ком болела его душа.

Стоит мне утром выйти из дома, пройтись по тополиной аллее...

Пётр Матюков

О себе:

Матюков Пётр Юрьевич. Родился в 1971 году. До окончания школы жил в Нижнем Тагиле, потом поступил в Новосибирский государственный университет на факультет математики, который окончил с отличием в 1994 году. Работал в сфере IT. Печатался в журналах, газетах. Участник литературного семинара Геннадия Мартовича Прашкевича в Новосибирске.

Сумасбродское

СУМАСБРОДСКОЕ

Если выпало в Голландии родиться,
Лучше сразу жить в России некурящим,
Оземь грохнутья, собой оборотиться,
Очутиться в настоящем настоящем.

Вот Калинов мост – дуга от полукруга,
Над Смородиной – горючею рекою,
Вот двенадцатиголовая змеюка
Поджидает богатырское жаркое.

Ходит Штирлиц в чёрной форме (как в киношке),
Шлёт шифровки, опасается провала,
В богатырском деле Штирлиц не помощник,
Просто, так ему Яга наколдовала.

Мчит Чапаев, машет шашкой, хоть и ранен,
Рядом Фурманов стоит в библиотеке,
Мчит Чапаев между странными мирами,
Где какие-то предательские реки.

Пётр I собирается в загранку,
Показать минхерц заморским корабелам,
Кто-то нервный поглощает валерьянку,
Потому что предлагают парабеллум.

Чудо-юдо чиркнет пальцами по шее,
 Да отрубленную голову приставит,
 А Иван-дурак ругнётся только: «Змеи!»,
 Крякнет, сплюнет и рубить не перестанет.

В чистом поле трое бдят, а им не бдится,
 Катит, катит девка яблочко по блюдцу,
 Где бы там тебе ни выпало родиться,
 На Калиновом мосту тебя дождутся.

ТАКАЯ ВЕСНА

Холодный ветер. Сверкает, гремит Афанасий Фет,
 Подходит чайка, важная как доктор наук,
 Говорит: я даю один, только один совет –
 Мажешься дёгтем, валяешься в перьях, летишь на юг.

И тотчас под куполом нервно звякает гонг,
 Журавли подбивают клинья, летят (натурально весьма),
 Я говорю себе: тихо, парень! Это какой-то гон,
 Это весна, не осень; не осень – такая весна!

Рыбак латает лодку; по борту надпись «Лукойл»;
 Дыру затыкает сетью, изолентой крепит мотор;
 Откидывает капюшон, мигает, машет рыбацкой рукой,
 Подхожу, подаю изоленту – новый моток.

Рыбак говорит: в пучине, там, где полно путан,
 Где всякую пакость со дна наверх в ночи поднимает сеть,
 Глотает людей, дома, машины Рыба-кит-депутат,
 Так что плыть не советую... Лучше того – лететь.

Смотрю на берёзы, некто ставит на них штрихи,
 На белых стволах когтями. И надо же, каждый год
 Бродят поэты стайкой, запоем читают стихи,
 Думают, что стихи читают, но это – штрих-код.

Крепок, по-русски крепок в мае березовый сок!
 Ждут и рыбак, и чайка, на юге сверкает блесна,
 Хрен – говорю – вам, ребята, это у вас заскок,
 Это весна, не осень; не осень – такая весна!

ПЕРВОМАЙ

Шел развёрнутый транспарант
 (Кумачов и заборист, сочен),

Шли рабочие на парад
Характерным шагом рабочим.

Улыбались уста у всех,
Отворялись уста, кричали,
Шёл по городу первый цех,
Первый цех – он всегда вначале.

А за первым – ещё цеха,
Словно очередь за получкой,
На трибуне цехам ЦК
По-отечески делал ручкой.

Шли учёные, шли на бис,
Веселились, жуя таблетки,
Раздавали детишкам крыс,
Славных крысок в железной клетке.

Я не знал тогда ни хрена
В этом чёртовом хороводе:
Ни того, куда шла страна,
Ни того, что страна уходит.

РОДИНА

Тебе, мой край, поклон земной.
Здесь пахнет жмыхом и овином,
Здесь жирный гусь с гусиным сыном
Гуськом идёт на водопой,
И сало капает тропой.

Здесь под хвостом орёт вожжа,
Поют собаки подзаборно,
А дед Семён не ест попкорна
И кроет матерно США,
Глотнув чуток для куража.

А дед Семён живет один,
Он до сих пор хранит гранату –
Да мало ли, вдруг будет надо?
В столице не был. Ржёт: Ну блин!
Зато в войну он брал Берлин.

Прорвался голос малыша:
Здесь русский дух, здесь ... (многоточье).
Здесь столько, что скупые строчки
Источат штык карандаша.
И где-то здесь... моя душа.

ТОПОЛИНЫЙ ПУХ

Тополь стоял у дома, рос до седьмого этажа,
– Такая доля, – любил шелестеть, – такая работа.
Порой говорил с пролетающим свежим остом,
Мол, Землю и дом тяну, приближаю к звёздам.
А ветер дул и смеялся, дул и смеялся на это.
– Ты, – говорил, – почти грузовая ракета,
Только, гляди, как бы топливо не засохло.
Эй, погоди, а ну покажи, где соплю!..
А после тополь спилили, и ветер заплакал,
А может, совпало, и просто дождик закапал?
Нет – плакал ветер на листики на скелете,
Плач Ярославны по с неба упавшей ракете.
И кажется даже, плакал не ост, а осты,
И кажется также, стали чуть выше звёзды.

ГОРЬКОЕ

Буревестник рвал турбины
В двух крылах от божьей кары,
За бортом – гроза, вестимо.
Ни пингвина, ни гагары.

А внизу, как пить, в утёсах
Что-то прятал кто-то робкий,
Это отдавалось в дёснах,
В человеческой коробке.

Стюардесса не шаталась,
Но разила перегаром,
Говорила: нам досталось
То, что не дал бог гагарам.

Ни гагарам, ни пингвинам –
Нас несёт стальное судно.
Мы вжимаем в кресло спины.
Разве это им доступно?

Я кивал подобострастно
(чуть сильнее кивал, чем надо)
И старался понапрасну
Не гневить иллюминатор,

Где, как в чьей-то страшной песне
(запевайте песню с нами),
Гордо реял буревестник
С ошалевшими глазами.

МЫ СИДЕЛИ, НОГИ СВЕСИВ С УТЁСА

Мы сидели, ноги свесив с утёса,
Мы болтали, и болтали ногами,
А над лесом кто-то, встав на берёзы,
Занавешивал восход облаками.

Но над лесом разгоралась полоска –
Издательство над планом зловещим,
И казался неопасного роста
Тот подоблачный мужик-занавесчик.

И как будто бы мы снова открыли,
То, что было навсегда позабыто.
Ты смеялась – и не прятала крылья.
Я смеялся – и не прятал копыта...

ПЕПЕЛ

Над трубой появился дымок,
Затянули отходную дьяконы.
Этот парень – он многое мог,
Только пепел у всех одинаковый.

Что не мог – это бросить лассо,
И стрелок никудышный и аховый,
Не японский солдат, не Лазо,
Только пепел у них одинаковый.

Между чёртом и ангелом жил,
Выбирал... Поиск истины, якобы.
А потом в одночасье решил,
Будто пепел у них одинаковый.

Всё не верится нам, дуракам,
В то, что мы под копирку налеплены.
Но плывут и плывут облака,
Как и мы, одинаково пепельны.

СОБАКА

Ночь. За окошком тонет
Месяц – не хочет плыть.
Собака осталась в доме,
Собака устала выть.
Собака глядит на месяц
С древней тоской дворян,

И слушает звуки лестниц,
И ловит носом сквозняк.
Потом, поглядев на фото –
Она и хозяин там –
Пойдёт и нальёт – всего-то! –
Каких-нибудь двести грамм.
Грянет на кухне выпью,
Пугая соседский люд,
Отставит стакан, не выпьет,
Собаки – они не пьют.
Выйдет во двор: прохожие,
Звездочки сигарет,
И не замечая кошек,
Будет стараться след
Взять. Впереди – награда
За месяц, ночь и мороз:
Больничный покой. Палата.
В ладошку холодный нос.

КО МНЕ ВЧЕРА ЗАШЁЛ ВАСИЛИЙ

Ко мне вчера зашёл Василий,
Ну, посидели, покурили,
Какой-то тост провозгласили,
Разбили, чокаясь, стакан
(Как это принято в России),
Потом провалы и туман.

И вот, вблизи аэропорта –
Пришельцы, скользкие от пота,
Но было важно отчего-то
Пришельцев именно душить,
И хоть порой душила рвота,
Мы их душили от души.

Потом нам выдали награду,
Все веселились, были рады,
Сам президент назвался братом
И жарко-жарко целовал,
Подняли тост – так было надо,
Потом туманы и провал.

Я очутился в нашем мире,
В звонок противно позвонили,
Потом противно колотили
Ногою в дверь, что было сил.
Я поглядел в глазок – Василий.
И знаете, я не открыл.

ТИПА БАСНЯ

Под песенки цикад, под стук кукушки на суку
 Паслись коровы и пастух на пойменном лугу.
 Была идиллия чиста, как помыслы стрекоз,
 Как совесть белого листа... Но не хватало коз.
 Пастух и думать не хотел про коз – неумоготу,
 А всё дудел, дудел, дудел в пастушечью дуду.
 Ложились тени, поборов невинные стишки,
 И поползли среди коров тревоги и слушки:
 Мол, сделав странное лицо (се правда, а не вздор),
 Кукушка кинула яйцо в осиное гнездо,
 Мол, осы, крылья распластав, летят ни так ни сяк,
 И это тоже неспроста, и се недобрый знак!

.....
 Цикады продолжали петь с усердием осла,
 Но ветер озверел на треть, и туча приползла.
 И стало так не по себе коровам на лугу,
 Как будто гвоздь торчит в судьбе, как будто нож в боку,
 Как будто бы к зиме – ого! – провален сенокос!
 И это всё из-за кого? Из-за каких-то коз!
 Коровам кажется уже: пастух совсем не тот –
 Не за того, кто есть в душе, себя он выдает!
 Наверняка в кустах котёл (а может, речь о двух!),
 Наверняка развел костёр обманчивый пастух!
 Недаром приподнялся он, недаром морщит нос –
 Наверняка в котлах бульон, наверняка из коз!
 Мычал логический вопрос, гадая наперёд:
 Не жалко коз, но сварит коз – и чей тогда черёд?

.....
 Пришел логический ответ из глубины веков,
 Он начинался от котлет и шёл до шашлыков.
 Ответ шокировал коров, как осетров – уха,
 Коровы бросились в галоп, бросая пастуха.
 А тот коровам вслед глядел, как будто в пустоту,
 И только зря дудел, дудел в пастушечью дуду.
 Под песенки цикад, под стук кукушки на суку,
 Стоял заброшенный пастух на пойменном лугу.
 Всё началось вот так, точь-в-точь, в один из страшных дней,
 Так козы убежали прочь, раз не было свиней.

ТЫ ЗНАЕШЬ, ПАРЕНЬ, ЗА МНОЙ ПРИДУТ

Ты знаешь, парень, за мной придут –
 За каждым приходят в срок,

И будет дело и будет суд,
 И пара последних строк.

Но прежде выкрика: «На расстрел!»,
 Под хлопанье дружных рук,
 Прежде, чем ангел с вязанкой стрел
 До уха натянёт лук,
 Намного раньше ещё, в пургу,
 В февральскую злую ночь –
 Я встречу тех, перед кем в долгу,
 Кому не успел помочь.
 Кому не хотел... не хватило рук...
 О ком позабыл... не знал...
 Мне будет тесен их горький круг,
 Но круг их не будет мал.
 И скажет кто-то (быть может, я)
 На всех языках Земли:
 «Простите люди (враги, друзья),
 Простите, за мной пришли».
 И может даже (примерно треть)
 Простят, разыграв кино,
 А Костик и Сашка скажут: «Петь,
 За нами пришли давно...»
 Меня поторопят, потом толкнут –
 Порядок не зол, но строг,
 И будет дело и будет суд,
 И пара последних строк.
 Спасибо ангелу и стрелку –
 Он вычеркнет лица прочь...

Встретимся, парень, потом... в пургу,
 В февральскую злую ночь.

ЕХАЛ ГРЕКА

Едет Грека; буераки и маньяки начеку,
 Едет Грека – ищет драки на коротеньком веку.
 Грека тормозит подводу возле берега реки,
 И сурово смотрит в воду, где гуляют пузырьки.

Рак глядит из подворотни – пучит спелые глаза,
 Размышляет: что сегодня уготовят небеса,
 То ли мясо с магазина, то ли праздничный погост,
 То ли (что невыносимо) – строгий междурачий пост.

Грека с выдержкой железной руку за руку берёт,
 И довольно-таки резво выдвигается вперёд.
 Он идёт, простой и грешный, в пучеглазый полумрак,
 Где наточенные клешни растопыривает враг.

А над речкой через тучи слабо солнышко блестит,
Словно кто-то сверхмогучий потихонечку глядит,
Чтобы не спугнуть букашку, не помять богатыря,
И попутно на бумажку что-то пишет втихара.

Тяжела вода Донская, дно в доспехах и бойцах;
Грека руку опускает – рак за руку Греку цап!
Цап обеими клешнями! Новоявленный Прокруст.
И несётся над полями залихватский перехруст.

Грека матом поливает (не для ушек поэтесс),
По теченью уплывает перекушенный протез,
Был и раньше-то на взводе, а теперь и вовсе – в дым...
Грека прыгает к подводке за протезом запасным.
И кружатся в хороводе: Грека, рак, подводка – жесь!
А протезов на подводке хватит часиков на шесть.

И поэтому на туче, что неправильно бежит,
Кто-то суперсверхмогучий ставить точку не спешит.

БАРСУЧИЙ ТРАКТ

Идут, идут и идут на барсучий лад,
Бесконечной колонной, тесно сомкнув ряды,
Разносится топот дружных когтистых лап,
Трамбующих древний хребет Уральской гряды.

Выходит один из строя – потрёпан, суров,
С коротким хвостом (похоже, кто-то отгрыз),
– Ну что, – говорит, – Гаммельнский крысолов,
Решил и до нас добраться? Мало детей и крыс?

Вот я и думаю: что же сказать в ответ?
А он смотрит мимо, как из-подо льда минтай.
– Нет, – говорю, – у меня ведь и дудочки нет –
Только свисток затопанного мента.

Кивает, прячет нож движеньем одним –
Не углядеть, в стычках наловчился поди.
Я говорю ему: слушай, зачем тебе снова к ним?
Разве ты знаешь, что там в конце пути?

Он думает, головой мотает: нет, ни хрена...
Кажется только – хорошее-то не ждёт...
Но ты посмотри на них – это идёт страна,
Это моя страна идёт, это мой народ!

Грех 62

И покуда я буду в силах – с ними пойду,
И боюсь не того, кто приходит в ночи как тать,
Но боюсь, что останусь здесь, а они – пропадут,
А вместе совсем не страшно и пропадать.

И я смотрю на них, на него, дураком дурак
(Так смотрит на курицу изделие Фаберже),
И я понимаю, что этот барсучий тракт
Когтями царапает в чёрствой моей душе.

В КОНЦЛАГЕРЕ

Ты всё поймешь – вон какой взрослый!
В школу бы... В сентябре...
Мы – как деревья, нам вырежут звёзды
Ножиком по коре.
Знаешь, там, наверху, – безопасно.
Печи – это ведь грех.
Мальчик, деревья уходят в печи,
Чтобы попасть наверх.
Видишь, звёзды горят, не тают.
Это наши значки!
Знаешь, а внизу попадают
В печи истопники...

ПИАНИНО И СТАРИК

Пианино выносили в подъезд,
Вчетвером тащили, пятый рулил,
Иногда вставлял словечко the best,
Иногда всех четверых материл.

Пианино провожали часы
(Стрелки носиками жались к стеклу),
Фотовспышки недалёкой грозы
И старик на табуретке в углу.

Пианино раздувало бока,
Словно лошадь, сторонилось пути,
Ни за так, ни за понох табака
Пианино не хотело идти.

И за это – шпоры глубже ему,
И по клавишам – сиречь по зубам...
Пианино выводили во тьму
Под весёлый тарарам-парарам.

И старик, который вовсе зачах,
Вдруг подумал отчего-то: потом
Пианино понесут на плечах,
И уложат, и накроют крестом,

Будто музыка слышалась... Григ?
Ну по крайней мере не из попсы.
И сидел на табуретке старик,
И почти остановились часы.

НО ВЕДЬ ЧТО-ТО ТАМ ВСЁ ЖЕ ДОЛЖНО БЫТЬ

Но ведь что-то там всё же должно быть!
Пусть не так, как в книгах, не как в кино,
Ну пускай непохожий уклад, быт,
Ну хоть что-то, хоть что-то должно, должно!

Ну допустим – допустим! – что нет врат,
Лишь котлы рядком; разевают рот,
Но ведь если котлы, да к тому же в ряд,
Значит, кто-то к котлам придёт, придёт!

Может статься, что просто темным-темно,
Духота и сырость, комар жужжит,
И никто никогда не приходит. Но
Хоть комар, хоть какой-то, а всё же жив!

Ну зачем бы, скажите, нам стали врать?
Может, разве неточность... А врать грешно!
Ну допустим – допустим! – что нет врат,
Но хоть что-то остаться должно, должно!

Новосибирск.

Аглая Морозова

Сама я, можно сказать, начинающий автор, мне 23 года, родилась и живу в городе Архангельске. Пишу очень разные вещи, есть жёсткая проза, есть насмешливая, есть наивная с налётом философии, но для вашего журнала я выбрала душевные вещи.

Городомор

НОЧНОЕ

Внезапно просыпаешься ночью, дыша, как будто в горле застряла Вселенная, и понимаешь, что рядом лежит совершенно чужой человек. Лежит и так по-хозяйски обнимает тебя...

Но он смотрит другие сны, совершенно другие. И с виду такой же, как и ты, только это кажется лишь. И из всего общего у вас только поводок с ошейниками на обоих концах.

И ты выходишь на балкон, такой маленький побег из дома. Маленький лживый побег, после которого всегда возвращаешься.

Продрогнув немного, забираешься обратно под одеяло. Его не хватает, дергаешь на себя, злишься даже. И решаешь уйти.

Уйти? Куда? У тебя из своего только компьютер и пылесос. И ты ухмыляешься, представляя себя, одиноко стоящую посреди дороги с компьютером, торчащим из рюкзака, и пылесосом в правой руке.

Всё-таки, когда уходишь, надо всё оставлять. Потому что предаёшь – ты.

Только бы выпал снег! Скорей бы уже выпал этот чёртов снег!

Кто кого для кого выдумал? Не спросил, так, как топором вырубил: на, получи то, что просил. И что случилось? Сюжеты закончились. Повторяй судьбу чужую вечно, пока не намолишься. Вынимай из души всё и на песок высыпь, а потом смотри, как корчатся псевдоангелы-псевдодемоны. Тупым и чистым надо быть. Тупым и чистым. Всех встречать улыбкой и накрытым столом. Тогда не только другие, ты сам себя полюбишь.

Но не для тебя это, ты бежишь оттуда. Зачем эти шумы? Ты устала, ты молчишь, не поёшь больше. Ты по граблям шагаешь, у тебя даже есть дырочки на ноге под грабельные зубья. Нога приспособилась, а лоб нет. Ирония всего лишь. Ирония, насмешка.

Поспешу, а то не успеешь ведь!

«Поспешешь – людей насмешешь!» – о, я знаю, чьи это слова! Это он не хочет, чтобы мы спешили жить, успевали любить до того момента, когда всё закончит-

ся. «Разбить зеркало – к несчастью!» – тоже его слова... Разбивайте зеркала, бейте их с силой, вдесятеро большей своей, пусть Земля полнится серебряным звоном и кровью от сбитых рук.

А иначе зеркало сначала сияет, а потом пылится, покрывается копотью, тускнеет... И ты говоришь: ну вот посмотри, кто я? А это и не ты, это – зеркало.

Где-то тут была записка. Написано что-то важное. Очень важное. Самое важное. Красной яркой капиллярной ручкой, крупно, печатными буквами...

А, вот. «Разбуди меня!»

АГРЕГАТНОЕ

На что рассчитана полость в твоём сердце? Да-да, та самая, которая стонет в плохую погоду, вздыхает, когда ты в одиночестве.

Чем заполнить, чтобы не чують её совсем?

Надо подобрать что-то подходящее по размеру, но что и как?

Пробуешь и пробуешь всю жизнь...

Сначала хватаешь что ни попадя и жадно хватаешь, с силой. Это всё твердые тела, не подходят по размеру, но ты затаскиваешь их, разрывая стенки, докладываешь меньшими предметами, чтобы не дул этот сердечный сквозняк... Но раз не подходит, то выглядит угловато, да и болит.

Ты приобретаешь какой-никакой опыт и житейскую мудрость. И пускаешь туда газ. Он быстро заполняет всё пространство, и не больно, и заткнута дыра, но... однажды газ выветривается. Оказывается, там не герметично было.

Пробуешь и пробуешь всю жизнь, то одно, то другое: то жидкость зальёшь, а она булькает, то решаешь так и оставить – да невыносимо...

Пробуешь и пробуешь всю жизнь... Пока не найдёшь кусок сердца. Ровно по размеру подходящий. Как там и был.

АВТОГЕОГРАФИЯ

Я представляю это так. Неизвестная местность.

И броди как хочешь: напролом, тыкая впереди палочкой, бегом или ползком, как угодно.

Из препятствий что угодно: кочки, капканы, мины, каменный дождь.

Но есть карты (это религии, приметы, любые своды законов). Дело обстоит так. Тебе выдают карту. Какую-либо (это смотря кто выдаёт). Ты ей можешь пользоваться. Но за это выполняешь условие: отнести груз на спине, прыгать на одной ножке, или вовсе завязать глаза (но тогда уж карта звуковая, не иначе).

Самый подвох в том, что карты не обязательно верные. Они могут оказаться вообще игральными. Потому что раздают их такие же, как ты.

Может всё идти прекрасно, а потом вдруг – бац! – и лицо в грязи. Наверно, думаешь, где-то неправильно свернул.

В любом случае виновата не карта, а ты. Ты же её взял.

Так вот. Одна нога короче другой – есть риск ходить по кругу. Есть способ использовать круговые движения в своих интересах. Лечь на бочок и катиться кубарем.

Всё равно, интересен-то сам процесс. Не угробить бы его.

ЗРЕЛИЩА

Любите ли вы зрелища? Горы реквизита, шум музыкального сопровождения в ушах, который подстраивается под сакральное биение сердца (как у Рю Мураками в «Дети из камеры хранения»)? Жирный сальный грим, гиперболу, возведённую в ценность: преувеличенные эмоции, жесты. Любите ли вы цирковых уродцев? Ведь это можно, закутавшись в свой футляр из чёрной плотной костюмной ткани, повязав на шею напоминание о смерти, хохотать в голос. Можно расслабиться, проявить подавляемое. Потому что на тебя никто не смотрит, не требует от тебя соблюдения норм, не просит заплатить налоги. Кому интересно за тобой следить, когда на арене яркие краски, цветы факира, близкая опасность для шпагоглотателя и укротителя... А ты в безопасности! Вот карлица, бородатая женщина... У них больше проблем, чем у тебя! Вот иллюзии фокусника – кустарные чудеса, о которых доподлинно известна их искусственность, но это всё не важно, главное, здесь и сейчас и всё – мне!

Ведь это всё подлая возможность ощутить, не чувствуя, подглядеть, не испытывая. Как и читать. Вот он пишет, отрезая у себя по фаланге, пока вовсе не иссякнет, корчится от боли. Выделив какое-то жалкое подобие своих чувств, нацепляет на это яркие тряпочки – и вот он, готовый продукт. Подглядывайте, оценивайте. Таких ещё вон сколько, да и рождаются всё время.

ЧТО В ПАКЕТЕ?

По улицам бродят усталые женщины.

Все одинаковые.

С чем-то шарообразным в плотных чёрных целлофановых пакетах.

Кто прижимает к груди свой пакет, кто брезгливо несёт на расстоянии вытянутой руки.

У каждой выражение лица, как у заплаканного вора, теплокровного убийцы. Это их роднит.

Они не замечают друг друга. Это их разреживает.

Пейзаж из другого фильма. Семейного. Или начала триллера.

Женщины наложены на него, как хаотичные траектории насекомых на радиуправлении.

Тем страшнее хаотичность, когда она продумана заранее, выверена, согласована в высшей инстанции. Существование высшей инстанции уже не вызывает сомнений, поскольку потолок в миллиметре от твоей макушки. Это и приземляет несколько, потому что, судя по крику, звону стеклотары и жужжанию сверла, там всё точно так же, как и у нас. Отрезвляет.

Да уж, кто теперь верит в хаос? Как будто это важно, что там у них в пакетах, когда ты – точно такое же существо... Разрываешь свой пакет, откуда выкатывается кочан капусты.

– Ну что, довольна? Узнала? Но было ли это тем же самым там, внутри? И кто даст гарантию, что у них в пакетах не отрубленные головы?

Зачем носить с собой отрубленные головы? Этот вопрос кажется состоянием сжатой пружины, которая сейчас отстрельнёт тебя на периферию, туда, где хаос

не так упорядочен, потолок уже достаточно высоко, и ты не знаешь ответов. Совсем. И даже вопросов не задаёшь.

ОДИН ГОРОД

От города не осталось и следа. Городу две тысячи лет. Нынче в городе, от которого ничего не осталось, живут пара ребятишек и пёс. Одного из них зовут Джим, насчёт остальных все молчат.

Звёздам следовало бы зажигаться всегда. Днём хватит и одной, а ночью уж пожалуйте – все до одной, без одной – дневной.

Никто не знает, какая память у звёзд. А ведь они забывают зажигаться. Поэтому иногда жителям города ничего не остаётся, кроме как лежать на дне котлована, либо ещё, бывает, они бродят наощупь, а пёс – наобнюх, тут уж кто как умеет.

И вот тогда налетают страхи, сбивают с ног...

От города ничего не осталось, да, это так. Всё, что есть, – кукольные домики, набитые старыми стёртыми механическими куколками. Они не знают, что делают. Но отчетливо всё время действуют, пока не кончится завод. У них, наверно, есть план...

7:00 дзынь-и-ещё-чуть-чуть-поспать-немного, 7:10 встал, 7:15 умылся-оделся, 7:20 кофе и газета, сигарету выкурить не забыть, 7:30 вклиниться в общий поток... И так далее до обеда, а потом и после обеда, вернуться, тапочки и светящийся экран, раз в полгода обязательно генерально помыть домики.

Когда звёзды забывают зажигаться, этот не существующий кукольный театр становится заметен, так и липнет к глазам. Пара ребятишек и пёс, одного из троих зовут Джим, – единственные жители города – испытывают страх в такие моменты, но потом стараются ничего не помнить.

Потому что кроме бесконечного спектакля у них ничего нет. Куклы уверены, что это они дают жизнь паре ребятишек и псу. Быть может, это и так. Но гордиться тут нечем. Потому что вне подозрений в городе пульсирует один важный нюанс.

Весь этот город, с его смердящими наростами, слепыми домами, механической и блудной «жизнью» сейчас несут на своих спинах пара ребятишек и пёс, кто-то из них зовется Джим. Не дают сгинуть во грехе. Балансируют всюю.

И больше всего боятся они (не спрашивайте у меня их имена, но один из них Джим, это точно) стать подобными, да что там подобными – самими старыми стёртыми куклами. У них есть для этого все основания: и основания бояться, и основания стать.

Но и тогда в городе, ему две тысячи лет, всё изменится ровно на ничего.

ГОРОДОМОР

(зарисовка)

«Наш город у моря
Рождается в пене
Каждое утро...»

Эти строчки, плод бездушных стараний местного поэта, написаны выцветшей краской на деревянном щите, знаменовавшем культурную область пляжа. Но щит покрылся кракелюрами, местный поэт – забвением (и не жалко), а всё осталь-

ное – веранды, скамеечки и танцплощадка – загажено и опустошено. То есть они испачканы людским присутствием, но вместе с тем избавлены от главной грязи – самих людей.

Ты ходишь сюда один. Ты не веришь в эту чушь про «каждое утро». Ведь знаешь истинное положение дел.

Обычно ты не видишь, где встаёт солнце. В то время ты спишь, даже когда уже проснулся. И не успеваешь заметить, как вылезло оно из-за многоэтажек, как запачкало своими лучами, точнее, помыло светом, обнажив истинную грязь, твой город.

Специально просыпаешься раньше, чтобы поймать восход. И вот, только ещё темень тёмная – и сразу утро, раскрашенное серым городом и золотым солнцем.

Ты никогда не видел восхода. И поэтому не уверен, что утро является именно тем, чем принято ему быть. У тебя на его счёт своё мнение.

Но закат ты видишь каждый день. Солнце всегда опускается в море, в его холодную воду, как яйцо, чтобы легче чистилось. Потом подземные поедатели светил, прежде чем погрузить свои чумазные клыки в солнечную мякоть, без труда соскабливают золотую скорлупу и раскидывают по недрам, так происходит уже очень давно, от сотворения первого солнца, даже некоторая скорлупа поднялась вместе со слоями пород и была обнаружена людьми, названа золотом и вставлена во многие рты. У тебя тоже есть золотая коронка, поэтому в правдивости этой версии тебе сомневаться не приходится. Ты каждый день наблюдаешь за садящимся солнцем, слышишь, как растёт тень у тебя за спиной. Твоя и твоего города.

Он не рождается из пены, это миф. Город просто каждый вечер безнадежно выбрасывается в море, и каждое утро море выкидывает его, мёртвого, обратно на берег. Где чайки, харкая, словно вороны, ковыряют его утопленнический труп в поисках лакомств. И находят их, как это ни странно.

ФОРТОЧКА

Когда дует из той самой форточки, где все ветры вселенной, прямо в твое ухо, и даже шея простуженно не хочет вертеться, куда надо именно тебе, ты решаешь, что всё: пора захлопнуть эту форточку.

Но форточка держится плохо, она срывается с петель, брякает об пол, стекло – вдребезги, рама – в труху, и теперь только огромная космическая дыра дует-дует без остановки – разным составом, разным напором, но постоянно. Можно бы отойти, если бы знать, как двигаться в этом измерении.

Надо затыкать такие дыры. Но их нечем затыкать, кроме как собой.

И ты начинаешь тратить себя, рвать на ветошь, с помощью таких странных и древнейших механизмов, способов забыться. Все силы уходят на деструкцию, потому что главное – заткнуть эту чёртову дыру.

И не важно, что там из неё льётся: проклятие или божественный свет. Это – дыра, а дыр не должно быть, ни чёрных, ни белых.

И пока ты сообразишь, что лучше поставить кого-то между собой и ветром, пройдет не один год.

Но диффузию пока ещё никто не отменял. Никто не выдерживает ветра, да и в тебя попадает. Это всё-таки не лучший вариант защиты от ветров.

Снаряжай парус.

АЛЬТЕРНАТИВНЕНЬКО

Кто-то подходит, хватает за шкурку, или, если повезёт, под мышки, проносит слепенькую везде-везде, быстро-быстро... «Так поняла? Нет? Еще раз!» И опять вперед, но то вверх, то вниз, а ты периодически царапаешься, или орёшь «мя», или мурлычешь. «Глупенькая, до чего же глупенькая»...

И вот глаза наконец прорезываются, и ты можешь видеть того, кто над тобой, беспомощной, так издевался. И остаёшься жить с ним же, в той же самой сослепу враждебной среде, спать у него в ногах или там, где болит (у него ведь, наверно, где-то хоть иногда болит), а в общем-то быть уже совершенно самостоятельной и лишь изредка позволять расчёсывать себе шёрстку.

1300 ВТ

Тринадцать лампочек. Каждая в своём картонном коробке, таком без дна и крышки... Их несёт в целлофановом пакете девочка. Кругом глубокие лужи, грязь, лёд, сугробы... Она пробирается вдоль стен домов, и то впереди, то сзади неё летят наземь острые сосульки, и проносятся с грохотом глыбы льда с крыш. Девочка с глазами непонятного цвета, но понятного всем выражения испуга. Радостная весна шумит и сносит всё на своём пути. Шутница подминает под свой бурливый поток судьбы, обнажает, растапливая снег, огрехи... Буквально в небе висит напряженно застывшая улыбка предвкушения экстаза. Щebet и хохот знаменуют череду новых грядущих потерь.

Девочка бережно, только бы не разбить, несёт эти злополучные лампочки, всем из которых суждено однажды перегореть или быть разбитыми, но сейчас пока тринадцать вольфрамовых нитей свежи и нетронуты, дрожат себе и мечтают дарить свет.

И каждая из стеклянных соседок полагает, что она одна такая в этом мире, ведь за картонными перегородками не видно соперниц. А все они одного номинала мощности, ровно по сотке, со стандартным цоколем. Все они дружно прислушиваются к окружающим грохотаниям и то и дело взбрыкивают: «Боже ж мой, что творится!»

А творится весна... Такая весна, которая бывает, когда ты ещё никому ничего не должен. Девочке открыт весь мир, повёрнут к ней навстречу всеми своими углами и тем нелепым штырем, торчащим из земли, о который девочка запинается, роняет пакет...

«Девочки... девочки... что случилось?.. девочки... – забренчали лампочки. – Ой, осколки... Какой ужас...»

И вот пакет снова подхвачен девочкой и несётся... несётся с ней домой, прочь от этого весеннего оглушающего безумия, от которого хочется скрыться, которого нет желания понимать, принимать, познавать на себе...

«Ну вот, лампочки разбила», – всхлипывает девочка, но внимательно сквозь набежавшие слёзы смотрит под ноги и крепко держит пакет в руке.

«Семь? А было тринадцать...» – это уже дома, мама девочки. Тонкая ниточка губ, вопрос «сильно ушиблась?» Не дождавшись ответа, уходит на кухню.

Девочка пробирается на цыпочках в комнату, зажав в руке одну из уцелевших лампочек, вкручивает её в торшер, зажигает его, забирается с ногами в

кресло, открывает в книгу... и уносится прочь от гремящего лживого весеннего беспредела.

А потом лампочка перегорела.

КУБИК

(это из разряда женских романтических)

Все мы герои романов.
Написанных и ненаписанных.
Кажется, что страдаем, а на самом деле
невидимый Автор, морщась, вычёркивает
целые главы жизни.

(Андрей Столяров, «Ворон»)

Я никогда не умела собирать кубик Рубика. Само его существование вызывает у меня неприятные чувства. Ибо кого может обрадовать осознание собственной глупости? Да, я знаю, существуют алгоритмы сборки. Возможно, я даже смогу их просчитать... Но не хочу! Не хочу я видеть этот странный кубик!

Однако же он преследует меня. Весь мир – этот самый кубик. Стоит наладить что-то одно в своей жизни – испортится другое. Всё замешано на собирании кубика. И ты не знаешь: то ли ты его собираешь, то ли он тебя.

Хватит об этом!

Поворот!

Купидон там или кто? Он стреляет в сердце. Видимо, из арбалета. И ещё в голову – контрольный. И эта стрела сейчас торчит из моего виска. Мешает ходить, вертеть головой. Всё время рискую что-то смахнуть, разбить-сломать. Но это не самое страшное. Самое страшное – неизвестность. И я кричу этому пухлощёкому (он ведь именно так выглядит?) снайперу любви: «Имя! Ты забыл! Забыл сказать, в кого я влюбилась!»

Поворот!

Что вы удивляетесь? Мы здесь все такие. На душе то же, что и снаружи. Потому что дышим влажной пылью, потому что живём в грязном льду... Так мы и чувствуем, через запачканную призму. И одиночества пытаются узнать друг друга наощупь, замёрзшими пальцами. Но пальцы немеют, хотят спрятаться в привычный карман, если перчаток нет. Потому что холод обжигает. Впрочем, об этом я уже говорила когда-то...

Поворот!

Когда это имеет смысл, это верно.

(Из лекции Постникова Б.М.)

А стрела по-прежнему торчит из виска. Я из-за неё не могу проникнуть в некоторые узкие проёмы. «Что это ещё за хрень?» – задаю я вопрос, как будто мне это интересно. «Это не хрень. Это любовь. Лю-бо-фь», – отвечает (кто? вертящий кубик? мой внутренний голос? твой внутренний голос?). Ага, конечно. Что, я не знаю, что ли, что это – не любовь?

Это я должна сама найти. Добиться, запыхаться, но найти... Любовь.

Поворот!

Будь моя воля, я бы вообще не говорила словами. Если бы мы могли общаться так! Есть простенький пример. Частный случай пересекающихся прямых – совпадающие прямые. Совпадающие прямые – частный случай параллельных прямых. Параллельные прямые не пересекаются (в границах мира). А теперь надо вернуться в начало примера и почувствовать, куда могут завести слова. Даже если там всё непонятно, но всё равно, этот бред вселяет в меня надежду: если ты с кем-то совпадаешь, то уже будет не важно, что вы не пересекаетесь.

Поворот!

...Потому что всё всегда заканчивается хорошо... или нет.
(Фраза героя сериала «Scrubs»)

Это ужасно, когда твоё настроение зависит от чьих-то слов. Или чьих-то не слов. Когда все говорят, говорят, говорят... А именно тот, кто надо, – молчит.

Поворот!

Увидела на улице двух пожилых людей, идущих сплетя пальцы. Подумала: если бы кто-то другой собирал кубик, была бы хоть малейшая возможность того, чтобы мы оказались вместе? Хоть чуть-чуть, может? И опять появляется ответ, который на самом деле ни на что не отвечает: «Либо да, либо нет». Именно так. Либо – да, либо – нет.

Поворот!

Если бы я могла достаточно громко плакать-кричать, ты бы услышал: «Хватит пороть всякую чушь! Одному! Самому с собой... Лучше позвони... Лучше – в дверь...»

ЛОВКАЧИ

Ловцы идей, когда выходят на охоту, не берут с собой мешочков, липкой ленты и прочих амулетов. Они не берут блокнотов и ручек, грифельных досок, даже ножичков для нацарапывания слов на коже. Никакие устройства негодились бы им.

Они ловят идеи ещё до того, как те обретают слова, ещё до того, как мозг мыслителя вскрывает слюдяную упаковку новой идеи и следит на ней жирными пятнами пальцев размышлений, ещё до того, как мнёт, приводя в соответствие с формой представлений.

Те потрёпанные, узнанные кем-то, не девственно-чистые совершенно не котируются среди ловцов идей.

Ловцы идей выходят на охоту. Не когда весь город спит, не когда планеты облачаются в парадное, и не когда ты зазеваешься. У них нет никакого расписания. Каждый ловец действует всё время, пока живет. А это значит – в абсолютно любой момент.

А это значит – каждая твоя идея рискует быть вырванной, ещё не долетев до твоей головы.

Нет ни хороших идей, ни плохих. Любая годится как экспонат в музей ни разу потом не воплощённых.

Даже самый внимательный не усмотрел в этих действиях смысла. Что проку с того, что некоторые идеи никогда не станут предметами? Они даже не успеют

стать миражом в голове мечтателя. Идеи покидают мир, не успев оставить ни намека на своё существование.

Ловцам идей некогда давать объяснения своим поступкам. Время не хочет ждать. Оно нетерпеливо постукивает ножкой и плотно сжимает губы. Оно наверняка даже недовольно морщит лоб. Да, несомненно, так бы всё и было, владей время такой характеристикой, как человеческое тело. Время поторапливает ловцов идей.

Пустота не резиновая.

Она окаймляет нас со всех сторон. А мы всё время расширяемся и расширяемся. За всю историю человечества накапливаются мысли, решения задач и изобретения. Это всё раздувается и не помещается.

Чтобы помещаться, надо мельчать. Мельчать получается лучше всего.

А идеи всё портят. Они действительно расширяют сознание, в самом деле. Как ни старайся обмельчить, там и тут возникают эти идеи, они раздувают мир изнутри, он давит на оболочку пустоты. Ловцы идей живут с краю, за спиной у них пустота. Пустота противна и леденяща, но в неё невозможно упасть, она упруго отталкивает, исторгает из себя непустоту. Пустота царапает спины ловцов, и они вынуждены каждый день охотиться на каждую из наших идей, чтобы хоть как-то замедлить разрушение мира.

Прекрати думать! Ради всего святого, не думай!

ОТСТУПИВ ОТ ТЕБЯ

Говорят, Земля круглая... Говорят, края земли не существует... Но крайности так притягательны, что люди всегда отправляются их искать. Изгой, романтики, искатели новых истин – вот предки нынешних жителей севера. Ссылные и неугодные испокон веку селились в столь неприглядных местах, в которых ясно ощущаешь: ты на краю земли.

Ты на краю земли, когда, стоя по колено в мягком мху, видишь впереди лишь однородно-желтоватую болотную растительность, покрытую чёрным узором потерявших уже листву карликовых берёзок, а выше линии горизонта лишь серое неровное небо... И ты достоверно знаешь: сколько не иди туда, никакого жилья там нет. Ни одного живого человека! Чем не край земли?

Это страшно. И вместе с тем – спокойно. Карликовые берёзы пусть царапают, но они сухи по сравнению с топью и упруги. Лежишь на них и смотришь в небо – и всё, больше тебе ничего не надо, только мысли в голове совершают свой неспешный променад. Воспоминания – это всё, что у тебя есть. Потому что эта граница – не та, за которой что-то иное, а та, за которой ничего. Или нет, не ничего, но иное порядка ничего. Похоже на смерть, на «чёрную дыру». Прошлое и настоящее. А будущее что? Похоже ещё и на жизнь. Воспоминания сначала неторопливы, потом им надоедает медлить и они обретают нарастающую скорость, ты уже даже слышишь эффект Доплера, и вот в какой-то момент громкость достигает своего предела и воспоминания вырождаются в точку – твое настоящее, а потом вмиг исчезает и эта точка.

Ты просыпаешься, хотя и не помнишь, что когда-то засыпал. И с ухмылкой, самому себе, чтоб доказать несерьёзность сна, говоришь: «Нет, болото – это не то, надо море».

Почему? Может, опять воспоминания виноваты. Воспоминания об одиночестве и о тумане зимой, об ощущении счастья в почти вымороженном теле.

Стокгольмский синдром заложника холода. Туман такой, что ничего не видно на расстоянии вытянутой руки. И вот идёшь, скребя скованными инеем ресницами о закрытую черноту неба, к реке, к глыбам льда. Под ногами хорошо знакомый лёд, но вокруг черно. Похоже на смерть, на «чёрную дыру». Похоже ещё и на жизнь. Вот она – граница. Арктика. Дальше некуда.

«Все ясно», – не устаешь ухмыляться сам себе. Иронизируешь над своей любовью к одиночеству, иронизируешь даже над своими достоинствами... А недостатки и так превратили тебя в отрицательного персонажа собственной книги.

К морю так к морю. Пригородные поезда – идеальный транспорт. Можно особо не задумываться над маршрутом, можно особо не растрчивать себя на разговор с попуччиком. Места хватит любому одиночеству.

Доезжаешь до какой-то крупной деревни. Деревня так и осталась поморской. Пятнадцатый век, если не раньше. Солеварни – чёрные бревна очерчивают карьер. Колокольни – огромные, до небес, тоже чёрные. Иночество. Погода чудесная и солнечная (фраза как из школьного сочинения), но древность, витающая в воздухе едва заметным эфиром, уже успела пропитать через все поры и тебя. Тревожно и спокойно одновременно. Опять. И воспоминания теперь более древние, что не удивительно. Становится понятно, что это привал перед путём до границы. И на привале надо вспомнить всё, с самого начала, от сотворения мира, чтобы ничего не забыть взять с собой.

Невозможно больше терпеть это спокойствие. Значит, пора. Древний хвойный исполинский, как и колокольни, лес разрезает железнодорожный шрам. Тебе – туда. Мысль заёрзала, просчитала, направила. Без твоего участия.

Если подсноровиться, то по шпалам можно идти даже сквозь сон. Если устаться в землю, то процесс завораживает не хуже горения огня. Хотя нет, с горением ничто не сравнится.

Опять воспоминания – непрошенные гости, только теперь они робки и забелены паутинкой мыслей о том, что впереди.

А впереди хлынул дождь. В этой простой фразе «хлынул дождь» не передать всего смысла события. Это не просто морозящие капли. Это очищение густым потоком, насквозь, через всё тело. Такое очищение необходимо, ты понимаешь умом, что туда, куда ты идёшь, грязь не возьмут, а она налипла на тебя, коростой вросла так, что ты даже не отличаешь её от своей собственной кожи и кричишь обидчиво «больно же!», её защищая. Очищение необходимо, но оно выматывает. А ты среди леса и не на своём пути, а поезда. И где тебе скрыться от непогоды? Но мыслей, вроде «ну и зачем я так?», нет и в помине, как и нет той прежней внутренней насмешки. Это всё дождь, он избавил от предубеждений...

Резко сворачиваешь налево, на Север. И теперь только понимаешь, что железная дорога вела тебя домой. Но домой ты не хочешь, не любишь возвращаться. Теперь, в поисках полянки посуше в продрогшем хвойном лесу, мысль только одна – о еде. О хлебе насущном, насыщающем. А дождь и не думал успокоиться. Кружась среди деревьев, неожиданно выходишь на песчаный пляж. И вот оно – море. А ты даже не успел подготовиться к встрече с ним.

Как будто в доказательство, что всё в мире не подвластно тебе одному, неподалёку, у кромки леса, видишь небольшой чёрный домик, явно самостоятельно срубленный. Смотришь в небо, спрашиваешь у него: туда? Как будто оно ответит что-нибудь.

Подходишь к крыльцу, этакий мокрый гость, стучишься, спрашиваешь: «Можно?» – однако не получилось, горло высохло, отвыкнув от разговора.

Но на стук откликнулись. Дверь открыл человек. «Проходи», – сказал и удалился вглубь.

Ты заходишь, помявшись немного у порога, начинаешь переодеваться и развешивать отяжелевшую и потемневшую от воды одежду на печь.

«Чифирчику? Будешь?» – появился вновь из своей глубины человек. И ты наконец-то говоришь робко: «Здрасьте...»

Вы сидите вдвоём за простым деревянным столом, молча пьёте из побитых эмалированных кружек все-таки чай, но очень крепкий. Ты разглядываешь его лицо и руки. На вид ему лет пятьдесят, и, если рисовать его, он похож на дерево. Что он здесь делает один в лесу? Почему вообще он один? Он отсидевший? Татуировки... Но что на них – в сумеречном свете не видно. Это не опасно? Ты откусываешь кусок чёрного хлеба и не решаешься задать эти вопросы вслух.

«Я буду спать тут, а ты иди в горницу». – «Спасибо». Вот и весь диалог. Засыпаешь в состоянии иллюзии абсолютного покоя.

Наутро всё те же сумерки. Будто не было ночи. Шею немного ломит, но это кажется мелочью. Выходишь к морю.

Море – это какая-то особая субстанция. Небо превратилось в густые клубы и нависает над чёрной водой. Есть в этом зловещая красота, она притягивает с такой силой, что оторваться самостоятельно ты не можешь и не хочешь. Это море уже поглотило тебя, и тяжёлые чёрные воды сомкнулись над головой...

Кто-то касается твоего плеча... Ты, очнувшись, замечаешь, что стоишь на песке, а волны равнодушно выбрасывают пену к твоим ногам.

«Отвезёшь меня туда?» – не с надеждой, а как-то угрюмо и твёрдо спрашиваешь ты. «Нет, не на чём», – отвечает он и уходит. Позже ты узнаешь, что с той стороны дома под брезентом сокрыта лодка в идеальном состоянии. А сейчас с тоской думаешь: «Ну почему?» – и остаёшься на берегу для поиска красивых камешков. Раз нет лодки... Такое смирение приходит за однообразным занятием. Раз нет лодки, значит, мне никак туда не попасть.

«Пора домой, наверно...» – решаешь ты и ищешь глазами своё пристанище, чтобы собрать вещи, попрощаться с хозяином и дойти через лес до железной дороги, потом идти по ней до дома, а дома...

И тут ты, подошедши к избе, замечаешь небольшую горку, скрытую брезентом.

Вбегаешь в дом: «Почему, почему ты меня не пустил туда? У тебя есть лодка!»

Но, посмотрев в его глаза, осекаешься. Вот так на тебя смотрит сама Боль. Вечная и чистая. Неумолимо подминающая под себя все слова и чаяния. Он выдавливает из себя: «Тебе не надо туда. Ещё не время. Туда берут не просто так. Это надо в какой-то мере заслужить, хотя заслужить – это просто слово, и оно не то...»

Ты смотришь на человека, а он всё говорит и говорит. А боль начинает медленно съедать окружающее пространство, погружать во тьму. Но это не твоя боль, хоть ты и плачешь.

Практически задыхаясь, не сумев вдохнуть, хватаешь уже собранные – не тобой, им – свои вещи и выскакиваешь из избы, как из горящей, бежишь в лес, падаешь на пушистый мох и рыдаешь, рыдаешь, хотя даже и не понимаешь – отчего.

После этого путешествия, дома, ты снова – обычный человек. Такой же, как раньше, такой же, как все. Только теперь ты понимаешь, что невозможно улыбаться до предела и быть счастливым до конца. Абсолютно счастливым. Такому не бывать на земле, грешной по определению. И ты знаешь, что для любого пути есть своё время и своя дорога. Но нет попутчиков. И даже находясь среди друзей на шумном празднике, ты знаешь, где ты на самом деле. Ты по колена в топи. Но поднимаешь одну ногу, шагаешь, погружаясь снова в топь, затем другую ногу... И так пока не дойдёшь туда, куда привёл тебя Его неисповедимый путь.

Болото: где-то в районе н.п. Талаги.

Река: Северная Двина близ мыса Пур-Наволок.

Деревня: Нёнокса.

Архангельск.

Святые наставленья

**К 100-летию со дня рождения
Анания Фёдоровича Яковлева
(1910 – 1997)**

*«Краткие замечания к родословной»
(из семейного журнала «Литературный Ежегодник» за 1980 год)
и отрывки из писем разных лет.*

Публикация С.А. Яковлева

-260-

А.Ф.Яковлев

КРАТКИЕ ЗАМЕЧАНИЯ К РОДОСЛОВНОМУ

По социальному положению все предки были удельными крестьянами /не крепостными/. О предках Максиме и Гаврииле ничего существенного не известно. Прадед Яков являлся единственным грамотным человеком на всю деревню /наверное, на все три деревни/. Кто его научил грамоте - не знаю, но деда моего Ипата грамоте научил отец, т.е. прадед Яков. Дед Ипат, по всем воспоминаниям, представляется мне крестьянином-интеллигентом. Папа считал его исключительно начитанным человеком, особенно же хорошо он знал церковно-славянскую литературу /дониконовскую/. Многие годы дед Ипат в зимнее время обучал в своей избе крестьянских детей. Детей для учебы привозили из дальних деревень, за 15-20 верст, они так и жили всю зиму в избе деда Ипата, бабка Наталья кормила их и стирала им рубашонки и порточки; баня у деда Ипата, как и у всех в деревне, была при дворе. Обычно обучались от 6 до 10 человек, как они размещались в тесной крестьянской избе - бог весть. Занятия начинались после Покрова /14 октября/ и продолжались до Пасхи. За зиму осваивали чтение на русском и славянском языках, устный счет, пользование конторскими счетами. Обычно учеба ограничивалась одной зимой, но некоторые, более состоятельные крестьяне привозили детей и на вторую зиму. Вторая зима уходила на освоение беглого письма, чтение литературы, изучение краткой истории России, знакомство с основными законами в отношении крестьянства /в частности, изучали реформу 1861 года/, а также учились "отменно" считать на конторских счетах. Вместе с другими ребятишками две зимы учился у дедушки и папа. Плата за учебу - три пуда ржи за одну зиму.

Умер дед Ипат в 1892 году, не дожив и до 50 лет. По определению заезжего фельдшера, он болел язвой желудка.

Учеба ребятшек длилась весь световой день и продолжалась при свете лучины часов до 8-9 вечера. Многие "выпускники" дедушкиного "училища" впоследствии работали волостными писарями, конторщиками на сапоговаляльных заводах /по-теперешнему, счетоводами/, а трое окончили потом учительские семинарии и работали учителями в земских школах.

Прадед Яков и прабабка Устинья были людьми с различным вероисповеданием. Прабабка принадлежала к последователям так наз. поморского согласия /поморцы/, а прадед - к спасову согласию /нетовщина/. Оба эти согласия были разновидностями дониконовского вероучения /старообрядчества/. В течение всей совместной жизни они так и не могли убедить друг друга в правильности того или иного вероучения. А это породило известные неудобства: оба указанные согласия требовали от своих последователей ни в коем случае не сообщаться с "еретиками", т.е. последователями других согласий, "ни в пище, ни в питии". И вот, как рассказывал папа, вследствие этого они имели каждый свою посуду, даже пищу прабабка готовила себе и мужу в разных горшках.

По всем данным предки Максим и Гавриил также придерживались дониконовского вероучения и, надо полагать, принадлежали к последователям спасова согласия /нетовщина/.

Бабушка Наталья /папина мать/ родилась и жила до замужества в дер. Выломово /теперь не существует, даже место распахано/, в двух километрах от нашей деревни. Поскольку многое из своей "природы" она передала и нынешнему потомству, нельзя не остановиться на особенностях этой "природы". Пожалуй, наиболее характерная черта ее заключается в чрезмерной скромности, исключительной застенчивости, как говорили раньше. В Выломове проживал брат бабушки Натальи - Лаврентий Меньшиков /"Лавруша", как называла его бабушка/. Этот Лавруша ни разу не был в доме зятя, дедушки Ипата, "стеснялся" его. Если ему надо было о чем-либо поговорить с сестрой /баб-

-262

кой Натальей/, он сторожил ее или в поле /если дело было летом/, или у реки /в зимнее время/. В то же время он очень любил сестру и готов был для нее на любые жертвы, а также исключительно уважал зятя, дедушку Ипата. За всю свою жизнь он никогда не являлся в волостное правление, а его не раз приглашали туда по недоимкам. Неявка по недоимкам гррзила или описью имущества /продажей коровы, лошади/, или, в лучшем случае, публичной поркой розками в присутствии волостного схода. Получив такую повестку, Лавруша сторожил сестру, через нее просил зятя сходить в волостное правление и "уладить" дело. И зять, дед Ипат, всегда улаживал, предотвращая нависшую над Лаврушей беду.

Внук Лавруши, Александр Васильевич Меньшиков, проживает сейчас в Петровском /по крайней мере, был жив прошлым летом./ Папа нередко говорил Ване: "Уродился ты в Лаврушу".

Теперь о мамином родстве. Она родилась и жила до замужества в деревне Базеево, в десяти километрах от нашей деревни. Все "базеевские", как говорил папа, т.е. все мамино родство, были людьми умными, смелыми, настойчивыми, инициативными /"пробивными", как называли бы сейчас/. Для характеристики этого положения остановлюсь на одном примере. Одна из трех маминых сестер - Анна /Ольга/, или "тетка Анна", как звали мы все /ее я помню хорошо/, в детстве упала с полаты, и у нее появился большой горб. В крестьянской семье такой человек - лишний, без родителей он пропадет. Хорошо понимая это, отец посоветовал Анне /Ольге/ идти в "согласие странников" /одна из ветвей староверия/, и она четырнадцати лет от роду, получив водное крещение и став "рабой божьей Анной", вступила на путь странствия. В таком положении "тетка Анна" хорошо изучила древний славянский язык, а также церковно-славянский, освоила многие "священные книги", хорошо овладела греческим языком /древне-греческим/, свободно пела на нем многие молитвы и к 30-ти годам стала среди странников довольно известной наставницей и руководительницей многих "келий" /если проводить параллель с никонианами, зани-

Восток

-263-

мала место епископа/. Перу ее принадлежат многие рукописные "цветники", т.е. наставления, ходившие по рукам среди странников. Бере своей она была предана до фанатизма. Умерла в 1932 году.

Для характеристики Яковлевых, по моему мнению, имеют особенное значение три черты: 1/интеллигентность дедушки Ипата; 2/ выломовская /Лаврушина/ "застенчивость"; 3/базеевская инициатива и смекалка. Но проявились они в прошлом потомстве /да пожалуй, и в настоящем/ не в синтезе, а с преобладанием той или другой из указанных черт. Так, про Федю папа говорил, что он уродился в дедушку Ипата, про Ваню я уже писал, а Яша, по словам папы, "вылитый базеевский дедушка". Характеристики, на мой взгляд, очень точные.

22 декабря 1974 г.

-264-

Дополнение. Иван Николаевич - живет на Сахалине, имеет двух дочерей. 25 лет не давал о себе знать /считался погибшим без вести/. Появился летом 1966 года. Был у нас в Судиславде.

Воскресенье

До последнего времени я надеялся, что из числа сыновей восстанет «муж великий», которому предназначено совершить переворот или в философии или в литературе (а возможно, и в науке). Теперь понятно, что я ошибся. Но ведь кто не ошибался, Маркс тоже надеялся на революцию при своей жизни, да и не только он. Но всё же это будет, в каком поколении — не знаю, чьи это будут дети — не существенно, знаю одно — они будут Яковлевы. Главное теперь — твёрдо верить, что это будет. И такая вера **нужна более вам**, чем нам с матерью. Моя же вера в такое предназначение непоколебима.

До последнего времени я надеялся, что из числа сыновей восстанет «муж великий», которому предназначено совершить переворот или в философии или в литературе (а возможно, и в науке). Теперь понятно, что я ошибся. Но ведь кто не ошибался, Маркс тоже надеялся на революцию при своей жизни, да и не только он. **Но всё же это будет**, в каком поколении — не знаю, чьи это будут дети — не существенно, знаю одно — они будут Яковлевы. Главное теперь — твёрдо верить, что это будет. И такая вера **нужна более вам**, чем нам с матерью. Моя же вера в такое предназначение непоколебима.

Какой-то год для моих детей (талантливых в высшей степени) должен быть переломным, годом большого скачка — и в науке, и в литературе. Жаль только, выражаясь словами Некрасова, что нам с матерью не дождаться этого. Хотя ваша тётя Агния и говорила нам, что дожили мы до солнечных дней, однако она опередила события...

Сожалеть — это дело для моих друзей (надеждами
 всех в высшей степени) должен быть переломным
 годом большого скачка — и в науке, и в литературе.
 Жаль только, выражаясь словами Некрасова,
 что нам с матерью не дождаться этого. Хотя
 ваша тётя Агния и говорила нам, что дожили мы
 до солнечных дней, однако она опередила события.

Вам, как раз пришла пора — выйти на солнечные
 богины.

19 октября
 1977 г.

Вашим другом!
 Иван

Или кто-нибудь из вас, но и чужо не 3
Гм...

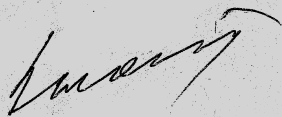
Идем тебе, Серёжа, каждый
день, уже дважды прилетали к дому
Серёжи, а тебя нет.

Протопоп Аввакум не злой человек,
как ты пишешь, а стойкий и непреклонный
борец за Русь великую, истину неиска-
жённую, великий патриот. В истории Рос-
сии его имя можно сравнить только
с именем патриарха Гермогена, подобных
им из числа церковнослужителей не было.

Как звать тебя? Кто с тобой?

Крепко всех обнимаю!

14 ноября
1977 года

Ждём тебя, Серёжа, каждый день, уже дважды прилетали к дому сороки, а тебя нет. Протопоп Аввакум не злой человек, как ты пишешь, а стойкий и непреклонный борец за Русь великую, истину неискажённую, великий патриот. В истории России его имя можно сравнить только с именем патриарха Гермогена, подобных им из числа церковнослужителей не было...

Машины вёл шофёр Д. Кононов (хороший человек). Деревня
 эта отстоит от Журихина в 5 км. Летом прошлым
 летом мы пытались туда пробраться на «Запорожце»
 (в составе Володи, Яши и Феди), но после дождей
 дорога в одном месте оказалась непроезжей. Сама
 по себе деревня Базеево – жемчужина природная,
 расположена на берегу Ёлнати (по величине – как
 Кострома в Солигаличе), а на другом берегу –
 сосновый бор – ветки спускаются к самой воде.
 Помню, мама часто говорила, что так и не могла привыкнуть
 после замужества в Овчинникове, сосновый бор
 перед глазами всегда стоял. А ведь Овчинниково в отношении природы – тоже
 край замечательный, ты это представляешь.

Я же в коммуну отправился в августе
 и поехал из Солигалича, машину он вынул
 из гаража.

Подарок тебе к 8 марта отрывался вот такой.
 Как Золотые Шапки?

Крепко всех люблю!

10 января,
1978 г.

Валентин

Фёдоровны) я был только один раз, летом 1956 года, когда ездил в отпуск из
 Солигалича на исполкомовской машине, вместе со мной были Оля и Федя, а также
 дядя Ваня и т. Нюра. Машину вёл шофёр Д. Кононов (хороший человек). Деревня
 эта отстоит от Журихина в 5 км. Прошлым летом мы пытались туда пробраться на
 «Запорожце» (в составе Володи, Яши, Феди), но после дождей дорога в одном месте
 оказалась непроезжей. Сама по себе деревня Базеево – жемчужина природная, рас-
 положена на берегу Ёлнати (по величине – как Кострома в Солигаличе), а на другом
 берегу могучий сосновый бор – ветки спускаются к самой воде. Помню, мама часто
 говорила, что так и не могла привыкнуть после замужества в Овчинникове, сосновый
 бор перед глазами всегда стоял. А ведь Овчинниково в отношении природы – тоже
 край замечательный, ты это представляешь...

Воскресенье

Дорогой Сергей!

Твоего здоровья.

Решая всего - сердечный привет тебе! Че-
стно Женя!

В Москве. Мой опыт наверное для тебя значит
будет для всех знакомых. Так вот, в большой
семье между братьями и сестрами при всех условиях
и в любой обстановке надо поддерживать атмосферу
творческого дружелюбия, поддерживать всеми
силами, вопреки препятствиям, а посторонние
вклинивания надо решительно отменять. Семья
(братья и сестры) - это святая святых, а туда,
как известно, посторонние не допускались (читай
Послание к евреям). Я так поступал, так на-
стоятельно советовал и вам. Я всегда лично во
время предвешения в Москве к тебе маю отъ-
езду обязательно звонил, хотя даже, что в Ленинград, когда у
у них был 19го, впоследствии опыта гдет-
то было, и личными же средствами нельзя.

Вот пожалуйста мне пришло письмо (с не-
кстати про) выучивающие тебя и

О главном. Мой опыт наверное кое-что будет для тебя значить. Так вот, в большой семье между братьями и сестрами при всех условиях и в любой обстановке надо поддерживать атмосферу творческого дружелюбия, поддерживать всеми силами, вопреки препятствиям, а посторонние вклинивания надо решительно отменять. Семья (братья и сестры) - это святая святых, а туда, как известно, посторонние не допускались (читай Послание к евреям). Я так поступал, так настоятельно советую и вам.

«Старчество» — произведение одного автора дониконовских времён (15-16 в. в.), но не устав, обязательный к исполнению и чтение, а совет, назидание для людей, крепких духом, великих духом. В старообрядчестве (всех направлений и толков) книга эта очень ценится. При жизни папы я только о ней слышал, хотя он у кого-то на руках знакомился с ней. А этот экземпляр подарил перед кончиной тёткам, Анне и Ольге, Николай Кириллович, у которого было большое собрание старинных книг. При очередной поездке в деревню тётки передали её мне.

«Старчество» — произведение одного автора дониконовских времён (15 – 16 вв.). Это не устав, обязательный к исполнению, а совет, назидание для людей, крепких духом. В старообрядчестве (всех направлений и толков) книга эта очень ценится. При жизни папы я только о ней слышал, хотя он у кого-то на руках знакомился с ней. А этот экземпляр подарил перед кончиной тёткам, Анне и Ольге, Николай Кириллович, у которого было большое собрание старинных книг. При очередной поездке в деревню тётки передали её мне.

Как относились к этому произведению никониане, т.е. современные «православные», точно не знаю. Думаю, что она по своим направлениям была для них слишком строга. Но удивительно, что последний самодержец, по словам одного литератора, считал её настольной книгой. Верно ли это? Бог весть.

Было большое собрание старинных книг. При очередной поездке в деревню тётки передали её мне.

Как относились к этому произведению никониане, т.е. современные «православные», точно не знаю. Думаю, что она по своим направлениям была для них слишком строга, но удивительно, что последний самодержец, по словам одного литератора, считал её настольной книгой. Верно ли это? Бог весть.

Статья о церковном расколе ²¹
 (конечно, интересная) я напишу,
 когда ты, Серёжа, будешь членом жюри
 в издательских кругах (а это бу-
 дет!). Писать же для «Ежегодника» —
 для кого? Интересно это будет только
 для вас, четверых братьев (да и то в
 различной степени), а остальные чи-
 татели про себя скажут: «Зачем это?»
 Будут ругать и редакторов. Так что не
 следует загружать «Ежегодник». А если
 до выхода твоего в издательские круги
 я уйду в вечность, опубликуешь всё
 равно.

Твоя мысль, Серёжа, словесно
 оформленная: «Что для Аввакума
 определяющим были личные отноше-
 ния с Никоном, в этом я не сомневаюсь...» —
глубоко ошибочная. В таком случае
 надо признать, что для Ленина опреде-
 ляющими были личные отношения с
 Плехановым, а ведь это не так, опреде-
 лённо не так. Аввакум, как и Ленин,
 борцы за идею, а всё личное у них подчи-
 но этой идее. Вот только один пример.
 Дьякон Фёдор был одним из преданней-
 ших учеников Аввакума, они и постра-

Твоя мысль, Серёжа, словесно ³
 оформленная: «Что для Аввакума
 определяющим были личные отноше-
 ния с Никоном, в этом я не сомневаюсь...» —
глубоко оши-
 бочная. В таком случае надо при-
 знать, что для Ленина опреде-
 ляющими были личные отношения с
 Плехановым, а ведь это не так, опреде-
 лённо не так. Аввакум, как и Ленин,
 борцы за идею, а всё личное у них подчи-
 но этой идее. Вот только один пример.
 Дьякон Фёдор был одним из преданней-
 ших учеников Аввакума, они и постра-

влюбился, они и венчались за
 веру вместе. А стоило Фёдору
 по-своему толковать некоторые
 догматы христианства, как Ав-
 вакум обрушился на него со всей
 страстью, вплоть до того, что в
 пылу гонения за веру называл его
 «блядин сын».

Интересна ли Деркову свадьба?
 Когда едем в Москву?

Дёму вышенаписала Лодке
 предовой шравен (Амалом), вышена,
 так много им и Серёше передала
 вышена Лодке, да бойдену
 влюблен Крошинецкого одынашеницу.
 «к шравен».

дали за веру вместе. А стоило Фёдору по-своему толковать некоторые догматы христианства, как Аввакум обрушился на него со всей страстью, вплоть до того, что в пылу гонения за веру называл его «блядин сын».

Теперь по существу последнему
письму. К сожалению, никаких

ископанных источников, о Матфея²⁾
мы почти не знаем. Я
исследовал с десятком сирин-
ских паломников. И вот
мой вопрос, почему они бежали,
отвечали: Иисус велел бежать
в Египет или в Иерусалим со-
всем, кто в последние
дней... "Вот увидите
Иерусалим, который
убивает пророков и каменеет
исследующих в Иудее да ро-
бить в горы; и кто на кровле,
тот да не спрыгивает вниз,
и кто на поле, тот да не
обращается назад взять одежды свои..."

Иисус велел одеться свои... "3
(Ев. Матфея, гл. 24, ст. 15-18).

И принцип общности
делания делами из апостоль-
ских деланий:

"Все же верующие были вместе
и имели всё общее; и продавали
имения и все свое имущество,
и раздавали всем, смотря по
нужде каждого..." (Деяния
апостолов, гл. 2, ст. 44-45).

И множества же уверовав-
ших было одно сердце и одна
душа; и никто ничего из име-
ния своего не называл своим,
и всё у них было общее.

Теперь по существу последне-
го письма. К сожалению, ника-
ких печатных источников, о
чём ты пишешь, **не сущест-
вует**. Я беседовал с десятком
страннических начётчиков.
И вот на вопрос, почему они
бегают, отвечают: так пове-
лел Христос. В Евангелии от
Матфея говорится, что в после-
дние времена, «...когда уви-
дите мерзость запустения...
тогда находящиеся в Иудее да
бегут в горы; и кто на кровле,
тот да не сходит взять что-
нибудь из дома своего; и кто
на поле, тот да не обращается
назад взять одежды свои...»
(Ев. Матфея, гл. 24, ст. 15-18).
А принцип общности опре-
деляется словами из апостоль-
ских деяний:

«Все же верующие были вмес-
те и имели всё общее: и про-
давали имения и всякую собст-
венность, и разделяли всем,
смотря по нужде каждого...»
(Деяния апостолов, гл. 2, ст.
44-45).

«У множества же уверовав-
ших было одно сердце и одна
душа; и никто ничего из име-
ния своего не называл своим,
но всё у них было общее...»
(Там же, гл. 4, ст. 32.)

во всё у них было общее." У
 (там же, т. 4, стр. 32).

А в моих материалах я
 излагаю это, критикуя домы-
 слы, которые распространи-
 лись ранее и распространя-
 ются теперь относительно
 странников.

Можно сослаться только
 на сборник Страннических
 записок, которые я начал чи-
 тать в Ред-ке им. Салтыкова-
 Щедрина (отдел редких книг),
 но на это у тебя нет времени.

А в моих материалах я излагаю это, критикуя домыслы, которые распространялись ранее и распространяются теперь относительно странников.

Можно сослаться только на сборник страннических записок, которые я начал читать в биб-ке им. Салтыкова-Щедрина (отдел редких книг), но на это у тебя нет времени.

Воскресенье

Здравствуй друг,
 Спасибо Сергею, Николаю Михайловичам!
 Письмо получило.

Будем ждать вас в мае. Тогда и возьмем,
 здорово, дневник отца Ваши. Он будет вильям
 была распухшим. Моей жене давай совет:
 первая по судящая в светлом фильме -
 пока не освободилась от этого интересного
 занятия: работа по фильму, журналист, и востр.
 на нас (у шморгель) в Ярославле. Наско-
 кое это будет интересно для массового ин-
 тернета.

Фильм готов, тем самым, идем дальше,
 мне нужно рассказать тебе о брате
 моих братьях и сестрах в Голливуде тоже,
 как работало в издательстве братьев своих
 (идеолог!). Запомни я не более того,
 а вам спасибо за то что делаю. Конечно,
 было бы лучше для меня и братьев своих
 какую работу проводить в Голливуде, на
 моем судящий, но, конечно, это шморгель
 освещать.

бесси́мъ это освежающий ветер, но тогда же
 и залога залежа и нафталин. Все бьются
 за редакторские кресла, а имена Пуш-
 кина, Достоевского, Гоголя они призывают
всё. А это запрещены, судя по Библии,
 даже древние евреи.

...Этим летом, чем раньше, тем лучше, мне нужно рассказать тебе о бедствиях моих братьев и сестёр в довоенные годы, желательно в присутствии братьев твоих (**только!**). Займу я не более часа, а там смотря по ходу дела. Конечно, было бы яснее для тебя и братьев твоих такую беседу провести в деревне, на месте событий, но, кажется, это трудно осуществить.

Читал в «Литературной» выступления на очередном пленуме Союза писателей. Если это освежающий ветер, то что же тогда залежь и нафталин. Все бьются за редакторские кресла, а имена Пушкина, Достоевского, Гоголя они призывают **всё**. А это запрещали, судя по Библии, даже древние евреи.

Воскресенье

2

Серёжа, прошу тебя найти время, чтобы писать Володе хотя бы раз в месяц по взаимно интересным для вас вопросам. Ты знаешь, он очень ценит твои письма. А сейчас ему нужна такая поддержка. Вы все по тонкости чувств похожи на первого человека — Адама, тут ничего не поделаешь...
 Мне вернее в ближайшем будущем увидеть поддержку в шестом. Больше — расей Катарама в

Серёжа, прошу тебя найти время, чтобы писать Володе хотя бы раз в месяц по взаимно интересным для вас вопросам. Ты знаешь, он **очень** ценит твои письма. А сейчас ему **нужна** такая поддержка. Вы все по тонкости чувств похожи на первого человека — Адама, тут ничего не поделаешь...

Неровно пишу, что значит зрение. Серёжа, узнай у философа нельзя ли от них получить ксерокопию Слова св. Епифания Кипрского, которое читается во время пасхального богослужения. Начало его «Что се молчание многое, яко царь спит». Судя по времени, которое оно занимает по распорядку, текст не более 5 листов... Фотокопию не соглашайся, это слишком дорого. А ксерокопии и в 10 листов мне <нрзб.> в Иванове за 5 рублей.

Дело в том, что Слово это всю жизнь искали дедушка Ипат, а потом и папа. Кстати, до Никона небольшие статьи назывались «слово», побольше статья – поучение, а сочинения назывались «творениями».

Неровно пишу, что значит зрение. Серёжа, узнай у философа, нельзя ли от них получить ксерокопию Слова св. Епифания Кипрского, которое читается во время пасхального богослужения. Начало его «Что се молчание многое, яко царь спит». Судя по времени, которое оно занимает по распорядку, текст не более 5 листов... Фотокопию не соглашайся, это слишком дорого. А ксерокопии и в 10 листов мне <нрзб.> в Иванове за 5 рублей.

Дело в том, что Слово это всю жизнь искали дедушка Ипат, а потом и папа. Кстати, до Никона небольшие статьи назывались «слово», побольше статья – поучение, а сочинения назывались «творениями».

Воскресенье

Мои милые, ненаглядные
Серёжа, Людмила Михайловна!
Обращаюсь к вам с просьбой. Она, видимо, покажется мелочью, пустяком. Но мелочь
эта для меня – принципиальная.
Дело в том, что по словам моих сыновей воспоминания Оли в очередном выпуске
«Странника» якобы получили название «Дочь начальника». Как-никак, а воспоминания
имеют какое-то отношение лично ко мне, поэтому я (выражаясь дипломатически) заяв-
ляю решительный протест.
Слово «начальник» было неприемлемо в нашем роду. Я тебе говорил, Серёжа, что
родовая традиция наша отличается высочайшей свободой совести (религиозных убеж-
дений). Один пример: прадед Яков (отсюда Яковлевы) и прабабка Устинья (его жена)
придерживались различных верований. Прадед следовал учению нетовщины (Спасова
согласия), а прабабка – учению поморцев (их религиозный центр существует и сейчас в
Мурманске на Просторненском кладбище). Убы

Мои милые, ненаглядные

Серёжа, Людмила Михайловна!

Обращаюсь к вам с просьбой. Она, видимо, покажется мелочью, пустяком. Но мелочь
эта для меня – принципиальная.

Дело в том, что по словам моих сыновей воспоминания Оли в очередном выпуске
«Странника» якобы получили название «Дочь начальника». Как-никак, а воспоминания
имеют какое-то отношение лично ко мне, поэтому я (выражаясь дипломатически) заяв-
ляю решительный протест.

Слово «начальник» было неприемлемо в нашем роду. Я тебе говорил, Серёжа, что
родовая традиция наша отличается высочайшей свободой совести (религиозных убеж-
дений). Один пример: прадед Яков (отсюда Яковлевы) и прабабка Устинья (его жена)
придерживались различных верований. Прадед следовал учению нетовщины (Спасова
согласия), а прабабка – учению поморцев (их религиозный центр существует и сейчас

Иногда они питались из разных блюд
 (блюда были деревянные, долблёные, у нас
 хранилось до последнего времени одно блюдо).
 Они молились так: прадед в переднем
 углу избы, как воевода, а прабабка за
 перегородкой, «на кухне» (по-нынешнему).
 А жили дружно, в религиозных спорах
 не вступали, зная, что они бесполезны, а
 поскольку люди были очень умные, дружба
 была у них крепкая.

Где, в каком государстве вы найдете
 такую свободу совести?

Теперь, надеюсь, понятен вам мой
 протест.

Я бы по-своему назвал воспоминания
 так: «В сказочном мире», а для менее
 толковых можно дать подзаголовок
 «Воспоминания детства» или что-то в этом
 роде.

Пребывая в уверенности, что моя
 «слезница» будет учтена, остаюсь любящий вас
 Стенда

23 мая,

1991/09

А. Солосор

в Москве на Преображенском кладбище). Всю жизнь они питались из разных блюд (блюда были деревянные, долблёные, у нас хранилось до последнего времени одно блюдо). Они молились так: прадед в переднем углу избы, как воевода, а прабабка за перегородкой, «на кухне» (по-нынешнему). Но жили дружно, в религиозные споры не вступали, зная, что они бесполезны, а поскольку люди были очень умные, дружба была у них крепкая.

Где, в каком государстве вы найдете такую свободу совести?

Теперь, надеюсь, понятен вам мой протест.

Я бы по-своему назвал воспоминания так: «В сказочном мире», а для менее толковых можно дать подзаголовок «Воспоминания детства» или что-то в таком роде.

Пребывая в уверенности, что моя «слезница» будет учтена, остаюсь любящий вас

МНОГОГОЛОСИЕ РУССКОЙ ПРОВИНЦИИ

Жизнь можно унижить, искалечить, исказить, в конце концов отнять, но пока она есть, даже в самом последнем углу, на исчезающе малом пространстве последней свободы, она полна собой: своей мыслью, любовью, надеждой, своей единственностью, своим цветом.

И.А. Дедков

Русская общественная мысль, о которой иногда говорят почему-то в прошедшем времени, не отошла в прошлое. На деле это живой непре-секающийся процесс, выдвигающий вперед всё новые идеи и фигуры. Общественную мысль в России невозможно подменить партийными программами или популярными нынче “технологиями”, имеющими дело с обезличенными массами людей. Она традиционно обращена к человеку, его внутреннему миру, возможностям его самосовершенствования и связывает воедино вещи, казалось бы, несоединимые: политику и нравственность, быт и эстетику, экономику и народные идеалы.

На огромных просторах России течёт своя жизнь, далёкая от столичной, идёт напряжённая и вполне оригинальная мыслительная и творческая работа. Об этой работе мало что известно. Важно знать историю идей, произраставших на отечественной почве. Но не менее важно знать, над какими «проклятыми вопросами» бьются сегодняшние наследники русской общественной мысли, наши с вами современники. Видеть их лица.

ИМЕННО ЭТОМУ СЛУЖИТ НОВЫЙ ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛ «ПИСЬМА ИЗ РОССИИ».

Ещё одна задача журнала – положить начало литературной летописи народной жизни последнего двадцатилетия, времени радикальных переворотов и катастрофических сломов, горестными масштабами сравнимых только с революционными десятилетиями начала XX века. С каждым днём уходят подробности. Важно зафиксировать жизнь в её сегодняшней и недавней подлинности, не пропустив ни одну человеческую трагедию.

ПО ЗАЯВКАМ БИБЛИОТЕК РАСПРОСТРАНЯЕТСЯ БЕСПЛАТНО!

(Доставка – за счет получателя.)

Шлите нам статьи, очерки или эссе, стихи, рассказы, повести, просто письма. Наиболее интересные произведения и мысли появятся на страницах очередного номера.

Рассматриваются произведения любых жанров объёмом не более 4 авторских листов (1 авт. л. = 40 тыс. знаков). Рукопись должна быть набрана на компьютере и прислана по электронной почте (sayakovlev@yandex.ru). Принимаются иллюстрации (рисунки, графика) и документы, представляющие художественную ценность либо имеющие общественное значение.

**ДОСТОИНСТВО РОССИИ, ОСМЫСЛЕННОСТЬ РУССКОЙ ЖИЗНИ –
ДЕЛО ВАШИХ УМОВ И ТАЛАНТОВ!**

